

ISSN:1818-4049

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

№2 (91) 2020

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2020 г. № 2 (91)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень ведущих научных изданий с 30.11.2006 г. Заключением Президиума ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015 г. № 13-6518 научный журнал «Власть и управление на Востоке России» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

By the presidium's conclusion of VAK by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 01.12.2015 № 13-6518 the scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of the Russian reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations to submit the scientific degrees for Doctor and the Candidate of science.

ISSN 1818-4049

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям: 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 Мировая экономика; 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы; 22.00.05 Политическая социология; 22.00.08 Социология управления.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2020 г. № 2 (91)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сугиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

The Journal is included in the list of Peer-reviewed scientific publications, approved by Higher Attestation Commission of the Russian Federation (VAK), in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences, in scientific specialties should be published: 08.00.05 Economy and management of national economy; 08.00.10 Finance, cash circulation and credit; 08.00.14 World economy; 22.00.04 Social structure, social institutions and processes; 22.00.05 Political Sociology; 22.00.08 Sociology of management.

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

**scientific journal
2020, no. 2 (91)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor).

The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy,
professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy,
professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor
(Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor
(Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy
(Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief
scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology
(Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, professor
(China)

A. Knorr, Doctor, professor (Germany)

Z. Sugiura, professor (Japan)

Ma U., Doctor, Chief Researcher (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: новые стратегии и модели развития

Иванченко О.Г. Григорьева А.Н. Иванченко Е.С.	Влияние кредитных ресурсов на развитие промышленности: российский и дальневосточный ракурс	8
Найден С. Н. Грицко М. А. Буревая Н. С.	Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала	16

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Амбрутис В. Ю. Шум Н. М.	Стратегическое управление повышением эффективности экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии	30
Цзоу Сютин	Влияние коронавирусной эпидемии на экономику Китая и контрмеры правительства и регионов	37

Теория и практика экономики и управления

Цветова Г. В.	Цифровая экономика: преимущества, угрозы и факторы влияния	45
Докукина И. А. Полянин А. В. Тарновский В. В.	Основные направления совершенствования распределения организационных задач в условиях публичного управления	51
Захаров С. И.	Оценка возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников предприятий угольной отрасли	66
Цибиков В. А.	Профилактика суицидов как общегосударственная система (на примере регионов Дальнего Востока)	76

Социология

Зубок Ю. А. Березутский Ю. В.	Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции	89
Байков Н. М. Литвинцева С. А.	Профессиональная социализация и социальная практика в представлениях врачей и оценках населения	106
Федорищева Е. К. Гареева И. А. Косилов К. В.	Поведенческие стратегии в отношении здоровья у студентов медицинских направлений (социологический анализ)	118
Зубков В. В.	Сегментированный рынок труда в контексте демографической ситуации и социологическом измерении	138
Клейменов Е. А. Чепиков Е. В.	Состояние антикоррупционного просвещения граждан на Дальнем Востоке: социологическое измерение	146

CONTENTS

The Far East: new strategies and development models

O. G. Ivanchenko A. N. Grigorieva E. S. Ivanchenko	The impact of credit resources in the development industry of the Far-Eastern regions of Russia	8
--	---	---

S. N. Naiden M. A. Gritsko N. S. Burevaya	Social infrastructure development as a condition of human capital growth	16
---	--	----

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

V. Yu. Ambrutis N. M. Shum	Strategic management of increasing the export efficiency of timber products of the Far East to the countries of Northeast Asia	30
-------------------------------	--	----

Tzou Syutin	Impact of the coronavirus epidemic on the China's economy and the government and regional countermeasures	37
-------------	---	----

Theory and practice of economics and management

G. V. Tsvetova	Digital Economy: benefits, threats, and the influences factors	42
----------------	--	----

I. A. Dokukina A. V. Polyanin V. V. Tarnovskiy	Basic directions of improving the distribution of organizational tasks in the conditions of public management	51
--	---	----

S. I. Zakharov	Assessing opportunities of competitiveness increasing in the coal industry enterprises	66
----------------	--	----

V. A. Tsibikov	Suicide prevention as a federal system (on the example of the Far-Eastern federal district regions)	76
----------------	---	----

Sociology

Yu. A. Zubok Yu. V. Berezutskiy	Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations	89
N. M. Baykov S. A. Litvintseva	Professional socialization and social practice in doctors submissions and population assessments	106
E. K. Fedorishcheva I. A. Gareeva K. V. Kosilov	Behavioral health strategies by the students of medical directions (sociological analysis)	118
V. V. Zubkov	Segmented labor market in the context of demographic situation and sociological dimension	138
Ye. A. Kleymenov Ye. V. Chepikov	The state of anti-corruption education of citizens on the Far East: sociological dimension	146

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-8-15

УДК 338.45

О.Г. Иванченко
А.Н. Григорьева
Е.С. Иванченко

Влияние кредитных ресурсов на развитие промышленности: российский и дальневосточный ракурс

В статье дана оценка динамики промышленного производства и факторов определяющих его развитие в современной экономике. Рассмотрены формирующиеся и усиливающиеся диспропорции в развитии российской и дальневосточной промышленности. Промышленные предприятия в Российской Федерации на протяжении периода наблюдений с 2000 по 2018 гг. сохранили значимую долю в структуре экономики, тогда как удельный вес промышленности в структуре экономики Дальневосточного федерального округа, его промышленных регионов, в том числе Хабаровского края, уменьшился более чем в 2 раза. Сохранение позиций российской промышленности сопровождалось усилением зависимости производственной и инвестиционной деятельности от кредитных ресурсов. В экономике Хабаровского края наблюдалось сужение инвестирования. Минимальный темп роста инвестиций (к предыдущему году) в основной капитал в регионе наблюдался в посткризисный 2005 год, а в 2012–2017 гг. инвестиции ежегодно сокращались. Одной из причин сокращения инвестиционных вложений явилось уменьшение доли кредитов в источниках финансирования инвестиций. При этом роль кредита не была устойчивой и существенно колебалась под влиянием кризисных событий. Уровень доли кредитов банков в источниках финансирования инвестиций менее 5% сложился в Хабаровском крае в 2004, 2010, 2017 гг., при этом наиболее низкий показатель (3,3%) в 2010 г. соответствовал самой низкой доле промышленности края в структуре инвестиций в основной капитал (19%).

Ключевые слова: промышленность, источники финансирования инвестиций, инвестиции в основной капитал, кредитование.

Введение. На протяжении последних десятилетий промышленность сохраняет за собой определяющие позиции в структуре экономики мирового сообщества, большинства стран, в том числе и России. В промышленности формируется основ-

ная доля национального дохода и валового внутреннего продукта (далее – ВВП). В среднем доля промышленности в совокупном ВВП в мировой экономике составляет около 30 %, в России порядка 32% [Тюленева, 2019. С. 81–90]¹.

¹ ВВП по секторам экономики. URL: https://www.yestravel.ru/world/economy/gdp_composition_by_sector (дата обращения 11.12.2019)

Ольга Григорьевна Иванченко – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). E-mail: o.g.ivanchenko@mail.ru

Анна Николаевна Григорьева – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). E-mail: a.n.grigoriva@mail.ru

Евгений Сергеевич Иванченко – канд. экон. наук, заместитель генерального директора, Дальневосточная аудиторская фирма «Форест Аудит» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Комсомольская, д. 104). E-mail: ivanchenkoes@gmail.com

В российской дальневосточной экономике промышленность, несмотря на стагнацию, наблюдаемую с начала 21 столетия до 2008 г., не потеряла лидирующие позиции (табл. 1). Усиление в последние годы мер государственной поддержки, ориентированных, прежде всего, на расширение финансирования инвестиций для формирования эффективной структуры дальневосточной экономики и ее ресурсного обеспечения, стало основным фактором восстановления и развития промышленного производства в регионах Дальнего Востока.

Однако дефицит финансовых ресурсов для дальневосточной экономики в целом и промышленности, в первую очередь, не исчерпан и остается основным фактором замедления их развития.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ влияния инвестиционной активности, привлеченного капитала, кредитных ресурсов на развитие промышленности России и Дальнего Востока.

Объектом исследования выступают совокупности предприятий промышленного производства Российской Федерации, Дальнего Востока и Хабаровского края, позиционирующегося как один из регионов, в которых сосредоточен основной промышленный потенциал Дальневосточного федерального округа.

В качестве информационной базы использованы данные Федеральной службы государственной статистики о динамике и структуре валового регионального продукта (далее – ВРП) и инвестиций, а также

Таблица 1

**Динамика ВРП, промышленного производства, инвестиций
и производительности труда, %**

Годы	Индексы физического объема ВРП в постоянных ценах, к предыдущему году		Индекс промышленного производства		Доля промышленности в структуре валового регионального продукта		Динамика инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах, к предыдущему году		Доля промышленности в инвестициях в основной капитал		Индекс производительности труда, к предыдущему году	
	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край
2000	110,6	111,6	108,7	124,7	33	46	117,4	139,2	38,5	37,3		
2001	106,0	108,1	102,9	112,3	31	44	110	121,8	38,7	36,5		
2002	105,5	106,4	103,1	105,1	29	39	102,8	117,9	42,7	51,5		
2003	107,6	104,1	108,9	110,4	29	36	112,5	110,4	42,5	41	107	
2004	107,4	105,5	108,0	101,7	36	28	111,7	123,7	34,8	32,1	106,5	
2005	107,6	104,2	105,1	104,5	35	25	110,2	101,8	36,8	28,1	105,5	
2006	108,3	105,3	106,3	89,3	35	25	117,8	108,7	37,2	28,0	107,5	103,7
2007	108,3	105,1	106,8	110,1	34	23	123,8	122,9	38,0	26,8	107,5	103,6
2008	105,7	102,6	100,6	92,6	33	21	109,5	109,9	37,4	33,0	104,8	102,8
2009	92,4	93,0	89,3	93,2	31	18	86,5	108,1	36,9	20,7	95,9	96,6
2010	104,6	111,0	107,3	111,0	33	19	106,3	152,2	39,2	19,0	103,2	108,0
2011	105,4	102,5	105,0	116,9	33	20	110,8	107,8	36,9	20,9	103,8	101,9
2012	103,1	100,5	103,4	109,6	32	19	106,8	94,7	36,9	33,1	103,3	100,8
2013	101,8	101,3	100,4	102,2	32	17	100,8	80,7	38,2	48,0	102,2	101,2
2014	101,3	101,0	101,7	102,5	31	19	98,5	83,2	39,6	42,0	100,7	101,6
2015	99,4	95,7	99,2	102,7	32	21	89,9	78,3	41,0	44,1	98,9	97,7
2016	100,8	100,1	102,2	101,1	32	21	99,8	97,9	40,3	31,9	100,2	98,5
2017	101,8	101,1	102,1	120,0	33	20	104,8	98,5	48,7	27,7	101,9	100,8
2018	102,3	101,6	102,9	99,5			104,3	102,4	48,0	27,4	104,3	101,8

Источник: расчеты авторов^{2,3}.

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://old.gks.ru/> (дата обращения 27.10.2019).

³ Росстат считает невозможным точно рассчитать производительность труда // Коммерсантъ. 02.07.2019. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4018633> (дата обращения 01.12.2019)

показатели кредитования нефинансовых предприятий, публикуемые Банком России, за период 2000–2018 гг.

Результаты исследования. В период 2000–2018 гг. наблюдалась существенная волатильность условий развития российской экономики, обусловленная в значительной мере динамикой глобальных рынков [Ivanckenko, Renzin, Grigoreva, 2018; Lund, Windhagen, Manyika, Härle, Woetzel, Goldshtein, 2017; Миркин, 2018]. В целом за исследуемый период рост экономики страны и региона замедлился. Индексы физического объема ВРП в постоянных ценах снизились в РФ со 110,6% в 2000 г. до 102,3% в 2018 г., в Хабаровском крае со 111,6% до 101,6% при среднемировом росте в 2018 г. 3,5 – 4%². При этом темпы роста экономики Хабаровского края в рассматриваемый период, за исключением 2000–2002, 2010 гг. отставали от общероссийских (табл. 1).

На сложившуюся тенденцию замедления роста существенное влияние оказали кризисы, приведшие к сокращению ВРП: в 2009 г. – на уровне 7% как в стране, так и в Хабаровском крае, в 2015 г. – на 0,6% в РФ и на 4,3% в регионе. Ни в один из посткризисных годов экономика России не росла быстрее, чем в развивающихся странах в целом^{2,3,4}. Сохранение в дальнейшем таких темпов роста не позволяет рассчитывать на сближение в перспективе с показателями развитых стран, находящихся на технологической границе, и содержит риск отставания от активно растущих развивающихся стран [Акиндинова, Бессонов, Ясин, 2018].

Аналогичное тенденциям экономического развития замедление темпов роста промышленного производства наблюдалось как в стране в целом, так и в Хабаровском крае: в 2000–2018 гг. индекс промышленного производства в РФ уменьшился с 108,7% до 102,9%, в Хабаровском крае – с 124,7% до 99,5%. В посткризисные годы наблюдалось сокращение российской промышленности в целом: в 2009 г. на 10,7% и в 2015 г. на 0,8%. В Хабаровском крае кризисные

периоды вызвали спад промышленности на 7,4% в 2008 г., на 6,8% в 2009 г.

Структура экономики Хабаровского края, в отличие от российской экономики, за рассматриваемый период с 2000 по 2017 гг. существенно изменилась. Если на начало рассматриваемого периода промышленность в структуре ВРП Хабаровского края превалировала и занимала 46%, то в 2017 г. сократилась более, чем в 2 раза – до 20%, при этом существенно увеличилась доля таких отраслей, как транспорт, связь (с 15% до 23% ВРП), торговля (с 11% до 16% ВРП).

В связи с сокращением роли промышленности в структуре ВРП промышленный рост региона, который в целом опережал показатели динамики российской промышленности, в 2004–2017 гг. не оказывал заметного влияния на рост экономики края в целом: если в 2000–2003 гг. наблюдалась высокая теснота связи между динамикой ВРП и промышленности (коэффициент корреляции 0,83), то в 2004–2017 гг. она была очень слабой (коэффициент корреляции 0,23).

На протяжении анализируемого периода инвестиционная деятельность характеризовалась существенными колебаниями годовых темпов роста с положительной и отрицательной динамикой. Кризисные периоды и спад в экономике усугубляли ситуацию с инвестициями как в стране в целом, так и в экономике региона. В результате кризиса 2014 г. темп роста инвестиций в России замедлился (со 111,7% в 2004 г. до 110,2% в 2005 г.). Внешние шоки 2008 и 2014 гг. привели к инвестиционному спаду. Причем, если в результате кризиса 2008 г. падение инвестиций наблюдалось только в 2009 г. (на 13,5%), то практически нулевая динамика инвестиций в реальном выражении в 2013 г. (100,8%) предшествовала спаду в 2014 г. (на 1,5%), 2015 г. (на 10,1%) и 2016 г. (на 0,2%). Сложившиеся в 2017–2018 гг. показатели ежегодного инвестиционного роста более 104% не достигли уровня 2000 г. (117,4%). В 2018 г. уровень инвестиций лишь приблизился к докризисному (со-

⁴ Экономический рост в мире и России: «Новая нормальность». Исследование Института экономики роста им. Столыпина П.А. Февраль, 2018. Режим доступа: <http://stolypin.institute/institute/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskij-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost/> (дата обращения 01.12.2019)

ставив почти 97 % от уровня 2013 г.)⁵.

В Хабаровском крае за период 2000–2018 гг. годовой темп роста инвестиций в основной капитал сократился со 139,2% до 102,4%. Кризисные периоды усиливали тенденцию. В 2005 г. рост инвестиций замедлился до 101,8% по сравнению с показателем предыдущего года (123,7%). В 2012–2017 гг. наблюдалось снижение объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах (ежегодно на 1,5% – 21,7%).

Изменения в динамике инвестиций сопровождались изменением в структуре их использования по видам деятельности. При этом доля российской промышленности в инвестициях в основной капитал в целом демонстрировала тенденцию роста и увеличилась с 38,5% до 48%, а в Хабаровском крае, напротив, сократилась с 37,3% до 27,4%.

Инвестиционная активность определяла динамику производительности труда как в Российской Федерации, так и в Хабаровском крае. В Хабаровском крае показатели динамики производительности труда в целом сложились ниже, чем в РФ и демонстрировали тенденцию к замедлению в каждый последующий период внешних шоков и восстановления экономики: средние значения индекса производительности труда в крае составили в 2006–2007 гг. 103,7% (РФ – 107,5%), в 2008–2013 гг. 101,9% (РФ – 102,2%), в 2014–2018 гг. 100,1% (РФ – 101,2%). Рост производительности труда как в РФ (104,3%), так и в Хабаровском крае (101,8%) не достиг значений показателя 2006 г. (соответственно 104,3% и 101,8%). Таким образом, экономические и финансовые ресурсы были направлены, прежде всего, на обеспечение текущей деятельности предприятий.

Банковская система играла ограниченную роль в формировании источников развития российского производства (табл. 2).

Ежегодные темпы роста задолженности по кредитам, предоставленным

в целом нефинансовым предприятиям за 2002–2018 гг., снизились в РФ со 136,7% до 110,3%, в Хабаровском крае – со 150,9% до 111,6%. Замедление темпов роста задолженности по кредитам, предоставленным как нефинансовым предприятиям в целом, так и промышленным предприятиям, наблюдалось с каждым последующим кризисным периодом в экономике. Так, средний темп роста задолженности по кредитам, предоставленным предприятиям промышленности в Хабаровском крае в 2002–2003 гг., составил 136,9%, в 2004–2007 гг. – 121,1%, в 2008–2013 гг. – 117,8%, в 2014–2018 гг. – 113%. При этом в 2018 г. показатель достиг 116,7%, что может означать усиление позитивной тенденции в кредитовании промышленного производства.

Несмотря на рост доли задолженности по кредитам, предоставленным нефинансовым предприятиям, в ВРП за 2001–2018 гг. более чем в 2 раза (в Хабаровском крае с 16,5 % до 33,7%, в РФ с 13,2% до 31,0%), роль банковского кредита как источника инвестиций оставалась невысокой. В стране в целом за рассматриваемый период доля кредитов в источниках финансирования инвестиций не превышала 11% и в период 2005–2018 гг. колебалась вблизи отметки 8–11%. В Хабаровском крае в 2001–2003 гг. доля банковских кредитов в объеме инвестиций составила 6,7%, в 2004–2008 гг. – 10,7%, а в 2009–2017 гг., за исключением 2014 г., только 3 – 8% объема инвестиций в основной капитал осуществлялось с привлечением ресурсов отечественных банков. Показатель вырос до 9,6% лишь в 2018 г. при значительном росте доступности кредитных ресурсов в результате расширения государственной финансовой поддержки, в том числе льготного кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства. В то же время в мире удельный вес банковских кредитов не превышает, как правило, 14 – 16%⁶, а в развитых

⁵ Тезисы об экономике. 2018. Итоги. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2019. 9 апреля. URL: <http://stolypin.institute/institute/issledovanie-instituta-ekonomiki-rosta-im-stolypina-p-a-ekonomicheskij-rost-v-mire-i-rossii-novaya-normalnost/> (дата обращения: 30.09.2019).

⁶ Банки. Финансовая стабильность. Экономический рост. Отчетный доклад Президента Ассоциации банков России. Май, 2019. URL: https://asros.ru/upload/iblock/c4f/19924_banki_finansovayastabilnost_ekonomicheskiirost_mai2019.pdf (дата обращения 24.11.2019).

Таблица 2

Динамика показателей кредитования нефинансовых предприятий

Годы	Темп роста задолженности по кредитам, предоставленным нефинансовым предприятиям, % к началу года				Задолженность по кредитам, предоставленным предприятиям промышленности, в % к задолженности по кредитам нефинансовым предприятиям		Задолженность по кредитам, предоставленным нефинансовым предприятиям, в % к ВРП (ВВП)		Доля кредитов банков в источниках финансирования инвестиций в основной капитал, %	
	всего		промышленность							
	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край
2001					43,3	67,8	13,2	16,5	4,4	6,9
2002	136,7	150,9	126,1	164,2	39,9	73,8	14,9	19,7	5,9	6,9
2003	142,4	120,0	134,0	109,6	37,6	67,4	17,4	20,5	5,3	6,3
2004	138,8	108,5	123,6	96,7	33,5	60,0	18,7	19,4	7,9	4,4
2005	135,2	160,1	111,1	137,4	27,5	51,5	19,9	25,7	8,1	5,3
2006	134,6	137,3	136,6	143,9	27,9	54,0	21,6	29,3	9,5	11,1
2007	150,4	117,1	134,7	106,6	25,0	49,2	26,3	28,8	10,4	15,9
2008	139,9	132,8	143,1	123,9	25,5	45,9	29,6	32,8	11,8	15,7
2009	101,7	87,2	113,7	70,9	28,6	37,3	32,0	28,0	10,3	5,8
2010	109,5	114,1	110,1	100,0	28,7	32,7	29,4	24,9	9,0	3,3
2011	125,5	128,1	121,2	123,7	27,7	31,6	28,3	28,2	8,6	5,2
2012	114,8	131,2	116,2	158,0	28,1	38,0	28,7	33,7	8,4	6,0
2013	113,6	124,6	113,4	130,5	28,0	39,8	30,4	37,0	10,0	8,1
2014	124,9	133,6	141,3	157,5	31,7	47,0	35,1	45,6	10,6	13,3
2015	107,6	105,7	115,0	120,8	33,9	53,7	36,0	43,6	8,1	7,1
2016	94,4	96,9	94,0	97,7	33,7	54,1	32,8	40,1	10,4	5,8
2017	103,6	86,2	108,5	72,2	35,3	45,3	31,7	32,6	11,2	4,9
2018	110,3	111,6	108,6	116,7	34,8	47,4	31,0	33,7	11,2	9,6

Источник: расчёты авторов^{2,7}.

странах составляет 40 – 50% [Аганбегян, 2019. С. 3–15].

Вложения отечественных банков в основной капитал составили в 2017 г. менее 1% их активов. Банковская система мало влияла на экономический рост, делая ставку на использование коротких денег для краткосрочных кредитов [Аганбегян, 2019. С. 3–15].

Сложилась неблагоприятная ситуация с непосредственным участием банковского капитала в реализации инвестиционных проектов как основы экономического роста, которые реализуются, как правило, с привлечением заемных средств, а не за счет акционерного капитала банков [Френкель, Тихомиров, Сергиенко, Сурков, 2018. С. 24–49].

Результаты корреляционного анализа за период 2001–2018 гг. показывают,

что на уровне российской экономики наблюдается весьма высокая теснота связи банковских кредитов как с ВРП, так и с инвестициями, в том числе банковских кредитов, предоставленных предприятиям промышленности и инвестиций в промышленное производство (коэффициенты корреляции превысили 0,97). В Хабаровском крае весьма высокая теснота связи наблюдается между ВРП и кредитным портфелем банков (коэффициент корреляции 0,97), тогда как связь между инвестициями и кредитами как в целом в региональной экономике, так и в промышленности значительно ниже и оценивается как заметная (коэффициент корреляции 0,68).

Таким образом, по сравнению с ситуацией в стране кредиты банков в Хабаровском крае были направлены в

⁷ Банк России. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения 27.10.2019).

большей мере в обеспечение текущей деятельности предприятий, действующих в регионе, или рефинансирование ранее предоставленных им кредитов. В условиях устойчивого роста зависимости региональных предприятий от внешних источников финансирования и перераспределения собственных средств в пользу головных компаний существенно усилилась роль корпоративных займов, замещающих региональный потенциал капитала, что привело к возникновению рисков в региональной экономике, связанных с низкой ликвидностью банковской системы в локальном аспекте и недостаточным притоком активного капитала для вложений в производственные структуры [Ivanckenko, Renzin, Grigoreva, 2018]. При этом принимаемые в период с 2010 по 2018 гг. меры государственной поддержки имеют отложенный эффект: рост инвестиций в основной капитал экономики и промышленности Хабаровского края не стали драйвером роста эффективности, производительности труда. Доля промышленности в структуре ВРП края снизилась с 46% в 2000 г. до 20% в 2017 г. В 2006–2017 гг. средняя доля промышленности в ВРП не превышала 20%. Средний ежегодный прирост индекса производительности труда в 2006–2018 гг. составил не более 1,5%. При этом в посткризисных 2009, 2015, 2016 гг. индекс производительности труда к предыдущему году показал существенное снижение (от 1,5% до 3,4%).

Заключение. Как показал анализ, за наблюдаемый период 2000–2018 гг. в целом в РФ не изменилась роль промышленного сектора в структуре экономики (доля в ВРП составила 33%).

В целом российская экономика развивалась более стабильно, чем экономика Дальневосточного федерального округа и его регионов. В Хабаровском крае наблюдалась тенденция ежегодного прироста ВРП и промышленного производства за исключением 2009, 2015 гг. Однако, экономика края прорастала более низкими темпами, чем в среднем по стране, при усилении тренда к сокращению (индекс физического объема ВРП в 2000 г. составил 111,6% к 1999 г., в 2018 г. 101,6% к 2017 г.).

Проведенное наблюдение показало формирование трендов ослабления влияния кредитного капитала на развитие инвестиций и промышленного производства на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае, позиционировавшемся к 1990-м годам (до периода новых экономических реформ) как регион зоны интенсивного освоения, занимающий лидирующие позиции в промышленном производстве Дальнего Востока. Так, в Хабаровском крае наблюдалось существенное изменение структуры валового регионального продукта в сторону уменьшения доли промышленного производства. Принимаемые в период 2015–2018 гг. меры государственной поддержки кредитования основного капитала производственных отраслей, прежде всего, промышленности, привели к активизации привлечения кредитных ресурсов в инвестиционную сферу лишь в 2018 г. При этом усилилась трансформация кредитных ресурсов из сферы прямых инвестиций в сферу их рефинансирования. Вследствие чего, роль банковского сектора в финансировании инвестиционного развития экономики и промышленности края заключалась, прежде всего, в рефинансировании задолженности по кредитам, предоставленным нефинансовым организациям в предыдущие периоды.

Таким образом, снижение доли промышленности в структуре дальневосточной экономики, Хабаровского края и замедление их развития было обусловлено, наряду с другими факторами, поступательным снижением влияния как прямых инвестиций, так и кредитных ресурсов в основные фонды отрасли. В совокупности это сформировало низкий уровень прироста производительности труда в дальневосточной промышленности и низкий уровень инвестиций в восстановление производственных фондов отрасли при отвлечении значительных финансовых ресурсов в рефинансирование кредитных займов предыдущих лет.

Список литературы:

1. Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы про-

гнозирования. 2019. № 1. С. 3–15.

2. Акиндинова Н. В., Бессонов В. А., Ясин Е. Г. Российская экономика: от транс-формации к развитию: Доклад к XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апреля 2018 г. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2018. 55 с.

3. Ivanckenko O., Renzin O., Grigoreva A. The Impact of External Shocks on the Structure of Enterprise Financing: a Retrospective of 2000–2017 // International Scientific Conference «Far East Con» (ISC FEC 2018) Part of series «Advances in Economics, Business and Management Research Publication Date». Режим доступа: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iscfec-18/55912434>

4. Миркин Я. Экономика: корни роста. Нашей стране необходим сверхбыстрый рост до 4 процентов ВВП в год // Российская газета – Федеральный вы-

пуск. № 2 (7465). 2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/01/09/iakov-mirkin-rf-neobhodim-sverhbystryj-rost-do-4-procentov-vvp-v-god.html> (дата обращения 30.10.2019).

5. Тюленева Т. И. Современное состояние и основные направления развития промышленности в Российской Федерации // Вестник ТОГУ. 2019. № 4. С. 81–90.

6. Френкель А., Тихомиров Б., Сергиенко Я., Сурков А. Экономика России в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 5. С. 24–49.

7. Lund S., Windhagen E., Manyika J., Härle P., Woetzel J., Goldshtein D. (2017). The new dynamics of financial globalization. McKinsey Global Institute. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~media/37B28221577844A4A28B2807CC1C6B31.ashx> (дата обращения 15.10.2019)

Библиографическое описание статьи

Иванченко О. Г., Григорьева А. Н., Иванченко Е. С. Влияние кредитных ресурсов на развитие промышленности: российский и дальневосточный ракурс // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-8-15

Olga G. Ivanchenko – Doctor of Economic Sciences, Professor the chair of economy and management, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). E-mail: o.g.ivanchenko@mail.ru

Anna N. Grigorieva – Candidate of Economics, Associate Professor the chair of economy and management, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). E-mail: a.n.grigoriva@mail.ru

Evgeniy S. Ivanchenko – Candidate of Economics, deputy director, the Far-Eastern auditor company (104, Komsomolskaya str., Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: ivanchenkoes@gmail.com

The impact of credit resources in the development industry of the Far-Eastern regions of Russia

In the period of 2000–2018, the Russian economy experienced several external shocks (crisis periods): in 2004, 2008, and 2014, which had a significant impact on credit support for the production and investment sectors. Industrial enterprises in the Russian Federation maintained their share in the structure of the economy throughout the observation period, while the share of industry in the GRP structure of a separate region of the Far-Eastern federal district – the Khabarovsk territory decreased by more than 2 times. Maintaining the position of Russian industry was accompanied by an increased dependence of production and investment activities on the credit resources. In the economy of the Khabarovsk territory, there was a decrease in investment. The minimum growth rate of investment in the fixed capital compared to the previous year in the region was observed in the post-crisis year 2005, and in 2012–2017, investment declined annually. One of the reasons for the reduction in investment was a decrease in the share of credits in the sources of investment financing.

At the same time, the role of banks was not stable and significantly fluctuated under the influence of crisis events. The level of the share of Bank loans in the sources of investment financing less than 5% was formed in the Khabarovsk territory in 2004, 2010, 2017, while the lowest indicator (3.3%) in 2010 corresponded to the lowest share of the region's industry in the structure of investment into the fixed capital (19%).

Keywords: industry, sources of financing investments in fixed assets, lending.

References:

1. Aganbegyan A.G. On urgent measures to resume social and economic growth *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], 2019, no. 1, pp. 3–15. (In Russian).
2. Akindinova N. V., Bessonov V. A., Yasin E. G. Russian economy: from transformation to development: Report to the 19th April International Scientific Conference on the Development of Economy and Society, Moscow, April 10–13, 2018. Moscow: ID NRU HSE, 2018. 55 p. (In Russian).
3. Ivanckenko O., Renzin O., Grigoreva A. The Impact of External Shocks on the Structure of Enterprise Financing: a Retrospective of 2000–2017. International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2018) Part of series “Advances in Economics, Business and Management Research Publication Date “. Access mode: <https://www.atlantispress.com/proceedings/iscfec-18/55912434> (In English).
4. Mirkin Y. Economy: the roots of growth. Our country needs super-fast growth of up to 4 percent of GDP per year *Rossiyskaya gazeta – Federal’nyy vypusk* [Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue], no. 2 (7465). 2018. Access mode: <https://rg.ru/2018/01/09/iakov-mirkin-rf-neobhodim-sverhbystryj-rost-do-4-procentov-vvp-v-god.html> (date of access 30.10.2019). (In Russian).
5. Tyuleneva T. I. Current state and main directions of industrial development in the Russian Federation *Vestnik TOGU* [Bulletin of Togu], 2019, no. 4, pp. 81–90. (In Russian).
6. Frenkel A., Tikhomirov B., Sergienko Y., Surkov A. The Russian economy in 2017–2019: the prerequisites for a breakthrough have not yet been created *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2018, vol. 13, no. 5, pp. 24–49. (In Russian).
7. Lund S., Windhagen E., Manyika J., Härle P., Woetzel J., Goldshtein D. (2017). The new dynamics of financial globalization. McKinsey Global Institute. Access mode: <https://www.mckinsey.com/~media/37B28221577844A4A28B2807CC1C6B31.ashx> (date of access 15.10.2019) (In English).

Reference to the article

Ivanchenko O. G., Grigorieva A.N., Ivanchenko E. S. The impact of credit resources in the development industry of the far eastern regions of Russia // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-8-15

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29

УДК 330.341.42

С. Н. Найден
М. А. Грицко
Н. С. Буревая

Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала

Устойчивое развитие общества предполагает наличие высокоразвитого человеческого капитала, необходимым условием роста которого является создание и поддержание достойного качества жизни, обеспечение современной и доступной для всех слоев населения социальной инфраструктурой. Одним из ограничений решения данной задачи выступает объективное неравномерное пространственное распределение экономических и социальных ресурсов по территории страны, что наиболее ярко проявляется в регионах Дальнего Востока, отличающихся высокой дифференциацией уровня жизни и испытывающих отток населения. Поиск объективной связи между показателями, характеризующими развитие социальной инфраструктуры, и ростом человеческого капитала, а также ее адекватная оценка являются целью настоящей статьи. В статье рассматриваются особенности сложившегося распределения населения и человеческого потенциала по субъектам Дальневосточного федерального округа. На статистических материалах по Хабаровскому краю анализируются динамика и составные элементы индекса человеческого развития (далее – ИЧР), который официально рассчитывается Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации. Выявлено, что причина отставания ИЧР по краю от среднего по стране связана с низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни. На основе стандартной методики с использованием индексного подхода выполнена оценка взаимосвязи между уровнем развития социальной инфраструктуры и индексом человеческого капитала, а также индексом человеческого развития. В результате проведенного исследования установлено, что между динамикой развития человеческого капитала и уровнем развития социальной инфраструктуры Хабаровского края существует прямая умеренная связь, поддерживаемая в большей степени инвестициями в инфраструктуру образования и в меньшей степени – здравоохранения. Обоснована ограниченность содержательных интерпретаций полученных оценок на уровне региона, что требует дополнительной дезагрегации и сравнительных сопоставлений на муниципальном уровне.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, индекс человеческого развития, социальная инфраструктура, Дальний Восток.

Введение. Среди ключевых факторов экономического роста на современном этапе человеческому капиталу отводится пер-

востепенная роль. Произошедшее во второй половине XX века переосмысление его роли, связанное с появлением фундамен-

Светлана Николаевна Найден – д-р экон. наук, профессор РАН, главный научный сотрудник лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail: nayden@ecrin.ru*

Мария Анатольевна Грицко – канд. экон. наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail: gritsko@ecrin.ru*

Наталья Сергеевна Буревая – аспирант, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail: burevaya@bk.ru*

тальных трудов Г. Беккера [Becker, 1993] и Т. Шульца [Schultz, 1975], трансформировало человеческий капитал из затратного в основной производительный и социальный фактор развития и функционирования экономических систем [Человеческий, 2016]. Зарубежные и отечественные исследователи на протяжении более полувека находят многочисленные подтверждения прямой связи между ростом человеческого капитала и социально-экономическим развитием стран и регионов [Майбуров, 2003; Корчагин, 2012], отмечая, что «накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства» [Дятлов, 1994]. Совершенно справедливо накопление человеческого капитала считается «одним из главных «моторов» экономического роста, фактором экономического и социального благосостояния современных обществ» [Капелюшников, 2016]. Именно по этой причине государство участвует в софинансировании процессов приращивания человеческого капитала индивидов, представляющих различные слои общества, создавая необходимую социальную инфраструктуру и гарантируя социально справедливое (а значит социально эффективное) распределение благ. В условиях российской пространственной неоднородности факторов регионального развития государственные затраты на образование, здравоохранение, профессиональную подготовку, мобильность рабочей силы приобретают статус социально значимых инвестиций, частично направляемых на обновление социальной инфраструктуры, с одной стороны, обеспечивающей текущую жизнедеятельность населения, а, с другой стороны, формирующей важнейшие характеристики развития социума на долгосрочную перспективу (перспективный уровень общего и специального образования, физическое и духовное здоровье, творческий потенциал и т. д.) [Джаббарова, 2020].

Стратегические цели развития Дальнего Востока, ускоренное социально-экономическое развитие которого в на-

стоящее время выступает основным приоритетом государственной региональной политики, сосредоточены на повышении темпов экономического роста, обеспечении потребности макрорегиона в трудовых ресурсах, закреплении населения и повышении качества жизни дальневосточников. Парадокс заключается в том, что человеческий потенциал одновременно выступает и в качестве целевого ориентира, и в качестве средства достижения поставленных стратегических задач в отношении макрорегиона. Реализуемые и планируемые к реализации на Дальнем Востоке государственные программы и национальные проекты, с одной стороны, направлены на создание в перспективе повышенных стандартов качества жизни и обеспечение демографического роста, с другой стороны, уже сегодня для решения амбициозных задач ускоренного роста региональной экономики требуется наличие не просто человеческого потенциала, а высококачественного и высокопрофессионального человеческого капитала, способного осуществить инновационный прорыв для опережающей стратегии [Демьяненко, 2019; Российский, 2017].

Одним из главных ограничений достижения поставленных целей является собственно сам макрорегион, который, по сути, не является единым и целостным с точки зрения пространственного распределения экономической деятельности [Минакир, 2014]. В действительности существуют разной степени освоенности анклавы и зоны, не особенно тесно связанные между собой, между которыми располагается гигантское неосвоенное или почти неосвоенное пространство. Как следствие, Дальний Восток и сегодня продолжает оставаться регионом значительных контрастов, обусловленных различной обеспеченностью транспортными артериями, плотностью заселения, наличием крупных городов, образовательных центров, социальной инфраструктуры [Бляхер, 2019].

Демографические параметры человеческого потенциала Дальнего Востока России. Площадь самого крупного субъекта ДФО Республики Саха (Якутия), на долю которого приходится почти 45%

территории округа и проживает 11,9% населения, в 85 раз превосходит площадь самого малого субъекта – Еврейской автономной области (0,5% и 1,9% соответственно). По численности населения разрыв между самым многолюдным Приморским краем (1859,7 тыс. чел.) и самым малообитаемым Чукотским автономным округом (50,3 тыс. чел.) достигает 38 раз (табл.1).

Основной контингент населения сконцентрирован в южной зоне Дальнего Востока и Забайкалье¹ (на 30% территории приходится 75% численности всего ДФО) (рис.1), которые отличаются от других территорий макрорегиона сплошной экономической освоенностью, масштабом и разнообразием экономики, где значительное место занимают отрасли промышленности, сельского хозяйства,

Таблица 1

Структура расселения в субъектах ДФО (на 1 января 2020 г.)

Территория	Площадь		Население	
	тыс. км ²	% от ДФО	тыс. чел.	% от ДФО
Республика Бурятия	351,3	5,1	985,9	12,1
Республика Саха (Якутия)	3083,5	44,4	972,0	11,9
Забайкальский край	431,9	6,2	1059,7	13,0
Камчатский край	464,3	6,7	313,0	3,8
Приморский край	164,7	2,4	1895,9	23,2
Хабаровский край	787,6	11,3	1315,6	16,1
Амурская область	361,9	5,2	790,0	9,7
Магаданская область	462,5	6,7	140,1	1,7
Сахалинская область	87,1	1,3	488,3	6,0
Еврейская автономная область	36,3	0,5	158,3	1,9
Чукотский автономный округ	721,5	10,4	50,3	0,6
В целом по ДФО	6952,6	100	8169,2	100

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с. (С.22); Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г.// URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 16.03.2020).

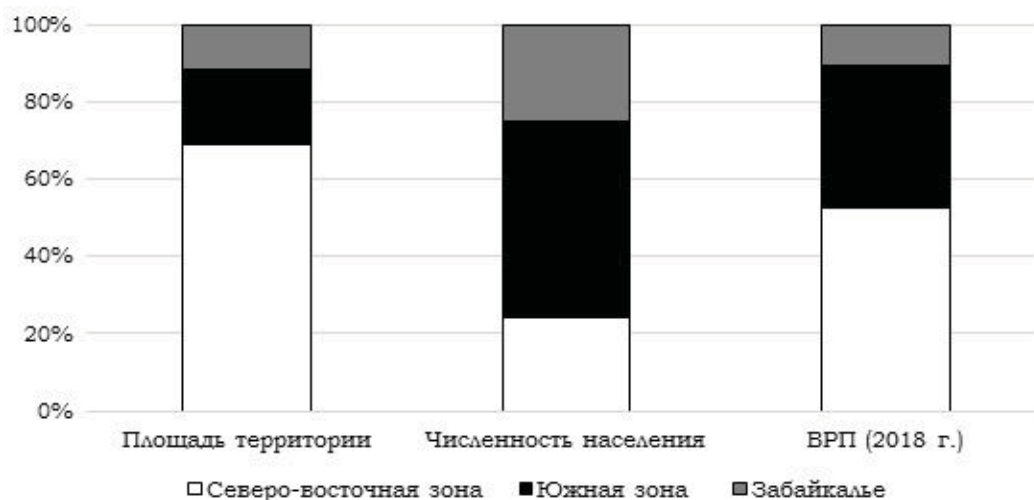

Рис. 1. Структура основных характеристик по зонам ДФО в 2019 г. (ДФО=100%)

¹ К северо-восточной зоне Дальнего Востока относятся Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ; к южной зоне – Приморский край, Хабаровский край, Амурская область и Еврейская автономная область; к Забайкалью – Республика Бурятия, Забайкальский край.

транспорта и обслуживающий сектор, дающие чуть меньше половины (47,2%) совокупного ВРП ДФО.

Несмотря на то, что население в основном сосредоточено в городах и крупных поселках, каждый третий житель Дальнего Востока проживает в труднодоступных, значительно удаленных локальных поселениях, для которых существуют сезонные ограничения по срокам, масштабам, форме завоза товаров, и объективно узок перечень доступных благ и услуг (табл. 2).

На начало 2020 г. суммарная численность населения макрорегиона в расширенном составе достигла 8169,2 тыс. чел. (5,6% от общей численности населения России), то есть за 30 лет (с начала 1990-х гг.) сокращение составило 21,7% или минус 2264,1 тыс. чел. Наибольшие потери населения понесли субъекты северо-восточной зоны: Чукотский автономный округ (за 30 лет убыль составила -68,2%), Магаданская область (-63,6%) Камчатский край (-34,6%), Сахалинская область (-31,7%), которые вместе с Республикой Саха (Якутия) (-13,1%) дали 40% всей убыли макрорегиона (табл. 3).

С точки зрения накопленного социального потенциала Дальний Восток

продолжает оставаться крайне неоднородным. В числе ключевых факторов, оказывающих влияние на развитие социальной инфраструктуры помимо суровых природных условий, особенностей системы расселения, плотности транспортной сети, сохраняется специфика сформировавшейся сети учреждений сферы услуг, а также траектория социально-экономического развития в 1990-е – 2000-е гг., когда произошел массовый отток населения [Мотрич, 2017]. Длительное время повышенная обеспеченность населения объектами социальной инфраструктуры, оставшейся от советского периода, создавала иллюзию поддержки достойного уровня жизни на Дальнем Востоке [Найден, 2015]. Однако состояние имеющихся социальных объектов, которые чудом не попали под «оптимизацию», давно превысило эксплуатационные возможности, новые вводы осуществляются точечно и эпизодически, региональные и местные бюджеты постоянно испытывают дефицит финансовых средств (особенно на инвестиционные проекты), в результате часть населенных пунктов оказалась лишена даже минимального набора необходимых социально значимых услуг в

Таблица 2

Особенности структуры расселения в субъектах ДФО, %

Территория	Удельный вес населения, проживающего	
	в районах с ограниченными сроками завоза продукции и горных районах	в мелких населенных пунктах
Республика Бурятия	32,3	8,8
Республика Саха (Якутия)	85,9	6,6
Забайкальский край	18,8	8,5
Камчатский край	37,1	2,0
Приморский край	13,6	3,7
Хабаровский край	27,8	2,2
Амурская область	21,9	9,4
Магаданская область	100,0	4,8
Сахалинская область	17,1	3,9
Еврейская автономная область	60,0	5,8
Чукотский автономный округ	100,0	15,8
Российская Федерация	5,5	7,8

Источник: составлено по: Исходные данные для расчета межбюджетных трансфертов // Официальный сайт Министерства финансов РФ / URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/mb/> (дата обращения: 07 февраля.2020).

Таблица 3

Население в субъектах ДФО

Территория	Численность, тыс. чел.		Изменение 2020 г. к 1991 г.	
	на 01.01 1991 г.	на 01.01. 2020 г.	тыс. чел.	%
Республика Бурятия	1052,0	985,9	-66,1	-6,3
Республика Саха (Якутия)	1119,0	972,0	-147,0	-13,1
Забайкальский край	1317,9	1059,7	-258,2	-19,6
Камчатский край	478,5	313,0	-165,5	-34,6
Приморский край	2309,7	1895,9	-413,8	-17,9
Хабаровский край	1624,7	1315,6	-309,1	-19,0
Амурская область	1054,3	790,0	-264,3	-25,1
Магаданская область	384,5	140,1	-244,4	-63,6
Сахалинская область	715,3	488,3	-227,0	-31,7
Еврейская авт. область	219,3	158,3	-61,0	-27,8
Чукотский авт. округ	158,1	50,3	-107,8	-68,2
В целом по ДФО	10433,3	8169,2	-2264,1	-21,7

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С.57; Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 16.03.2020).

сфере образования и здравоохранения.

Среди дальневосточных субъектов Хабаровский край считается одним из наиболее привлекательных с точки зрения социально-экономической среды и комфорта жизни. Он занимает второе место по численности населения, характеризуется отрицательной демографической динамикой, обусловленной естественным и миграционным оттоком населения. Регион относится к пространственно неоднородным субъектам, характеризуется большой протяженностью с севера на юг, разреженностью мест проживания, низкой транспортной доступностью, различиями в разнообразии и доступе населения к социальным благам и услугам. Указанные характеристики накладывают определенные ограничения на условия развития и воспроизводства челове-

ческого потенциала края как возможного «локомотива» экономического роста.

Индекс человеческого развития Хабаровского края. Общепринятым индикатором, отражающим уровень развития человеческого потенциала с точки зрения имеющихся на той или иной территории условий для получения дохода, доступности социальной инфраструктуры (в первую очередь, здравоохранения, образования), является индекс человеческого развития (ранее индекс развития человеческого потенциала)². В ежегодно публикуемом Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации содержатся данные об индексе человеческого развития в разрезе всех субъектов страны³.

Хабаровский край занимает 46 место в рейтинге субъектов Федерации по

² Это интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового или межрегионального сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Индекс представляет собой среднеарифметическое трех компонентов: индекса долголетия, индекса образования и индекса дохода. Каждый из трех компонентов рассчитывается в форме индекса и измеряется от 0 до 1 (чем ближе значение индекса к 1, тем лучше ситуация в данной сфере). Ключевой смысл каждого из компонентов – сравнение текущей ситуации с максимальными (желаемыми показателями) и минимальными значениями.

³ Поскольку одним из элементов индекса человеческого развития является валовой доход на душу населения, который публикуется Росстатом с двухлетним запаздыванием, последние данные по субъектам РФ в докладе за 2018 год приведены за 2016 год.

индексу человеческого развития, который, несмотря на ежегодный рост, продолжает отставать от среднероссийского уровня (рис. 2). Среди дальневосточных субъектов край занимает пятую строчку (0,857 по данным за 2016 г.), уступая регионам сырьевой направленности (Республике Саха (Якутия) (0,897), Магаданской области (0,893), Сахалинской области (0,886), Чукотскому АО (0,858)), высокое значение индекса человеческого развития в которых обусловлено прежде всего доходной составляющей.

К сожалению, индекс доходов не может объективно демонстрировать материальное благополучие населения субъектов Федерации ввиду сильного внутрирегионального расслоения по уровню доходов. Например, упомянутые выше северо-восточные территории входят в первую семерку регионов с самыми высокими индексами доходов (0,955-1,000), однако в действительности почти половина всех суммарных доходов населения этих регионов приходилась на 20% наиболее обеспеченных граждан, а размер среднедушевого дохода десяти процентов наиболее обеспеченного населения превышал в 13–15 раз доход десяти процентов самого бедного населения⁴. Подобный разрыв, только в меньшей степени, типичен и для Хабаровского края.

Классификация субъектов РФ по уровню развития человеческого потенциала

подразделяет все регионы на четыре группы: высокоразвитые, в которых выделяют финансово-экономические центры и сырьевые экспортно-ориентированные регионы, развитые (с диверсифицированной экономикой, с опорой на обрабатывающую промышленность, с опорой на добывающую промышленность), слабо развитые (промышленно-аграрные и аграрно-промышленные) и менее развитые (менее развитые сырьевые, менее развитые аграрные). Хабаровский край, наряду с Камчатским и Приморским краями, относится к среднеразвитым регионам промышленно-аграрной направленности, для которых возможности роста доходов ограничены сложившейся структурой экономики, где наряду с высокодоходными секторами соседствуют низкооплачиваемые места работы, а узость рынков труда (особенно в удаленных и труднодоступных районах, включая северные) не позволяет изыскивать дополнительные источники доходов.

Для конкретного случая Хабаровского края разложение общего индекса человеческого развития на компоненты показывает, что наиболее благополучно складывается ситуация в сфере образования, а отставание от среднероссийского уровня обусловлено, прежде всего, низким значением индекса долголетия (табл. 4).

Продолжительность жизни во всех дальневосточных субъектах остается са-

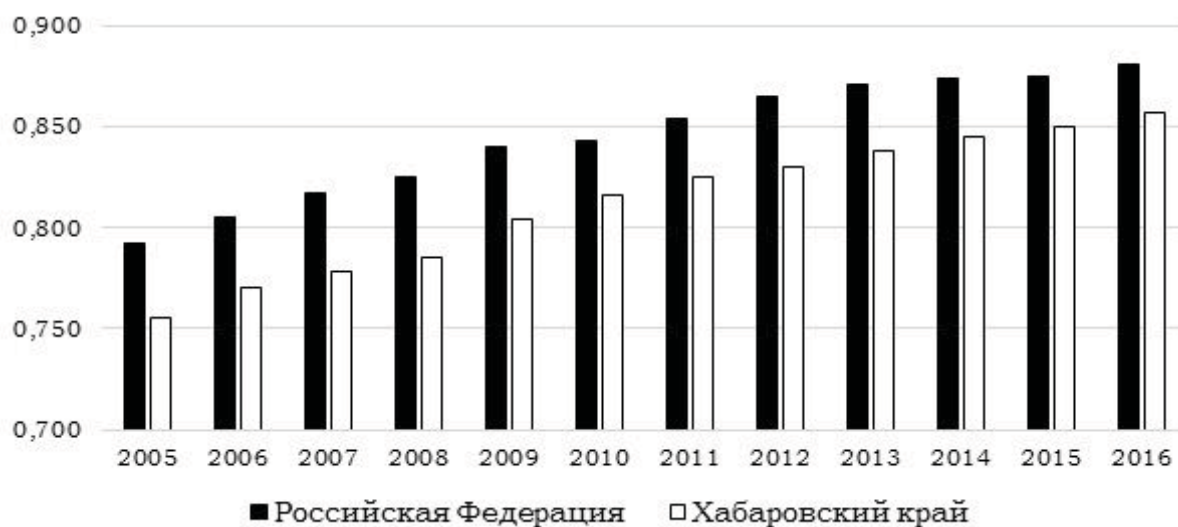

Рис. 2. Индекс человеческого развития

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 220–221.

Таблица 4

**Индексы человеческого развития, образования, долголетия
и дохода Хабаровского края⁵**

Показатель	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс человеческого развития	0,755	0,778	0,804	0,825	0,838	0,846	0,857
Индекс образования	0,918	0,912	0,913	0,925	0,936	0,945	0,949
Индекс долголетия	0,614	0,663	0,689	0,703	0,715	0,729	0,736
Индекс доходов	0,749	0,760	0,803	0,847	0,853	0,876	0,887

Источник: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf> (дата обращения: 25.06.2020).

мой низкой в стране, несмотря на положительную динамику ежегодного прироста показателя. Если в целом по стране продолжительность жизни в 2018 г. составила 72,91 года, то в ДФО – только 70,2 года, а в Хабаровском крае – 70,19 лет. По предварительным данным за 2019 год край потерял еще -0,14 лет, что при очередных итерациях по расчету индекса человеческого развития может отрицательно сказаться на интегральном показателе. В целом за период 2013-2019 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения края выросла всего на 2,13 года, в то время как в среднем по ДФО рост составил 2,41 года, по РФ – 2,58 года.

Динамика продолжительности жизни как показателя, рассчитанного на основании таблиц смертности, находится в прямой зависимости от уровня младенческой смертности и смертности населения трудоспособного возраста, в особенности мужчин. Если по уровню младенческой смертности край характеризуется положительной динамикой, то в отношении смертности всего населения ситуация обратная. Общий показатель смертности по итогам 2018 года составил 12,8 промилле при среднероссийском уровне 12,0. В крае наблюдается повышенный уровень смертности населения в результате болезней системы кровообращения – 612,0 случаев на 100

тыс. человек населения против 573,6 случаев в РФ. Смертность населения от туберкулеза, возникновение и распространение которого в значительной степени зависит от социально-экономических условий, превышает среднероссийский уровень в 2 раза (10,8 случаев на 100 тыс. чел. против 5,5).

Считается, что здоровье человека только на 10% зависит от системы здравоохранения, а остальные факторы включают образ жизни, генетику и экологию. Тем не менее, уровень развития инфраструктуры здравоохранения, ее доступность для населения играют ключевую роль в своевременной диагностике и лечении заболеваний, способствуя тем самым снижению смертности [Грицко, 2014].

Логично предположить, что развитие социальной инфраструктуры способствует и развитию человеческого потенциала, который восполняя ресурсы здорового образа жизни, накапливая знания и умения, увеличивает свой человеческий капитал. Это согласуется с одной из текущих научных задач, заключающейся в «выявлении устойчивых взаимосвязей между адекватными параметрами развития человеческого капитала и объективными параметрами социально-экономического развития регионов Дальнего Востока России» [Найден, 2016]. В свою очередь устойчивый

⁵ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/19663.pdf> (дата обращения: 25.06.2020).

рост человеческого капитала неразрывно связан с перспективами развития привлекательной социально-экономической среды в регионе, материальной основой которой выступает социальная инфраструктура.

В исследованиях, посвященных мониторингу и диагностике параметров человеческого развития, неизменно присутствуют индикаторы, отражающие роль социальной инфраструктуры в процессах улучшения качества жизни населения, повышения уровня его благосостояния, формирования и воспроизводства здорового, творчески активного населения [Гурбан, 2012; Зубаревич, 2005; Комплексная, 2017].

Для проверки гипотезы была использована методика оценки взаимосвязи между динамикой человеческого капитала и уровнем развития социальной

инфраструктуры (далее – Методика) [Жихаревич, 2012]. В основе ее использования – набор стандартных показателей (табл. 5).

С целью приведения указанных относительных показателей в сопоставимый вид в качестве базы используется соответствующее среднероссийское значение. Для расчета применяется формула (1):

$$I_i = \frac{K_i^P}{K_i^{РФ}} \quad (1),$$

где I_i — индекс i -показателя;

K_i^P , $K_i^{РФ}$ — i -показатель региона и РФ соответственно.

Таким образом, рассчитываются 17 индексов: 7 – по здравоохранению, 5 – по образованию, 5 – по человеческому капиталу.

Интегрирование полученных индек-

Таблица 5

Перечень показателей, характеризующих развитие социальной инфраструктуры и человеческий капитал

Социальная инфраструктура	
Здравоохранение	Образование
- мощность больничных учреждений, больничных коек на 10 тыс. чел. региона; - мощность врачебных амбулаторно поликлинических учреждений (далее – АПУ) региона, посещений в смену на 10 тыс. чел. населения; - инвестиции региона в здравоохранение на душу населения, тыс. руб. на чел.; - ввод в действие больничных учреждений региона, коек на 100 тыс. чел. населения; - ввод в действие врачебных АПУ региона, посещений в смену на 100 тыс. чел. населения региона.	- валовой коэффициент охвата дошкольным образованием, в процентах от численности детей в возрасте 16 лет; - охват общеобразовательными учреждениями региона, доля учащихся общеобразовательных учреждений от общей численности населения региона; - число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в организациях общего образования, на 1000 обучающихся; - численность студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10 000 человек населения; - инвестиции региона в образование на душу населения, тыс. руб. на чел.; - ввод в действие дошкольных образовательных организаций; - ввод в действие общеобразовательных учреждений, ученических мест в среднем на регион.
Человеческий капитал	
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; - уровень здоровья населения (величина, обратная уровню заболеваемости); - уровень образованности занятых профессионально образованных; - общий коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 чел. населения; - коэффициент миграционного прироста, на 10 тыс. чел. населения.	

Источник: составлено по: Жихаревич Б. С., Логачева Н. М. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния // Экономика и управление. 2012. № 3 (77) С. 151–154.

сов осуществлялось путем суммирования балльных оценок, присваиваемых каждому региону по следующему правилу:

если индекс меньше, либо равен 0, регион получает 0 баллов;

если индекс менее 0,90, региону присваивается 1 балл;

если индекс от 0,90 до 1,10 (т. е. на уровне среднероссийского показателя плюс/минус 10%), регион получает 2 балла;

если индекс более 1,10, региону присваиваются 3 балла.

Оценка уровня развития социальной инфраструктуры и человеческого капитала по указанной выше методике была проведена для Хабаровского края и ДФО в целом⁶. Период исследования: 2005–2018 гг. Исходная информация – официальные данные Росстата.

Разброс балльных оценок составил (рис. 3):

уровень развития социальной инфраструктуры: Хабаровский край – от 19 до 25, ДФО – от 20 до 27 баллов;

человеческий капитал: Хабаровский край – 9–10, ДФО – 8–9 баллов.

Анализ полученных оценок позволил сделать следующие выводы:

- уровень развития социальной инфраструктуры в Хабаровском крае отличается крайней нестабильностью, прак-

тически не выходит из «умеренной» зоны (за исключением 2012–2014 гг.), в то время как в целом по Дальнему Востоку, имеющему более мягкий тренд, уровень характеризуется как «высокий», чему в немалой степени способствуют северные субъекты, объективно имеющие более высокую обеспеченность объектами социальной инфраструктуры и вводящие ежегодно в строй новые объекты образования и здравоохранения (например, Республика Саха (Якутия), Чукотский АО, Сахалинская область);

- уровень человеческого капитала, не выходящий из «умеренной» зоны, наоборот, в Хабаровском крае демонстрирует более высокие оценки по сравнению с Дальним Востоком в целом, что также объяснимо, поскольку совокупные оценки по макрорегиону ухудшаются за счет территорий с низкими показателями рождаемости и здоровья населения (Амурской области, Приморского края, Еврейской автономной области) в отличие от Хабаровского края, который обеспечивает доступ к системам образования и обладает высокоразвитыми объектами здравоохранения.

Попытка оценить тесноту взаимосвязи между трендами уровня развития социальной инфраструктуры и человеческого капитала отдельно для Дальнего Востока

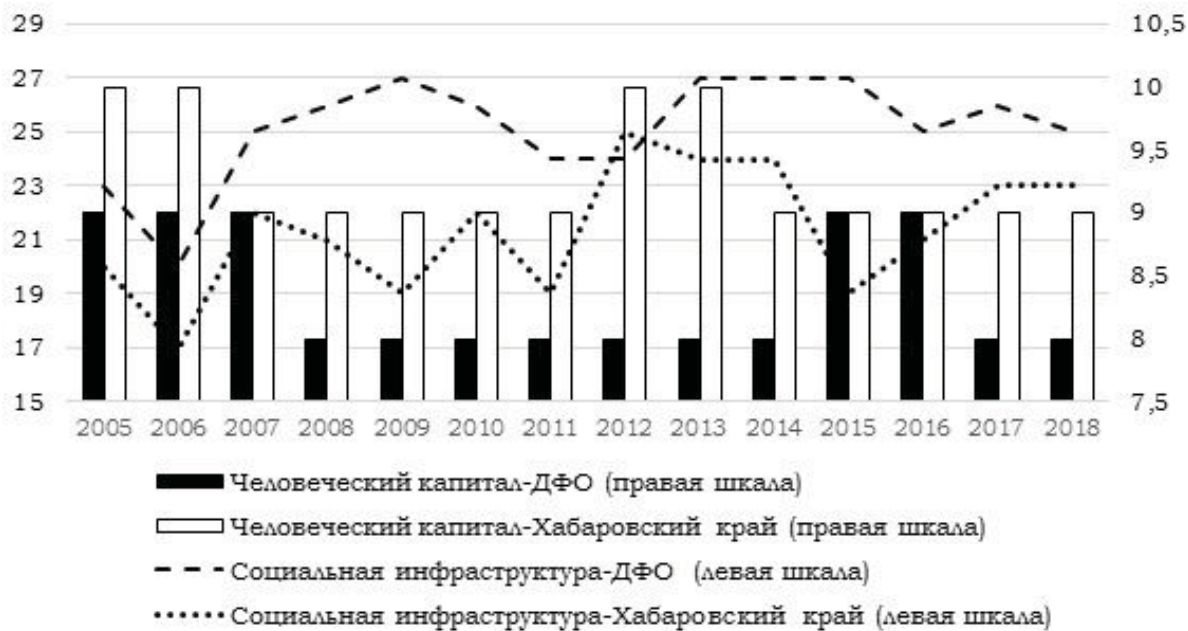

Рис. 3. Балльные оценки для ДФО и Хабаровского края

⁶ Расчеты и анализ выполнены Буревой Н.С.

и отдельно для Хабаровского края, дала отрицательные коэффициенты корреляции (Дальний Восток -0,45, Хабаровский край -0,52). Учитывая условность производимых расчетов по Методике, высокую волатильность полученных оценок, можно предположить, что на такое поведение оказали влияние дополнительные манипуляции с присвоением баллов, а также факторы, скрытые внутри каждого из расчетных показателей, включая среднероссийские, к базе которых относили каждый из индексов.

Для проверки гипотезы о существовании положительной зависимости между уровнем развития социальной инфраструктуры и человеческим капиталом, в качестве измерителя последнего воспользовались официальным индексом человеческого развития (ИЧР), ежегодно публикуемым в аналитических докладах Аналитического центра при Правительстве РФ (табл.4).

В этом случае оценка взаимосвязи между уровнем развития социальной инфраструктуры (по Методике) и ИЧР для Хабаровского края показала положительный результат, коэффициент корреляции составил 0,46 по шкале Чеддока, что свидетельствует о прямой умеренной связи и подтверждает первоначальную гипотезу.

На заключительном этапе проведено тестирование факторов, обеспечивающих развитие социальной инфраструктуры и оказавших наибольшее влияние на развитие человеческого капитала. Для этого построены зависимости между ИЧР и факторами – компонентами социальной инфраструктуры в сфере образования и здравоохранения, в качестве которых отобраны: а) инвестиции региона в здравоохранение на душу населения; б) инвестиции региона в образование на душу населения.

Попытка построения двухфакторной регрессионной модели показала эконометрическую недостоверность, а уравнение парной регрессии (2) оказалось статистически значимо только для инвестиций в образование (теснота связи 0,83):

$$Y = 0,00012 \cdot X_{06} + 0,767 \quad (2),$$

где Y – индекс человеческого разви-

тия;

Хоб – инвестиции региона в образование на душу населения, тыс. руб. на чел.

В данном случае – это скорее результат более равномерного выделения средств на воспроизводство инфраструктуры в сфере образования, которое является приоритетным с точки зрения реализации социальной политики и развития человеческого капитала. Отсутствие связи между ИЧР и инвестициями в здравоохранение может иметь место, поскольку в отличие от инвестиций в образование, средства для воспроизводства медицинских объектов на протяжении исследуемого периода выделялись крайне неравномерно, поэтому разброс подушевых инвестиций оказался значителен, что плохо коррелировало с «гладким» трендом ИЧР края (рис. 2).

Заключение. В целом проведенное исследование, с одной стороны, подтвердило наличие связи между статистическими параметрами развития социальной инфраструктуры и индексом человеческого развития, но, с другой стороны, указало на весьма умеренную степень зависимости роста человеческого капитала от приращения социальной инфраструктуры, что может иметь несколько объяснений.

Во-первых, примененная Методика описывает уровень развития социальной инфраструктуры с помощью ограниченного набора показателей, которые хотя и отражены в официальных статистических изданиях, но не являются исчерпывающими для полноты описания реальной ситуации в сфере производства и предоставления социально значимых благ и услуг.

Во-вторых, использование индексных, балльных, интегральных способов агрегирования разнокалиберных и разнокачественных показателей, описывающих уровень развития социальной инфраструктуры сводными индикаторами, зачастую не улучшает, а ухудшает чистоту самой оценки, поскольку в процессе многократных сворачиваний нивелирует различия, сглаживает особенности, усредняет и стандартизирует отклонения, которые играют существенную роль при выявлении проблем и по-

иске конкретных решений.

В-третьих, при использовании показателя «инвестиции» необходимо учитывать временной лаг, поскольку финансирование строительства, возведение объектов социальной инфраструктуры и последующий ввод в эксплуатацию не совпадают по времени, а, соответственно, воздействие обновленной или расширенной социальной инфраструктуры на рост человеческого капитала будет иметь отложенный эффект, что подтверждается, например, работами по оценке влияния государственных расходов на изменение демографических показателей [Найден, 2018; Белоусова, 2019].

В-четвертых, следует учитывать, что «локализованная инфраструктура в части создания человеческого капитала создает эффекты, не привязанные ни к месту, ни ко времени их формирования» [Джаббарова, 2020, с.109]. Поэтому, высока вероятность приращения человеческого капитала вообще за пределами регионов, в которых учитывается статистическое движение объектов социальной инфраструктуры. Так происходит, например, при перемещении квалифицированной рабочей силы, сформировавшей свои знания и умения на одной территории, а применяющей их на другой.

Несмотря на вышеуказанные факторы, результаты исследования однозначно демонстрируют, что связь между развитием социальной инфраструктуры и ростом человеческого капитала есть. Более того, она двусторонняя, поскольку человеческий капитал (потенциал) сам является фактором, формирующим спрос на услуги социальной сферы и стимулирующим социальную инфраструктуру к развитию. В чем конкретно заключается эта связь, каковы векторы и масштабы этого влияния – еще предстоит разобраться. Однако уже ясно, что оценки, полученные в целом по Хабаровскому краю, который сам является наглядным примером пространственной неоднородности, требуют дополнительной дезагрегации и сравнительных исследований как минимум на уровне муниципальных образований края.

Список литературы:

1. Белоусова А. В., Грицко М. А., Найден С. Н. Влияние социальных инвестиций на рост человеческого капитала и ВРП: Дальний Восток России // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 108-112.
2. Бляхер А. Е., Обирин А. И. Дальний Восток: инструкция по использованию, или Зачем России Дальний Восток // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 13-30. DOI: 10.14530/reg.2019.3.13
3. Грицко М. А. Человеческий потенциал Дальнего Востока: современная динамика и ограничения роста // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3. С. 47-52.
4. Гурбан И. А., Мызин А. Л. Системная диагностика человеческого капитала регионов России: методологический подход и результаты оценки // Экономика региона. 2012. № 4. С. 32-39.
5. Демьяненко А. Н., Горюнов А. П., Кондратенко Г. В., Исаев А. Г., Барбенко Я. А. Особенности регионального развития на Дальнем Востоке сегодня // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2 (49). С. 81-89.
6. Джаббарова Э. Х., Буревая Н. С. Человеческий капитал и социальная инфраструктура как элементы экономической политики // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 1 (90). С. 104-112. DOI 10.22394/1818-4049-2020-90-1-104-112
7. Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб: Алетея, 2015.
8. Дятлов, С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб: СПбГУЭФ, 1994. 160 с.
9. Жихаревич Б.С., Логачева Н.М. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния / Экономика и управление. 2012. № 3 (77) С. 151-154.
10. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: URSS, 2005. 264 с.

11. Капелюшников Р. И. Экономические очерки: методология; институты; человеческий капитал. М.: ВШЭ, 2016. 574 с.
12. Комплексная методика диагностики благосостояния личности и территории проживания / под ред. А. А. Кукина и В. П. Чичканова. 2-е изд., испр., доп. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. 164 с.
13. Корчагин, Ю. А. Человеческий капитал и инновационная экономика России. – Воронеж: ЦИРЭ, 2012.
14. Майбуров, И. А. Эффективность накопления и использования человеческого капитала в России и ее регионах. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003.
15. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
16. Мотрич Е. А. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. №3. С.133–153.
17. Найден С. Н. Исследования социальных аспектов развития экономики Дальнего Востока // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 5. С. 24–39.
18. Найден С.Н. Развитие социальной инфраструктуры в условиях Дальнего Востока // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 3. С. 6–17.
19. Найден С. Н., Белоусова А. В. Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем Востоке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 212–228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13
20. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
21. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 76 с.
22. Becker G. S. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third edition. Chicago. The University of Chicago Press, 1993.
23. Schultz T. W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities. In: Human Resources. N.Y. 1975.

Библиографическое описание статьи

Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29

Svetlana N. Naiden – Doctor of Economics, Professor, the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Laboratory of the regional and interregional social and economic researches, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: nayden@ecrin.ru*

Mariya A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: gritsko@ecrin.ru*

Natal'ya S. Burevaya – graduate student, the Economic Research Institute of FEB of RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: burevaya@bk.ru*

Social infrastructure development as a condition of human capital growth

Sustainable development of the society implies the presence of highly developed human capital, the necessary condition for the growth of which is the creation and maintenance of a decent quality of life, providing a modern and accessible social infrastructure for all segments of the population. One of the limitations of solving this problem is the objective

uneven spatial distribution of economic and social resources throughout the country, which is most used in the regions of the Far East, which are characterized by a high differentiation of living standards and experiencing an outflow of the population. The search for an objective connection between the indicators characterizing the development of social infrastructure and the growth of human capital, as well as its adequate assessment, are the goal of this article. The article discusses the features of prevailing distribution of the population and human potential among the subjects of the Far-Eastern federal district. The statistical materials in the Khabarovsk territory analyze the dynamics and components of the Human Development Index, which is officially calculated by the Analytical Center under the Government of the Russian Federation. It was revealed that the reason for the lag of HDI in the region from the national average is associated with the low indicators of life expectancy. Based on the standard methodology using the index approach, an assessment is made of the relationship between the level of development of social infrastructure and the human capital index, as well as the human development index. As a result of the study, it was found that between the dynamics of human capital development and the level of development of the social infrastructure of the Khabarovsk territory there is a direct moderate link, supported to a greater extent by investments in the education infrastructure and, to a lesser extent, by healthcare. The limited substantive interpretation of the estimates obtained at the regional level is justified, which requires additional disaggregation and comparative comparisons at the municipal level.

Keywords: human capital, human potential, human development index, social infrastructure, the Far East.

References:

1. Belousova A. V., Gritsko M. A. Naiden S. N. Influence of Social Investments on the Growth of Human Capital and GRP: the Far East of Russia *Karel'skiy nauchnyy zhurnal* [Karelian Scientific Journal], 2019, vol. 8, no. 4(29), pp. 108–112. (In Russian).
2. Blyakher L. E., Obirin A. I. Far East: Instructions for Use, or Why Does Russia Need the Far East *Regionalistica* [Regionalistics], 2019, vol. 6, no. 3, pp. 13–30. DOI:10.14530/reg.2019.3.13 (In Russian).
3. Gritsko M. A. Human Potential of the Far East: Modern Dynamics and Growth Restrictions *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia], 2014, no. 3, pp. 47–52. (In Russian).
4. Gurban I. A., Myzin A. L. System diagnostics of the human capital state of the Russian regions: conceptual approach and assessment results *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2011, no. 4, pp. 32–39. (In Russian).
5. Demyanenko A. N., Goryunov A. P., Kondratenko G. V., Isaev A. G., Barbenko Y. A. Features of regional development in the Far East today *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Ecumene. Regional studies], 2019, no. 2, pp. 81–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/81-89 (In Russian).
6. Didenko D. V. Intellectual-intensive economy: human capital in the Russian and world socio-economic development. SPb. : Aletheia, 2015. (In Russian).
7. Dzhabbarova E. K., Burevaya N. S. Human capital and social infrastructure as the elements of economic policy *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 1 (90), pp. 104–112. DOI 10.22394/1818-4049-2020-90-1-104-112 (In Russian).
8. Dyatlov S. A. Fundamentals of the theory of human capital. SPb.: SPbSUEF, 1994. 160 p. (In Russian).
9. Zhikharevich B. S., Logacheva N. M. Social infrastructure and human capital of the Russian regions: an approach to assessing mutual influence *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], 2012, no. 3 (77), pp. 150–156. (In Russian).
10. Zubarevich N. V. Social development of Russian regions: problems and trends of the transition period. M. : URSS, 2005. 264 p. (In Russian).
11. Kapelyushnikov R. I. Economic essays: methodology; institutions; human capital. Moscow: HSE, 2016. 574 p. (In Russian).

Russian).

12. A comprehensive methodology for diagnosing the welfare of an individual and territory of residence / ed. A.A. Kuklina and V.P. Chichkanova. 2nd ed., Rev., Ext. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. 164 p. (In Russian).

13. Korchagin, Yu. A. Human capital and the innovative economy of Russia / Yu. A. Korchagin. Voronezh: TsIRE, 2012. (In Russian).

14. Mayburov I. A. Efficiency of accumulation and use of human capital in Russia and its regions. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. (In Russian).

15. Minakir P. A., Demyanenko A. N. Essays on Spatial Economics / ed. by V.M. Polterovich ; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. – Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2014. 272 p. (In Russian).

16. Motrich E. L. Far East in Russian Demography: Trends during Reform. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 3, pp. 133–153. DOI: 10.14530/se.2017.3.133-153. (In Russian).

17. Naiden S. N. Development of Social Infrastructure in the Far East *Regionalistica* [Regionalistics], 2015, vol. 2, no. 3, pp. 6–17. (In Russian).

18. Naiden S. N. Researches of Social Aspects of Development of Economy of the Far East *Regionalistica* [Regionalistics], 2016, vol. 3, no. 5, pp. 24–39. (In Russian).

19. Naiden S. N., Belousova A. V. Social Investment as a Tool for Modernization of the Demographic Development in the Far East *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 6, pp. 212–228. (In Russian).

20. The Russian Far East: on the Way to Future / Edited by P.A. Minakir; Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2017. – 395 p. (In Russian).

21. Human capital as a factor in socio-economic development. Short version of the report / Ed. Y. I. Kuzminov, L. N. Ovcharova, L. I. Jacobson; Nat researched University “Higher School of Economics”. – M.: Publishing. House of the Higher School of Economics, 2016. 76 p. (In Russian).

22. Becker G.S. Human capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third edition. Chicago. The University of Chicago Press, 1993.

23. Schultz T.W. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities. In: Human Resources. N.Y. 1975.

Reference to the article

Naiden S. N., Gritsko M. A., Burevaya N. S. Social infrastructure development as a condition of human capital growth // *Power and Administration in the East of Russia*. 2020. No. 2 (91). Pp. 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-30-36

УДК 338:630(571.6)

В. Ю. Амбрутис

Н. М. Шум

Стратегическое управление повышением эффективности экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии

В настоящее время складывается неблагоприятная ситуация для лесного комплекса Дальнего Востока в части возможностей его экстенсивного развития. Из-за отдаленности крупных отечественных потребителей продукции лесопереработки основным платёжеспособным рынком сбыта для лесного комплекса Дальнего Востока являются страны Северо-Восточной Азии, в связи с чем существует угроза возникновения стратегической зависимости лесной отрасли Дальнего Востока от экономической ситуации в указанных странах и мировой экономике в целом, что в совокупности с изменяющейся структурой и объемом мирового и регионального спроса на продукцию лесной промышленности требует повышения эффективности экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока. Применение инструментария стратегического управления позволит повысить не только эффективность экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии, но и конкурентоспособность всего лесопромышленного комплекса Дальнего Востока.

Ключевые слова: *лесная промышленность, экономическое взаимодействие, Дальний Восток, страны Северо-Восточной Азии, экспорт, стратегическое управление.*

Введение. В условиях мирового экономического кризиса, вызванного спадом экономической активности и нарушением мировых хозяйственных связей в результате распространения вируса COVID-19, идет постепенное снижение платежеспособного спроса на продукцию лесного сектора экономики Дальнего Востока. Ситуация в мировой экономике складывается довольно сложная, многие крупные потребители снижают объемы потребления древесного сырья и продукции деревообработки, что, в свою очередь, создает избыточные произ-

водственные мощности в лесопромышленном комплексе, вызывая обострение конкурентной борьбы в лесном секторе мировой экономики.

Российский рынок лесоматериалов также попал под влияние мировых экономических процессов. Сокращение внутреннего спроса и отдаленность крупных отечественных потребителей продукции лесопереработки не позволяют компенсировать потери от снижения объемов экспорта продукции лесного комплекса Дальнего Востока за счет переориентации на внутренний рынок.

Вячеслав Юрьевич Амбрутис – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: gromozeka4212@mail.ru

Никита Максимович Шум – аспирант, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: shoomnik@gmail.com

Складывающаяся в настоящий момент мировая экономическая ситуация выдвигает новые требования к стратегии экспортной деятельности лесного комплекса Дальнего Востока. Мировой экономический кризис создает очень много неопределенностей, что в свою очередь создает как угрозы, так и новые возможности для предприятий. Закрытые государственные границы, ограниченные возможности по перемещению грузов, спад производства в основных странах-конкурентах из-за введенной самоизоляции – все это может стать причиной передела основных рынков сбыта продукции лесопереработки. В связи с чем, с нашей точки зрения, необходимо оценить эффективность существующего экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии со стратегической точки зрения.

Анализ состояния и перспектив развития лесного комплекса Дальнего Востока. На территории Российской Федерации расположено около 22% всех лесов. Сейчас в нашей стране 780 миллионов гектаров покрыты лесом, из которых 230 миллионов гектаров сданы в аренду. Этот большой участок был предоставлен не только для заготовки древесины, но и для сельского хозяйства, охоты, геолого-разведки и т. д.

Практически треть лесных запасов Российской Федерации (31%) сосредоточена на Дальнем Востоке и расположена вдоль Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. Предприятиями лесного комплекса Дальнего Востока ежегодно заготавливается более 5 млн м³ древесины. Лесная промышленность развита в основном в Хабаровском и Приморском краях, а также в Амурской области. Лесозаготовки также ведутся в центральных и южных районах Сахалина, в районах, прилегающих к Байкало-Амурской магистрали. Значительная часть продукции лесного комплекса Дальнего Востока реализуется на экспорт.

Внешнеэкономическая деятельность является важной составляющей экономического развития Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) и харак-

теризуется следующими особенностями:

- на долю ДФО приходится 5,1% внешнеторгового оборота России, 6,4% экспорта и 2,7% импорта;

- во внешнеторговом обороте ДФО преобладают страны АТР и ЕС, на долю которых приходится около 70% внешнеторгового оборота региона. Среднегодовая доля Китая во внешнеторговом обороте ДФО за период 2016–2019 гг. составляет 27,4%, Республики Корея – 26,1%, Японии – 22,9%.

В этот же период началась негативная тенденция снижения цен на древесину на внешних рынках из-за мирового финансового кризиса. В 2016–2018 гг. произошло некоторое восстановление цен, но в 2019 г. средняя цена на древесину-сырье упала до уровня цен в 2016 году. В Северо-Восточной Азии ситуация изменилась только в начале 2019 г., когда средняя цена на импортную древесину в Китае выросла на 6% до 160–180 долларов США за кубометр¹.

В 2014–2019 гг. деревообрабатывающая промышленность Китая столкнулась с растущими затратами на рабочую силу и производственными затратами, и для сохранения конкурентоспособности в отрасли проводится переоснащение для повышения производительности труда. В части импорта лесоматериалов Китай также укрепил свое лидерство как в целом, так и по отдельным видам товаров (рис. 1).

Главными партнерами ДФО по внешней торговле являются Китай (29,5% от общего объема внешнеторгового оборота) в 2019 г., Республика Корея (29,3%) и Япония (20,3%) (табл. 1).

Для Дальнего Востока влияние экспорта и импорта на экономический рост сильнее, чем для России в целом, что обусловлено большей интеграцией дальневосточного региона с внешними рынками. Выявлено, что региональная специфика существенно скорректировала тенденцию положительного влияния внешней торговли на экономический рост Дальнего Востока. В результате учет специфики регионов позволил получить более точную оценку влияния внешней торговли на экономический рост.

¹ Росстат: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

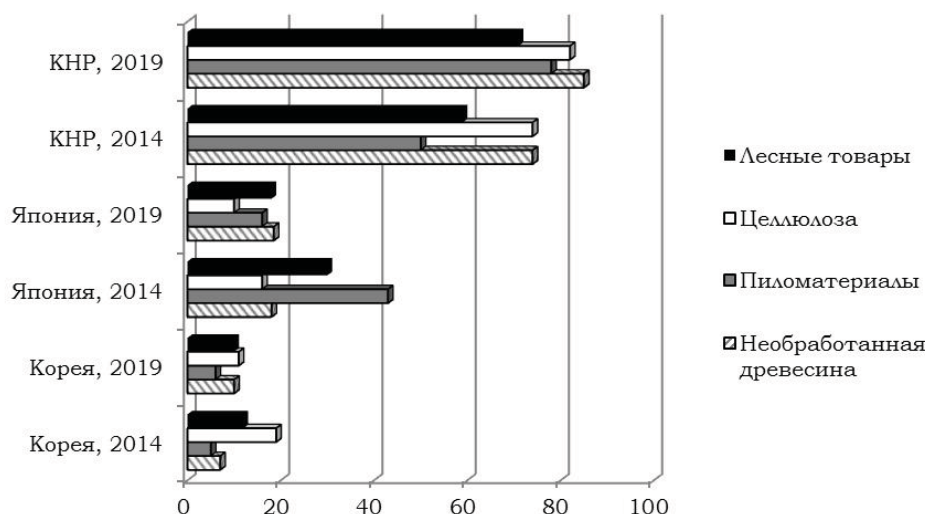

Рис. 1. Доля КНР, Японии и Республики Корея на лесном рынке Северо-Восточной Азии в 2014 и 2019 гг., %.

Таблица 1

Динамика внешнеторгового оборота ДФО с некоторыми странами мира по годам, %¹ от общего объема внешнеторгового оборота

Страна	2011 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Китай	27,7	25,6	26,2	28,3	29,5
Корея	24,9	25,5	23,7	25,0	29,3
Япония	27,5	28,9	22,4	19,0	20,3

Источник: составлено авторами по данным Росстата: Регионы России¹

Лесной сектор Дальнего Востока России долгое время был ориентирован на внешнюю торговлю, особенно после 1950-х гг. В конце советской эпохи примерно четверть всей лесопроодукции экспортировалась за рубеж. Эта ситуация быстро изменилась в переходный период, когда экономический кризис, высокие темпы инфляции, огромное сокращение внутреннего спроса и полная несостоятельность оказали огромное воздействие на лесной сектор¹.

Наиболее важным фактором, позволившим отрасли выжить, стали внешние рынки древесины. Иностраный экспорт превратился в основной источник дохода для лесного сектора и взял на себя еще большую роль в ходе нынешнего развития этого сектора.

Интеграция экономики РФ с экономикой Северо-Восточной Азии неизбежна в силу огромного природно-ресурсного по-

тенциала РФ и его относительно небольшого внутреннего рынка. Что еще более важно, эта интеграция теперь является официальной политикой. В течение многих лет экспортная политика лесного сектора в целом была ориентирована на торговлю с Японией².

Однако продолжительная экономическая рецессия Японии и мощное развитие китайской экономики привели к тому, что Китай стал основным партнером России в торговле лесоматериалами. Это имеет особое значение, поскольку китайская экономика имеет много черт стиля, методов и управления, которые сопоставимы с российской экономикой. Торговля сырьем и полуфабрикатами является слишком узкой сферой международного сотрудничества двух крупных соседних государств, поэтому предпринимаются попытки поиска различных форм сотрудничества в области лесопользования.

² Resources and Environment. Department of International Cooperation Ministry of Science and Technology the People's Republic of China. 25.04.2020. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/kjhz/> (дата обращения: апрель 2020).

О том, что китайское руководство будет стремиться стимулировать бизнес вкладывать инвестиции в комплексное освоение российских лесных ресурсов, свидетельствуют следующие приоритеты КНР в отношении российских лесов:

1. Переход от эксплуатации круглого леса к комплексному использованию, включая заготовку, транспортировку и переработку, тушение лесных пожаров;
2. Поощрение крупных предприятий вкладывать инвестиции в Россию;
3. Развитие глубокой переработки, производство пиломатериалов, фанеры, плитных материалов, мебели, целлюлозы;
4. Борьба с незаконной вырубкой и коррупцией.

Еще одна потенциальная возможность развития сотрудничества с Китаем связана с закрытием устаревших производств в секторе целлюлозно-бумажной промышленности, суммарные мощности которых составляют 802 млн т целлюлозы и бумаги на 500 предприятиях. Импорт лесопромышленной продукции в КНР в 2019 г. вырос по сравнению с 2018 г. на 20%. Однако создание целлюлозно-бумажного производства на Дальнем Востоке, которое планируется RFP Group в перспективе после 2020 г., влечет за собой слишком много рисков, особенно в экологической сфере, поэтому здесь необходимо тщательно взвесить все плюсы и минусы³.

Если бы Дальний Восток смог перенести свою зависимость от экспорта круглого леса на продукцию из древесины с более высокой добавленной стоимостью, он мог бы увеличить занятость в переработке древесины. Этот сдвиг также может помочь стимулировать разработку более устойчивого метода использования ресурсов за счет снижения затрат, связанных с менее ценными кусками древесины, такими как ветки и щепа, что делает их более рентабельными для использования в конечных продуктах, таких как бумага, целлюлоза и множество древесных плит. Кроме того, если бы Дальний Восток мог производить

внутри страны больше продукции с добавленной стоимостью, мог бы также значительно увеличить доходы и таким образом внести больший вклад в ВВП страны [Жириева, 2018].

Объем потребляемой на внутреннем рынке лесопромышленной продукции напрямую связан с динамикой ВВП и отраслей-потребителей продукции лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК). Ежегодный рост ВВП, как ожидается, снизится с 4,5% до 4,3% в 2022 г. Темпы роста инвестиций в строительном секторе, по прогнозам, будут ниже темпов роста ВВП и будут увеличиваться на 2,3% в год в течение прогнозируемого периода. Исходя из этих прогнозов по экзогенным факторам, площадь лесов сократится до середины 2022 г.

Прогнозируется, что запасы древесины вырастут с 506 млн м³ начиная с 2020 г. до 727 млн м³ в 2025 г. Ожидается, что потребление лесоматериалов будет демонстрировать стабильный рост. Что касается лесоматериалов, то потребление древесных плит будет быстро расти, в то время как потребление целлюлозы будет расти относительно медленно⁴.

Также предполагается, что ежегодные темпы роста потребления в мире составят 1,2% для пиломатериалов, 2,0% для древесных панелей и 0,3% для целлюлозы. Годовой темп роста производства составит 1,1% для пиломатериалов и 0,6% для древесных панелей. Ожидается, что общий объем потребления круглых лесоматериалов будет расти на 1,0% в год и достигнет 26,5 млн м³ в 2025 году. Доля целлюлозы снизится, а доля пиломатериалов и древесностружечных плит соответственно возрастет⁴.

Спрос на лесные услуги еще больше возрастет и станет диверсифицированным. Предложение лесных услуг также будет расти в связи с увеличением лесных ресурсов. Для расширения предложения лесных услуг Правительство РФ совместно с Правительством Китая раз-

³ China Paper Corporation готова инвестировать свыше \$1 миллиарда в возобновление работы Амурского ЦБК. URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2289342 (дата обращения: 22.04.2020).

⁴ FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). State of the world's forests. Enhancing the socioeconomic benefits from forests. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations; 2020, p. 2020.

рабатывает и осуществляет различные планы, включая базовый план сохранения биоразнообразия лесов, проекты строительства зеленых плотин и основные планы восстановления лесов и расширения поглотителей углерода. Такая политика окажет значительное воздействие на предоставление лесных услуг в будущем [Kumar, Kumar, 2015].

В последнее время в связи с повышением внимания к глобальному потеплению возрос интерес к функции хранения углерода в лесах. Поскольку лесные ресурсы были расширены количественно и улучшены качественно, потенциал для предоставления экологических услуг значительно возрос. Кроме того, осуществляются различные стратегии по расширению предложения лесных услуг.

В связи с увеличением возраста древостоя и интенсивным хозяйствованием почва будет развиваться дальше, что приведет к увеличению емкости водных хранилищ лесов с 18,8 млрд тонн в 2018 г. до 19,6 млрд тонн в 2025 г. В связи с продолжающимся увеличением инвестиций в лесные рекреационные ресурсы расширение возможностей лесовосстановления позволит удовлетворить растущий спрос на рекреацию¹.

Также следует отметить, что, если будут приняты превентивные меры для предотвращения ущерба лесам, который ухудшает здоровье и жизнеспособность лесов, и будет внедрена система достижения социального консенсуса в отношении гармонии между сохранением лесов и развитием, то устойчивость лесов будет повышена, а лесной сектор будет и далее вносить свой вклад в устойчивое развитие [Жиряева, 2018].

За последние десятилетия были приняты меры, ориентированные на лесовосстановление, направленные на скорейшее восстановление деградированных лесных угодий. Инвестиции в лесное хозяйство почти полностью зависели от государственного бюджета, поэтому трудности с обеспечением бюджета были одной из основных причин отказа от инвестиций в управление лесным хозяйством. Эта ситуация сделала лесные ресурсы чрезвычайно уязвимыми для незаконной вырубki, а также лесных пожаров [Валяева, 2017. С. 122–133].

Кроме того, существует серьезная нехватка инфраструктуры (лесные дороги и механизация). Таким образом, для реализации такого потенциала предложения в сравнении с реальным рыночным предложением необходимо внедрение технологических инноваций для повышения производительности труда в лесоводстве, заготовке и переработке древесины.

Поскольку импортные пиломатериалы чаще всего используются в качестве сырья в деревообрабатывающей промышленности, крупные лесоперерабатывающие предприятия располагаются вблизи портов.

Из-за истощения ресурсной базы заготовка древесины и транспортировка их к перерабатывающим предприятиям обходятся очень дорого, что еще больше ослабляет конкурентоспособность российской лесной промышленности. Крайне важно постепенно локализовать деревообрабатывающую промышленность в районах, где ожидается производство древесины, что позволит повысить эффективность использования отечественной древесины и будет способствовать активизации местной экономики [Kumar, Kumar, 2015].

На наш взгляд, лесной комплекс Дальнего Востока России в перспективе будет сохранять свою ориентацию на восточноазиатский рынок, преимущественно на китайский, с его ростом спроса на лесопroduкцию из-за ужесточающейся в Северо-Восточных провинциях КНР природоохранной политики. Вопрос в том, с какой продукцией дальневосточные производители смогут позиционироваться на этом рынке, учитывая рост конкуренции со стороны североамериканских и новозеландских поставщиков необработанной древесины и при этом отсутствие у дальневосточников наработанных рыночных ниш для продукции переработки, кроме низкосортных пиломатериалов.

Стратегическое управление экспортом лесного комплекса Дальнего Востока. Решение о производстве того или иного вида продукции лесопереработки и весь комплекс мер по организации производства продукции и доставки ее до потребителя должно приниматься на основе стратегического анализа объемов потре-

бления и возникающих требований у потенциальных покупателей. В настоящее время в лесном секторе Дальнего Востока преобладает обратная тенденция. Развитие лесопереработки отталкивается в основном от имеющихся ресурсных возможностей, а не от анализа тенденций в потреблении продукции лесного сектора и потенциальных рынков сбыта, в результате чего эффективность инвестиций получается довольно низкой из-за недостаточной загруженности производственных мощностей.

Стратегия внешнеэкономической деятельности, как правило, подразумевает внимательное рассмотрение всех альтернативных вариантов в сфере внешнеэкономической деятельности, относящихся к долгосрочным целям, и их обоснование для принятия тех или иных решений. Существует множество методов оценки привлекательности стратегических зон хозяйствования, которые, с нашей точки зрения, возможно использовать для целей оптимизации экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока России в страны Северо-Восточной Азии.

В тоже время целесообразно оценить указанные страны не просто как стратегические зоны хозяйствования или рынки сбыта с позиции перспектив роста объемов и структуры потребляемой продукции, рентабельности ее поставок в данную страну и т. д., но еще и как потенциальных партнеров. Как мы уже говорили выше, Китай может стать не только основным потребителем продукции ЛПК Дальнего Востока, но и инвестором или оказать содействие в освоении иных рынков сбыта. В условиях жесткой конкурентной борьбы и применения отдельными странами экономических и политических санкций для продвижения собственной продукции и ограничения доступа производителей других стран к наиболее платежеспособным рынкам сбыта необходимо учитывать возможности стратегического влияния стран-партнеров на мировое сообщество и экономику.

Стратегическая оценка привлекательности региональных рынков позволит более четко выстроить инвестиционную политику для предприятий лесопромышленного комплекса Дальнего Востока. Проблема оптимального выбора направления

инвестиций сегодня вдвойне актуальна для Дальнего Востока, во-первых, по причине мирового экономического кризиса и ограниченного объема финансовых ресурсов, доступных для инвестирования, во-вторых, в связи с увеличением экспортных пошлин на необработанную древесину до 60% в 2020 г. и до 80% в 2021 г., что делает невыгодным экспорт круглого леса и требует перестройки всей структуры лесного комплекса ДФО.

Заключение. В настоящее время складывается довольно неблагоприятная ситуация для лесного комплекса Дальнего Востока в части возможностей его экстенсивного развития по причине истощения ресурсной базы, слабо развитой инфраструктуры и иным причинам. Из-за отдаленности крупных отечественных потребителей продукции лесопереработки основным платежеспособным рынком сбыта для лесного комплекса Дальнего Востока являются страны Северо-Восточной Азии, в связи с чем существует угроза возникновения стратегической зависимости лесной отрасли Дальнего Востока от экономической ситуации в указанных странах и мировой экономике в целом, что в совокупности с изменяющейся структурой и объемом мирового и регионального спроса на продукцию лесной промышленности требует повышения эффективности экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока и оптимизации структуры лесного комплекса Дальнего Востока в целом. Применение инструментария стратегического управления позволит, с нашей точки зрения, повысить не только эффективность экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока России в страны Северо-Восточной Азии, но и конкурентоспособность всего лесопромышленного комплекса Дальнего Востока.

Список литературы:

1. Валяева Е. С. Региональные особенности внешнеэкономической деятельности в современных условиях. // Российский экономический вестник. 2017. № 7. С. 122–133.
2. Жиряева Е. В. Регулирование внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в глобальных условиях ВТО : автореф. дис. ... д-ра экон.

наук. СПб., 2018. 46 с.

3. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1016–

1029.

4. Kumar A, Kumar R. Lakhchaura PC. Global forest resources assessment 2015: country report India. Rome; 2015.

Библиографическое описание статьи

Амбрутис В. Ю., Шум Н. М. Стратегическое управление повышением эффективности экспорта продукции лесопромышленного комплекса Дальнего Востока в страны Северо-Восточной Азии // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 30–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-30-36

Vyacheslav Yu. Ambrutis – Candidate of Economics, the chair of economy and financial right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: gromozeka4212@mail.ru*

Nikita M. Shum – graduate student, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: shoomnik@gmail.com*

Strategic management of increasing the export efficiency of timber products of the Far East to the countries of Northeast Asia

Currently, an unfavorable situation is developing for the forest complex of the Far East regarding the possibilities of its extensive development. Due to the remoteness of large domestic consumers of forest products, the main solvent market for the forest complex of the Far East are the countries of North-East Asia, and therefore there is a threat of a strategic dependence of the forest industry of the Far East on the economic situation in these countries and the global economy as a whole, which, combined with the changing structure and volume of global and regional demand for forest products, requires an increase in the efficiency of export of timber products from the Far East. The use of strategic management tools will make it possible to increase not only the export efficiency of timber products of the Far East to the countries of the Northeast Asia, but also the competitiveness of the entire timber industry of the Far East.

Keywords: forest industry, economic interaction, the Far East, countries of the Northeast Asia, export, strategic management.

References:

1. Valyaeva E. S. Regional features of foreign economic activity in modern conditions *Rossiyskiy ekonomicheskiy vestnik* [Russian Economic Bulletin], 2017, no. 7, pp. 122–133. (In Russian).

2. Zhiryaeva E. V. Regulation of foreign economic activity at the regional level in the global context of the WTO: author.

dis. ... Dr. Econ. sciences. SPb., 2018, 46 p. (In Russian).

3. Minakir P. A. Expectations and the realities of the policy of “turning to the East” *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 1016–1029. (In Russian).

4. Kumar A, Kumar R, Lakhchaura PC. Global forest resources assessment 2015: country report India. Rome 2015.

Reference to the article

Ambrutis V. Yu., Shum N. M. Strategic management of increasing the export efficiency of timber products of the Far East to the countries of the Northeast Asia // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 30–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-30-36

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-37-44
УДК 330.34(510)

Цзоу Сютин

Влияние коронавирусной эпидемии на экономику Китая и контрмеры правительства и регионов

Начавшаяся в начале 2020 г. в ряде регионов Китая короновирусная эпидемия стала мощным дестабилизатором экономики страны. Особенно сильно распространение этой инфекции повлияло на деятельность отраслей потребления и сферы услуг, которые составляют относительно высокую долю в структуре народного хозяйства Китая. В 2019 г. доля расходов на конечное потребление в экономике страны достигала 57,8%. В целях уменьшения негативного воздействия эпидемии на экономику, особенно для предотвращения трудностей в работе малых и средних предприятий, правительство Китая, а также власти провинций и городов, быстро приняли ряд мер: банковских, финансовых, налоговых и других. Благодаря этим усилиям экономические потери от эпидемии удалось минимизировать и сохранить тенденции долгосрочного развития экономики Китая.

Ключевые слова: Китай, Хэйлунцзян, короновирусная эпидемия, экономические потери, правительственные и региональные программы поддержки.

Введение. В январе 2020 г. в Китае разразилась эпидемия короновирусной пневмонии. Для предотвращения ее распространения 23 января 2020 г. правительством страны были приняты ограничительные меры в городе Ухань. Общественный транспорт, метро, паром и междугородние пассажирские перевозки были приостановлены, а аэропорт и железнодорожный вокзал, каналы выезда были временно закрыты. Вслед за этим с 25 января тридцать других провинций и автономных районов приступили к реагированию первого уровня на чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения. Осуществлялось сокращение транспортных потоков, отмена мероприятий, привлекающих большое количество людей, закрытие туристических достопримечательностей и т. д. Это сыграло важную роль в контроле над эпидемической ситуацией, но эти меры неизбежно оказали огромное влияние на поведение потребителей на рынке и в целом на экономическую жизнь. Отрасли промышленности, связанные с массовым потреблением, такие как общественное питание, гостиничный бизнес, розничная торговля,

туризм, кино, транспорт, досуг и развлечения, а также другие отрасли с высокой концентрацией людей, были закрыты. В обрабатывающей промышленности такие трудоемкие производства, как текстильная отрасль, производство одежды, мебели и бумаги сильно пострадали из-за остановки деятельности и недостаточных поставок сырья.

1. Влияние эпидемии на экономику Китая. В период вынужденной домашней изоляции населения уровень потребления в стране снизился, некоторые виды экономической деятельности были прекращены, и, соответственно, увеличилась безработица. Как следствие, доходы государственного бюджета сократились. С другой стороны, от него потребовались дополнительные расходы: с января по март государство потратило 137,2 млрд юаней на здравоохранение и профилактику эпидемии, больницы и низовые организации медицины и здравоохранения. Эпидемия привела к ухудшению макроэкономической ситуации в Китае и снижению ВВП в годовом исчислении с января по март 2020 г. на 6,8% (табл. 1). Такого падения не было в КНР, начиная с 1980-х гг., в по-

Цзоу Сютин – старший научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР (г. Харбин, КНР). E-mail: zouxiting@sohu.com

Таблица 1

**Валовой внутренний продукт Китая в 1 квартале 2020 г.
(предварительная калькуляция)**

	Абсолютная сумма (100 миллионов юаней)	Изменение по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)
ВВП	206 504	-6,8
Первичный сектор экономики	10 186	-3,2
Вторичный сектор экономики	73 638	-9,6
Третичный сектор экономики	122 680	-5,2

Примечание: абсолютная сумма рассчитывается по текущей цене, а темп роста – по постоянной цене.

Источник: официальный сайт Государственного статистического управления.
URL: <http://www.stats.gov.cn>

следние десятилетия в стране постоянно наблюдался только рост ВВП.

1) Влияние эпидемии на промышленность. Начавшаяся коронавирусная эпидемия оказала большое влияние на экономическую деятельность в Китае. С января по февраль прибыль крупных промышленных предприятий снизилась в годовом исчислении на 38,3% (рассчитано в сопоставимых единицах)¹. В период с января по март основные экономические показатели также продолжали снижаться, промышленное производство сократилось на 8,5%, строительная отрасль сократилась на 17,5% (табл. 2). Коэффициент использования национального промышленного потенциала составил 67,3%, снизившись на 8,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года². Однако уже с марта основные экономические индикаторы продемонстрировали динамику восстановления, и их снижение значительно сократилось. В марте уровень производства предприятий крупной промышленности в основном восстановился до уровня аналогич-

ного периода прошлого года. Например, добавленная стоимость предприятий крупной промышленности фактически снизилась на 1,1% в годовом исчислении (для сравнения, с января по февраль снижение составило 13,5%)³.

2) Влияние эпидемии на сферу услуг. От вспышки эпидемии больше всего пострадала сфера услуг, особенно индустрия общественного питания, занимающая большое место в экономике страны. По данным Государственного статистического управления, в 2019 г. доход национальной индустрии общественного питания составлял 4,67 триллионов юаней, при этом 15,5% дохода пришлось на Праздник весны. В 2020 г. этот период совпал с началом эпидемии. Многие крупные торговые центры и национальные сети общественного питания объявили о закрытии, а власти некоторых регионов выпустили экстренное уведомление, запрещающее работу вообще всех предприятий общественного питания. В результате с февраля по март операционные доходы всех видов ресто-

¹ С января по февраль прибыль крупных промышленных предприятий снизилась в годовом исчислении на 38,3% // сайт Государственного статистического управления. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202003/t20200327_1735114.html, 27 марта 2020.

² Коэффициент использования национального промышленного потенциала в первом квартале 2020 года составил 67,3% // сайт Государственного статистического управления. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200417_1739333.html, 17 апреля 2020.

³ В марте 2020 г. добавленная стоимость крупных промышленных предприятий упала на 1,1%, сайт Государственного статистического управления. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200417_1739328.html, 17 апреля 2020.

Таблица 2

**Динамика развития отраслей экономики Китая в 1 квартале 2020 г.
(предварительная калькуляция)**

	Абсолютная сумма (100 миллионов юаней)	Изменение по сравнению с аналогичным периодом про- шлого года (%)
Земледелие, лесоводство, жи- вотноводство и рыболовство	10 708	-2,8
Промышленность	64 642	-8,5
Обрабатывающая промышленность	53 852	-10,2
Строительство	9378	-17,5
Оптовая и розничная торговля	18 750	-17,8
Транспортные перевозки, складирование, почтовые услуги	7865	-14,0
Гостиничный бизнес и индус- трия общественного пита- ния	2821	-35,3
Финансовый сектор	21 347	6,0
Риэлторский бизнес	15 268	-6,1
Передача данных, программ- ное обеспечение, индустрия обслуживания информаци- онных технологий	8928	13,2
Лизинг и коммерческое обслуживание	7138	-9,4
Прочие услуги	39 660	-1,8

Примечание: абсолютная сумма рассчитывается по текущей цене, а темп роста – по постоянной цене.

Источник: официальный сайт Государственного статистического управления.
URL: <http://www.stats.gov.cn>

ранов в Китае были почти нулевыми, но постоянные расходы, такие как аренда и рабочая сила, оставались прежними, поэтому индустрия общественного питания оказалась в финансовом затруднении. С января по март объемы производства гостиничного бизнеса и индустрии общественного питания снизились на 35,3% в годовом исчислении (табл. 2), показав наибольшее снижение. Тот же процесс наблюдался и в других отраслях. Так, снижение в оптовой и розничной торговле составило 17,8%; снижение в транспортной отрасли, складировании и почтовых услугах – 14%.

С ускорением возобновления работы в марте годовой спад в сфере оптовой и розничной торговли, недвижимости, лизинга и бизнес-услуг стал значительно

меньше, чем в январе-феврале [Ду Сишун, 2020]. Транспортная отрасль также постепенно пришла в норму, и ситуация с логистикой значительно улучшилась: в марте национальный грузооборот и пассажирооборот увеличились на 9,9% и 14,3% соответственно по сравнению с февралем [Чжао Тунлу, 2020]. Однако индустрия общественного питания не показала каких-либо признаков улучшения.

В то время, как все отрасли контактного обслуживания, работающие в традиционном режиме, сильно пострадали, современная индустрия услуг, опирающаяся на большие данные, облачные вычисления, Интернет вещей и новые технологии, неуклонно росла, оказывая сильную поддержку для обеспечения основных жизненных потребностей лю-

дей и помогая предприятиям возобновить работу и производство. С января по март отрасли передачи информации, программного обеспечения и услуг информационных технологий выросли на 13,2% (табл. 2).

3) Влияние эпидемии на инвестиции. Наряду с остановкой экономической деятельности эпидемия серьезно повлияла на инвестиции в основной капитал: темпы их роста в обрабатывающую промышленность, инфраструктуру и девелопмент значительно снизились. В период с января по март национальные инвестиции в основной капитал (без учета крестьянских хозяйств) составили 8414,5 млрд юаней, что на 16,1% ниже по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Но это снижение было меньше, чем с января по февраль (тогда инвестиции в основной капитал сократились на 24,5%)⁴.

Уже в марте, с дальнейшим увеличением политики государственной поддержки экономики, стала проявляться тенденция восстановления инвестиций в основной капитал: они увеличились на 6,05% в месячном исчислении. В результате в марте было начато 11998 новых проектов, что на 9497 больше, чем в предыдущие два месяца. Также увеличились показатели возобновления работы строительных предприятий и девелоперских компаний. По состоянию на 9 апреля 2020 г. они составили 82,6% и 85,6% соответственно, что на 43,3% и 37% выше, чем на конец февраля [Пэн Юнтао, 2020].

4) Влияние эпидемии на импорт и экспорт. После вспышки эпидемии в Китае произошел спад не только в выпуске продукции отраслями производства, но и во внешней торговле. Из-за остановки работы предприятий, отставания в логистике и несоблюдения сроков доставки заказов пострадали как импорт, так и экспорт. В феврале показатели новых экспортных заказов и показатели импорта составили 28,7% и 31,9% соответственно, что на 20% и 17,1% меньше по сравнению с предыдущим месяцем [Цяо Жуйцин, 2020]. Общая стоимость

импорта и экспорта снизилась на 11% в годовом исчислении, снижение стоимости экспорта было особенно значительным, снизившись на 17% в годовом исчислении, а импорт сократился на 4%.

II. Влияние эпидемии на экономику провинции Хэйлунцзян. За первые три месяца 2020 г. ВРП провинции Хэйлунцзян составил 240,9 млрд юаней, сократившись на 8,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (расчет в сопоставимых ценах). При этом, за исключением первичного сектора экономики, показатели снизились сильнее, чем на национальном уровне (табл. 3).

С января по март добавленная стоимость крупных промышленных предприятий снизилась в годовом исчислении на 8,6%. Наибольшее падение произошло в обрабатывающей промышленности – она сократилась на 16%.

Инвестиции в основной капитал по всей провинции сократились на 10,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (в январе-феврале снижение на 27,6% в годовом исчислении), и это снижение было меньше, чем на национальном уровне. Общий объем импорта и экспорта в провинцию достиг 45,22 млрд юаней, как и за аналогичный период прошлого года, а общий объем розничных продаж потребительских товаров снизился на 33,4% в годовом исчислении.

С января по март 2020 г. основные экономические показатели всей провинции постепенно снижались. С марта они начали набирать обороты, спад был сокращен, порядок производства и условий жизни быстро восстанавливались, экономическая деятельность стабилизировалась.

В настоящее время экономика провинции в значительной степени восстановилась. По состоянию на май 2020 г. 1265700 индивидуальных предприятий возобновили свою деятельность с коэффициентом восстановления 80,99%. Показатель возобновления работы для ключевых предприятий перевозки товаров составил 87,3%. Из 3501 крупного про-

⁴ Национальные инвестиции в основной капитал (без учета крестьянских хозяйств) упали на 16,1% с января по март 2020 г. // сайт Государственного статистического управления. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202003/t20200327_1735114.html, 27 марта 2020.

Таблица 3

**Валовой региональный продукт провинции Хэйлунцзян
в первом квартале 2020 года (предварительная калькуляция)**

	Абсолютная сумма (100 млн юаней)	Изменение по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (%)
ВРП	2409,0	-8,3
Первичный сектор экономики	139,0	-1,6
Вторичный сектор экономики	771,2	-9,9
Третичный сектор экономики	1498,9	-7,9

*Источник: официальный сайт Государственного статистического управления.
URL: <http://www.stats.gov.cn>*

мышленного предприятия в провинции возобновили производство 98,1%, а коэффициент возврата работников составил 92,9% [Сунь Минъян, 2020].

III. Контрмеры центрального правительства. Чтобы снизить экономический ущерб, вызванный эпидемией, и ускорить возобновление экономической деятельности, различные департаменты китайского правительства предприняли серию конкретных действий, обеспечивающих поддержку производства.

9 февраля 2020 г. Министерство промышленности и информатизации выпустило «Уведомление о реагировании на эпидемическую ситуацию с новой коронавирусной пневмонией и оказании помощи малым и средним предприятиям в возобновлении работы и производства, и преодолении трудностей». В нем четко указано, что правительство будет способствовать дальнейшему укреплению финансовой и банковской поддержки малых и средних предприятий по 20 направлениям. В частности, они включали помощь предприятиям в координации и решении таких проблем, как возвращение работников на работу, поставка сырья, транспортировка материалов, приобретение масок и других материалов для профилактики и контроля эпидемии. Инфраструктурным службам было рекомендовано во время эпидемической ситуации осуществлять поэтапную отсрочку платежей за электроэнергию, воду и газ, которые были необходимы

для производства на малых и средних предприятиях. Особо оговаривалось, что необходимо предусмотреть меры по «бесперебойной в течение периода отсроченных платежей подаче электроэнергии, воды и т. д. в условиях задолженности по платежам».

Центральный банк и Министерство финансов предприняли ряд мер финансовой поддержки для решения проблем предприятий, в т. ч. микро-, малых и средних. Так, Народный банк Китая выдал 184 млрд юаней специальных займов, а девять национальных банков и 10 провинциальных и муниципальных банков выделили в общей сложности 182,1 млрд юаней льготных кредитов 4708 национальным и местным ключевым предприятиям. В среднем каждое предприятие получило льготные кредиты на 40 миллионов юаней. По состоянию на 14 марта 2020 г. кредитная поддержка, предоставленная банковскими финансовыми учреждениями для борьбы с эпидемией, превысила 1,4 трлн юаней.

28 марта Министерство торговли вместе с соответствующими департаментами предложило меры для поддержки почти 60 миллионов небольших магазинов, столкнувшихся с трудностями в бизнесе. Они укрупнено включали четыре направления.

Первое – налогообложение. Для всех мелких налогоплательщиков ставка НДС с марта по май была снижена с 3% до 1%, а мелкие налогоплательщики в про-

винции Хубэй были вообще освобождены от НДС. Кроме того, на период эпидемии сфера бытового обслуживания освобождалась от налога на добавленную стоимость.

Второе направление – социальное страхование. Предприятия в провинции Хубэй с февраля по июнь освобождаются от выплат по трем платежам социального страхования (страхование по старости, страхование по безработице и страхование от несчастных случаев на производстве). За пределами провинции Хубэй малые, средние и микропредприятия также с февраля по июнь освобождаются от таких выплат. Выплачиваемая крупными предприятиями часть по трем вышеуказанным страхованиям с февраля по апрель уменьшена вдвое и будет взиматься поэтапно.

Третье направление – кредитная политика. С целью профилактики и борьбы с эпидемией осуществляется предоставление специальных кредитов, при этом централизовано осуществляется поддержка в виде субсидирования части процентной ставки. Кроме того, предоставляется отсрочка для предприятий, испытывающих трудности в погашении кредитов из-за эпидемической ситуации. Руководство финансовых учреждений получило рекомендации по увеличению кредитов под низкие проценты и оказанию адресной поддержки отдельным индивидуальным предпринимателям.

Четвертое направление – поддержка в снижении затрат на производство. С февраля по июнь общая цена на электроэнергию для промышленности и торговли будет снижена на 5%. Кроме того, было объявлено о снижении платы за аренду государственной собственности. Предприятиям, испытывающим трудности, было разрешено подать заявку на отсрочку выплат в фонд жилищных накоплений.

IV. Меры региональных правительств. После начала эпидемии в различных провинциях и городах также последовательно вводились меры поддержки для предприятий и организаций. При этом особое внимание на этом уровне уделялось малому и среднему бизнесу, включая индивидуальных предпринимателей.

Например, Пекин, Шанхай, Чжэцзян, Хэйлунцзян и другие города и регионы снизили налоги на недвижимость и на использование городских земель для отраслей, испытывающих трудности. Кроме того, малые, средние и микропредприятия, а также индивидуальные предприниматели, которые используют региональную и муниципальную собственность, были освобождены от арендной платы и от ряда локальных выплат, включая сбор за очистку сточных вод, налог за использование городских дорог и т. д.

Следует обратить внимание, что при поддержке общей направленности всех локальных программ, в каждом регионе они имели свою специфику, отражающую структурные особенности экономики.

Так, Пекин принял документ, названный «Ряд мер по усилению поддержки индивидуальных предпринимателей в ответ на воздействие эпидемии», в котором было предложено 13 конкретных мер в четырех аспектах, чтобы помочь 440 000 индивидуальным предпринимателям возобновить работу и производство. Они включали финансовую поддержку, сокращение или отсрочку выплат социального страхования, снижение налогов и арендной платы. Целью программных мероприятий было облегчение возвращения на рынок индивидуальных предпринимателей, усиление интенсивности и эффективности их работы.

В провинции Чжэцзян было принято 18 мер («политик») помощи малым и микропредприятиям с учетом проблем, с которыми они сталкиваются при возобновлении работы и производства. Они были сформулированы и опубликованы в виде «Мнений о дальнейшей поддержке малых и микропредприятий в преодолении трудностей». Эти «политики» в основном были сосредоточены на четырех аспектах: предоставление льгот в обороте капитала, обеспечение трудовой занятости, поддержка в предотвращении эпидемии и борьбы с ней, помощь в разрешении возникающих экономических и правовых конфликтов. Для этого использовались такие меры как отсрочка выплат, увеличение налоговых преференций, предоставление субсидий, привлечение к оказанию помощи финансовых учреждений, страховых и юридических компаний.

Правительство провинции Хэйлунцзян использовало 14 «политик», которые фокусировались на финансовой и налоговой поддержке предприятий, стабилизации занятости персонала, помощи в стабилизации производства. Отдельно выделялось усиление кредитной поддержки малых и микропредприятий. Для таких отраслей, как оптовая и розничная торговля, гостиничный бизнес и общественное питание, логистика, транспорт, культурный туризм и ряда других, сильно пострадавших от эпидемии, было рекомендовано продлить сроки и снизить ставки кредитования.

В целом региональные и муниципальные правительства включили в свои программы поддержки малого и среднего бизнеса значительное число мероприятий, оказывающих позитивное влияние на восстановление и развитие экономических структур, работающих на их территориях.

Заключение. Негативное влияние эпидемии на экономику Китая было наиболее сильным в первые три месяца 2020 года, а затем оно становилось все слабее и слабее. Это произошло в результате активных мер, осуществленных центральным правительством и региональными властями. Как следствие, экономическое положение в стране стало улучшаться, ключевые отрасли и ведущие предприятия вернулись к работе. Согласно опросу, проведенному «Исследовательской группой по механизмам предотвращения эпидемий и борьбы с ними» Института государственного управления и кадровых ресурсов Исследовательского центра по вопросам развития при Госсовете КНР, большинство опрошенных предпринимателей считают, что ситуация уже во втором квартале улучшится. Что касается уверенности предпринимателей в следующем этапе развития бизнеса, результаты опроса показывают, что 74,2% предпринимателей заявили, что они «очень уверены в себе»

или «сравнительно уверены в себе» [Цяо Жуйцин, 2020]. Это свидетельствует о том, что новая коронавирусная пневмония оказала временное ограниченное негативное влияние на экономику Китая, при этом общие условия для поддержки высококачественного здорового функционирования экономики Китая остаются неизменными, что обеспечивает сохранение важной роли страны в глобальной цепочке поставок товаров и услуг.

Список литературы:

1. Ду Сишуан. Производство в сфере услуг значительно улучшилось в марте // сайт Государственного статистического управления, http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739674.html (дата обращения 19 апреля 2020).
2. Пэн Юнтао. Рост инвестиций в первом квартале восстанавливался месяц за месяцем // Государственное статистическое управление, http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739676.html (дата обращения 19 апреля 2020).
3. Сунь Минъян. Показатель возобновления промышленного производства крупных промышленных предприятий в провинции достиг 98,1%, превысив 14,3 процентных пункта в конце марта прошлого года. Веб-сайт правительства провинции Хэйлунцзян <http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2020/04/21/010924391.shtml> (дата обращения 21 апреля 2020).
4. Цяо Жуйцин. Правильное понимание негативного влияния эпидемии на экономику. <https://news.sina.com.cn/gov/2020-03-04/doc-iimxyqvz7805104.shtml> (дата обращения 03 апреля 2020).
5. Чжао Тунлу. В первом квартале влияние эпидемии на экономику показало долгосрочную положительную тенденцию развития, сайт Государственного статистического управления, http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739666.html (дата обращения 19 апреля 2020).

Библиографическое описание статьи

Цзоу Сютин. Влияние коронавирусной эпидемии на экономику Китая и контрмеры правительства и регионов // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 37–44. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-37-44

Tzou Syutin – senior researcher, the Institute of Russia of the Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province of China (Harbin, China). *E-mail: zouxiuting@sohu.com*

Impact of the coronavirus epidemic on the China's economy and the government and regional countermeasures

Coronavirus epidemic that began in early 2020 in several regions of China has become a powerful destabilizer of the country's economy. The spread of this infection has especially affected the activities of consumer and service industries, which make a relatively high share in the structure of the Chinese national economy. In 2019, the share of final consumption spending in the country's economy reached 57.8%. In order to reduce the negative impact of epidemic on the economy, especially to prevent difficulties in the work of small and medium-sized enterprises, the Chinese government, as well as the provincial and city authorities, quickly adopted a number of measures: banking, financial, tax and others. Thanks to these efforts, the economic losses from the epidemic were minimized and the trends in the long-term development of the Chinese economy were maintained.

Keywords: China, Heilongjiang, coronavirus epidemic, economic losses, government and regional support programs.

References:

1. Du Xishuang. Production in the service sector improved significantly in March *Gosudarstvennoye statisticheskoye upravleniye* [the website of the State Statistical Office], http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739674.html (accessed April 19, 2020). (In Chinese).

2. Peng Yuntao. Investment growth in the first quarter recovered month after month *Gosudarstvennoye statisticheskoye upravleniye* [the website of the State Statistical Office], http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739676.html (accessed April 19, 2020). (In Chinese).

3. Sun Mingyang. The industrial production resumption rate of large industrial enterprises in the province reached 98.1%, exceeding 14.3 percentage points

at the end of March last year *Veb-sayt pravitel'stva provintsii Kheyluntszyan* [The website of the Heilongjiang Provincial Government is] <http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2020/04/21/010924391.shtml> (accessed April 21, 2020). (In Chinese).

4. Qiao Ruijing. A correct understanding of the negative impact of the epidemic on the economy. <https://news.sina.com.cn/gov/2020-03-04/doc-iimxyqvz7805104.shtml> (accessed April 03, 2020). (In Chinese).

5. Zhao Tonglu. In the first quarter, the impact of the epidemic on the economy showed a long-term positive development trend *Gosudarstvennoye statisticheskoye upravleniye* [the website of the State Statistical Office], http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202004/t20200419_1739666.html (accessed April 19, 2020). (In Chinese).

Reference to the article

Tzou Syutin. Impact of the coronavirus epidemic on the China's economy and the government and regional countermeasures // *Power and Administration in the East of Russia*. 2020. No. 2 (91). Pp. 37–44. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-37-44

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-45-50

УДК 338.2:004.9

Г. В. Цветова

Цифровая экономика: преимущества, угрозы и факторы влияния

В статье рассматривается влияние цифровых инструментов на экономическое и социальное развитие государства; дан обзор преимуществ и угроз цифровой экономики; сделан вывод об ускоренном развитии цифровой экономики в условиях пандемии коронавируса. К преимуществам развития цифровой экономики относят увеличение доступности получения различных услуг, появление новых возможностей для обучения и освоения новых видов профессиональной деятельности, создание и поддержание безопасных и комфортных условий для жизни человека. Угрозы цифровой экономики связаны с сокращением рабочих мест средней квалификации за счет высвобождения персонала, трудностями использования цифровых инструментов, обусловленными низким уровнем цифровой грамотности граждан, финансовым мошенничеством. На развитие цифровой экономики оказывают влияние такие факторы, как спрос на цифровые технологии; появление инновационных технологий; кадровый потенциал; государственное регулирование; финансовые ресурсы, обеспечивающие разработку и внедрение цифровых технологий. Для преодоления угроз цифровой экономики необходима реализация совместных усилий органов власти различных уровней, образовательных организаций и работодателей в решении не только финансовых проблем, но и обеспечении соответствия инфраструктуры цифровой экономики ее кадровым потребностям.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, спрос, потребители, экономическая безопасность.

Введение. Использование цифровых технологий в интересах бизнеса и населения и организация цифрового доступа к товарам и услугам, представляет собой цифровую экономику, развитие которой является приоритетным направлением для большинства современных государств.

Термин «цифровая экономика» относится исключительно к происходящей сейчас и еще незавершенной трансформации всех секторов экономики благодаря цифровизации информации при помощи компьютерных технологий [Bukht, Neeks, 2018. Р. 143–172].

Пандемия коронавируса явилась одним из драйверов развития цифровой эконо-

мики в мире, поскольку в сложившихся условиях деятельность организаций многих отраслей экономики и социальной сферы переводится в дистанционный режим. Это способствует тому, что организации, использующие в своей работе цифровые инструменты ведения бизнеса, могут выстоять в кризисных условиях. В первую очередь, это сервисы, позволяющие проводить видеоконференции, конференц-колы, групповые звонки. Так, американский сервис видеоконференций Zoom за последний месяц фиксирует рекордное число пользователей, а акции компании с февраля резко выросли в цене, тогда как у такого гиганта, как Apple, они падают на

Галина Владимировна Цветова – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33).
E-mail: mgalin1008@mail.ru

фоне закрытия заводов iPhone в Китае¹.

Цифровизация влияет на экономическое развитие любого государства, а также меняет социальные стереотипы граждан.

Таким образом, целью исследования является обзор угроз и преимуществ, связанных с цифровой экономикой, и анализ факторов, влияющих на ее развитие.

Исследование проводилось с использованием системного подхода посредством обобщения и систематизации теоретических представлений о цифровой экономике, представленных в работах Bukht R., Heeks R., Kirton J. J., Warren B., Куприяновского В. П., Сухомлина В. А.

Анализ статистических данных проводился с использованием материалов обзоров ОЭСР, исследований международных компаний McKinsey & Company, Ernst & Young.

Преимущества и угрозы цифровой экономики. О потенциале цифровой экономики в докладе ОЭСР отмечается следующее: «Технологии, интеллектуальные приложения и другие инновации в цифровой экономике могут повысить качество оказываемых услуг и помочь решить проблемы в самых разных областях, включая здравоохранение, сельское хозяйство, государственное управление, налоги, транспорт, образование, экологию и другие»².

По мнению Bukht R., Heeks R., приблизительная оценка доли цифровой экономики в мировом хозяйстве составляет около 5% мирового ВВП и охватывает 3% мирового рынка труда [Bukht, Heeks, 2018. Р. 143–172].

Современные исследования [Kling, Lamb, 2000. Р. 295–324; Margherio L. et al., 1999] выделяют несколько компонентов цифровой экономики:

1) цифровые товары и услуги – товары, производимые при помощи цифровых технологий, и услуги, оказываемые в цифровом формате (информационные сервисы в режиме онлайн, продажа программного обеспечения, дистанционное образование и др.);

2) товары и услуги, производство и оказание которых зависит от развития информационных технологий, например, бухгалтерские услуги или сложные технические проекты, производства, в которых непосредственно используются информационные технологии (высокоточная механическая обработка с применением числового программного управления, химические заводы с программным управлением);

3) ИТ-индустрия, обслуживающая ранее рассмотренные компоненты цифровой экономики, представленная производителями сетевого оборудования и персональных компьютеров, а также компаниями, занимающимися ИТ-консалтингом.

Влияние цифровой экономики на отраслевую структуру объясняется изменением облика отдельных отраслей, таких как туристическая, телекоммуникационная, полиграфическая, пассажирских перевозок (прежде всего услуги такси). Использование населением цифровых инструментов позволяет повысить его покупательную способность, поскольку функционирующие цифровые платформы обеспечивают развитие ценовой конкуренции. Потребители получают возможность, не выходя из дома, узнать о характеристиках определенного товара, сравнить свой выбор с иными предлагаемыми вариантами, ознакомиться с отзывами реальных пользователей. Это заставляет производителей снижать цены и обеспечивать выпуск качественной продукции или качественное оказание услуг.

Цифровой доступ к услугам способствует повышению инвестиционной и деловой активности, поскольку повышается доступность и эффективности предоставления общественных услуг. Например, зарегистрировать юридическое лицо, получить разрешение, подать заявление на проведение сертификации, заплатить налоги можно без посещения соответствующих органов власти и кредитных организаций.

¹ Цифровизация во время коронавируса: как пандемия влияет на он-лайн сервисы в России// Будущее России. URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/cifrovizaciya-vo-vrema-koronavirusa-kak-pandemia-vliaet-na-onlajn-servisy-v-rossii> (дата обращения 13.04.2019).

² OECD(2017a)OECD Digital Economy Outlook 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284en> (accessed 18 April 2018).

В условиях цифровизации повышается прозрачность условий ведения бизнеса через электронные площадки для проведения тендеров и закупок, порталы обратной связи.

В финансовой сфере цифровые технологии развиваются наиболее динамично, инициаторами их активного продвижения являются кредитные организации. Использование цифровых финансовых технологий является одним из ключевых направлений развития финансовых рынков³.

Цифровая экономика оказывает влияние на поведение населения, включая финансовое поведение. Для человека открываются возможности, связанные с получением новых знаний, образования, повышения квалификации и освоения новых видов профессиональной деятельности. Расширяются географические горизонты возможностей за счет более комфортных для проживания городов, доступности услуг учреждений социальной сферы и органов власти. Государства, проводящие активную политику поддержки инноваций и исследований, привлекают высококвалифицированные кадры, которые являются ключевым ресурсом развития цифровой экономики.

Цифровые технологии можно рассматривать в качестве механизма социальных лифтов⁴, т. к. они повышают доступность социальных услуг и способствуют вовлечению граждан в управленческие и финансовые процессы. Используя цифровые сервисы, можно записать ребенка в школу или дошкольное учреждение, получить информацию о показателях любого бюджета, выбрать удобное время для обращения в медицинское учреждение, получить образование в любом конце мира, оформить вклад или взять кредит в банке.

Положительное влияние цифровой экономики на рынок трудовых ресурсов достигается посредством того, что цифровые сервисы способствуют формированию новых возможностей для тру-

доустройства, т. к. помогают развивать дополнительные навыки и повышать квалификацию тем людям, которые ранее не могли это сделать из-за социальных или пространственных ограничений.

В качестве положительных сторон использования цифровых сервисов можно отметить создание и поддержание безопасных и комфортных условий для жизни человека. Это обеспечивается посредством функционирования централизованных систем контроля за состоянием территориальной инфраструктуры, технологий оптимизации энергопотребления, создания систем видеонаблюдения, навигационных сервисов. С помощью всего перечисленного обеспечиваются комфортные условия проживания в муниципальных образованиях.

На основе использования цифровых технологий успешно решаются проблемы обеспечения безопасности разных уровней. Предотвращение и ликвидация пожаров и стихийных бедствий, борьба с терроризмом, охрана стратегически важных объектов, неприкосновенность частной жизни – эти и другие составляющие безопасности сегодня поддерживаются благодаря различным цифровым инструментам.

Вместе с тем, можно выделить и те угрозы, которые влечет за собой цифровая экономика. В исследовании, проведенном экспертами McKinsey & Company, отмечается, что в мире к 2036 г. будет автоматизировано до 50% рабочих процессов⁵. Повышение уровня технической оснащенности производств и видов деятельности влечет за собой сокращение рабочих мест средней квалификации за счет высвобождения персонала, рост дифференциации в уровнях оплаты труда. Для решения этих социальных проблем потребуются увеличение бюджетных расходов, связанных с выплатами пособий безработным гражданам, переобучением лиц, получившим статус безработных. Помимо этого, цифровая экономика способствует повышению уязвимости финансовой сфе-

³ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/71220/main_directions.pdf дата обращения 13.04.2020).

⁴ Цифровая Россия: новая реальность. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights>

⁵ Курс на финтех: перспективы развития рынка в России URL: <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/EY-focus-on-fintech-russian-market.pdf>

ры, что связано с рисками несанкционированных списаний денежных средств с банковских счетов. По мнению некоторых исследователей, увеличение объемов платежей, осуществляемых с помощью технологии блокчейн, может быть связано с ее использованием в коррупционных и иных незаконных целях⁵.

В качестве угроз цифровой экономики можно назвать трудности с использованием новых технологических возможностей, обусловленные низким уровнем цифровой грамотности и недостаточностью проникновения технологий как внутри, так и между странами [Bukht, Heeks, 2018. P. 143–172].

Факторы, влияющие на развитие цифровой экономики. Развитие цифровой экономики и скорость создания технологических решений зависят от совокупности взаимосвязанных факторов, к которым относятся:

- спрос на цифровые технологии,
- появление инновационных технологий,
- кадровый потенциал,
- государственное регулирование,
- финансовые ресурсы, обеспечивающие разработку и внедрение цифровых технологий.

Рассмотрим более подробно влияние каждого из перечисленных факторов.

Спрос на цифровые технологии формируется потребителями цифровых услуг. Можно выделить несколько групп потенциальных потребителей цифровых услуг:

- 1) физические лица, формирующие массовый спрос на цифровые услуги. Среди этой категории потребителей следует выделить лиц, формирующих высокий потенциальный спрос, к которым относят молодежь, а также лиц с ограниченным доступом к традиционной форме получения различных услуг;
- 2) организации, функционирующие в различных отраслях экономики;
- 3) финансово-кредитные институты (банки, биржи, брокерские организации и другие), заинтересованные в оптимизации предоставляемых ими услуг и повышении их операционной эффективности;
- 4) органы власти различных уровней, стремящиеся к повышению доступности государственных и муниципальных услуг

и обеспечению их прозрачности.

Изменение предпочтений потребителей влияет на внедрение инновационных технологий, которые в дальнейшем способствуют трансформации услуг, оказываемых в традиционной форме. К таким технологиям относятся:

- когнитивные технологии, позволяющие выполнять работу без участия человека и ориентированные на автоматизацию процессов, которые невозможно описать при помощи точных инструкций⁵ [Kirton, Warren, 2018. P. 17–47]. Примерами их использования являются искусственный интеллект, аналитика больших данных, Интернет вещей;

- распределенные вычисления, связанные с обработкой и хранением данных, направленные на решение проблем экспоненциального роста их объема в цифровом мире. Включают в себя облачные вычисления и технологии распределенных реестров;

- технологии в области кибербезопасности, направленные на повышение безопасности посредством удаленной/биометрической идентификации.

Кадровый потенциал цифровой экономики включает в себя специалистов, занятых в сферах, в которых производятся цифровые технологии, а также потенциальных работников, обладающих цифровыми компетенциями.

Работодатели предъявляют спрос на цифровые навыки работников, формируемые по трем направлениям:

- навыки, позволяющие использовать цифровые технологии в повседневной работе и жизни, например, поиск информации при помощи интернет-ресурсов, использование программного обеспечения для решения текущих задач;
- профессиональные навыки, необходимые при производстве товаров и услуг, т.е. позволяющие создать средства труда: программное обеспечение, сайты, средства электронной коммерции, облачные данные. Формирование профессиональных навыков обеспечивается в процессе получения соответствующего образования;
- комплементарные навыки (complementary skills), способствующие выполнению новых задач, связанных с использо-

ванием цифровых технологий на рабочем месте, например, использование социальных сетей для коммуникации с коллегами и клиентами, продвижение бренда продуктов на платформах электронной коммерции, анализ больших данных, бизнес-планирование и др. [Куприяновский, Сухомлин, 2017. С. 19–25].

Государственное регулирование определяет, готовы ли новые продукты и услуги к выходу на рынки массового потребления. Государственное регулирование направлено на создание и поддержку благоприятной среды для развития инноваций, а также на осуществление контроля и минимизацию рисков, связанных с цифровыми технологиями.

Развитию цифровой экономики способствует многостороннее государственное регулирование, предусматривающее поддержку компаний-разработчиков цифровых технологий и образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров для цифровой экономики.

Государственная политика, обеспечивающая реализацию контрольной составляющей и устранение рисков, связанных с инновациями, может ограничить развитие цифровых технологий, в то время как поддержка разработчиков технологий создает стимулы к появлению инноваций.

Доступ к финансированию является необходимым условием для успешного развития и роста организаций, разрабатывающих и применяющих цифровые решения. В качестве источников финансового обеспечения цифровых технологий можно назвать финансирование за счет средств венчурных фондов, бюджетное финансирование, создание бизнес-инкубаторов и поддержку стартапов.

Основные выводы. Таким образом, изменяющиеся предпочтения потребителей выступают в качестве стимулов для совершенствования технологий, а техно-

логический прогресс выступает драйвером изменения потребительских предпочтений. Развитие цифровой индустрии зависит от доступа высокотехнологичных компаний к финансированию, от имеющихся трудовых ресурсов, обладающих цифровыми компетенциями, а также от эффективности государственного регулирования⁵.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в поиске способов реализации перечисленных выше мер, позволяющих обеспечить комплексное решение проблем, связанных с возможными угрозами цифровой экономики.

Список литературы:

1. Куприяновский В. П., Сухомлин В. А. и др. Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования // International Journal of Open Information Technologies. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 19–25.
2. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal, 2018, vol. 13, no 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/19967845-2018-02-07. (In English).
3. Kirton J. J., Warren B. G. 20 Governance of Digitalization. International Organisations Research Journal, 2018, vol. 13, no 2, pp. 17–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-02. (In English).
4. Kling R., Lamb R. IT and Organizational Change in Digital Economies. Understanding the Digital Economy / E. Brynjolfsson, B. Kahin (eds). Cambridge: MIT Press. 2000, pp. 295–324.
5. Margherio L. et al. The Emerging Digital Economy. Washington, DC: Department of Commerce. 1999. URL: http://www.esa.doc.gov/sites/default/files/emergingdig_0.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

Библиографическое описание статьи

Цветова Г. В. Цифровая экономика: преимущества, угрозы и факторы влияния // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 45–50. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-45-50

Galina V. Tsvetova – Candidate of Economics, the chair of economy and financial right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: mgalin1008@mail.ru*

Digital Economy: benefits, threats, and the influences factors

This article examines the impact of digital instruments on the economic and social development of the state; an overview of the benefits and threats of the digital economy; the conclusion was made about the accelerated development of the digital economy in a pandemic. The advantages of development of the digital economy include increasing the availability of various services, the emergence of new opportunities for training and mastering new types of professional activities, the creation and maintenance of the safe and comfortable conditions for human life. The threats to the digital economy are related to the reduction of medium-skill jobs through the release of personnel, the difficulties of using digital tools due to the low level of digital literacy of the citizens, financial fraud. The development of digital economy is influenced by the factors such as the demand for digital technologies; the emergence of innovative technologies; personnel potential; state regulation; Financial resources for the development and implementation of digital technologies. To overcome the threats of the digital economy, it is necessary to implement joint efforts of the authorities at different levels, educational organizations and employers in solving not only financial problems, but also ensuring that the infrastructure of the digital economy meets its personnel needs. Due to the strengthening of the fight against terrorism, the highest growth rate was observed in the group of expenditures on national security and law enforcement. Due to lagging revenue growth rates from the growth rate of budget expenditures in Birobidzhan, there is a systematic budget deficit and an increase in municipal debt. The municipal unit, unable to refuse to fulfill its social obligations, is objectively forced to increase the level of unproductive debt load using loans from commercial credit organizations in the conditions of low budget security and chronic deficit of the municipal budget. The article highlights the factors of instability of the studied MU and identifies budget risks that limit its budget stability, and determines the main directions for improving the budget stability at the municipal level.

Keywords: digital economy, digital technologies, demand, consumers, economic security.

References:

1. Kupriyanovsky V. P., Sukhomlin V. A. et al. Skills in the digital economy and challenges of the education system *Mezhdunarodnyy zhurnal otkrytykh informatsionnykh tekhnologiy* [International Journal of Open Information Technologies], 2017, vol. 5, no. 1, pp. 19-25. (In Russian).
2. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy *Issledovaniya mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organizations Research Journal], 2018, vol. 13, no 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323 / 19967845-2018-02-07. (In English).
3. Kirton J. J., Warren B. G. 20 Governance of Digitalization. *International Organizations Research Journal*, 2018, vol. 13, no 2, pp. 17–47. DOI: 10.17323 / 1996-7845-2018-02-02. (In English).
4. Kling R., Lamb R. IT and Organizational Change in Digital Economies. Understanding the Digital Economy / E. Brynjolfsson, B. Kahin (eds). Cambridge: MIT Press. 2000, pp. 295–324.
5. Margherio L. et al. The Emerging Digital Economy. Washington, DC: Department of Commerce. 1999. URL: http://www.esa.doc.gov/sites/default/files/emergingdig_0.pdf (accessed 05/01/2020).

Reference to the article

Tsvetova G. V. Digital Economy: benefits, threats, and the influences factors // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 45–50. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-45-50

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-51-65
УДК 65.014

И. А. Докукина
А. В. Полянин
В. В. Тарновский

Основные направления совершенствования распределения организационных задач в условиях публичного управления

Целью исследования является разработка концепции, включающей элементы социологического обеспечения процессов распределения организационных задач, внедрение которой позволит повысить результативность кадрового менеджмента. В процессе исследования были использованы методы системного, структурно-функционального, проблемного и экспертного анализа, одномерной и многомерной группировки данных, эмпирического и теоретического обобщения. Научная гипотеза исследования включает три взаимосвязанных предположения. Во-первых, результативность деятельности аппарата управления определяется не только социально-экономическими условиями и качеством профессиональной подготовки работников, но и уровнем их социальной готовности, которая до настоящего времени недостаточно изучена и не находит широкого применения в практике управления. Во-вторых, повышение уровня организационного потенциала государственного учреждения за счет оценочной формы позволяет на основе сочетания количественной и качественной оценок с учетом реальных условий деятельности осуществить диагностику всех составляющих потенциала, как в комплексе, так и по отдельности. Основные результаты исследования и их научная новизна определяется следующим: усовершенствованы подходы к повышению результативности публичного управления, а именно предложена концепция обеспечения процессов распределения организационных задач на основе сбалансированности социальных интересов, которая базируется на принципах управления, учитывает факторы влияния, а также предусматривает задачи, инструментарий реализации и позволяет обосновывать решения относительно привлечения или ограничения использования социальных ресурсов. Получил дальнейшее развитие диагностический инструментарий определения результативности управления распределением организационных задач, основанный на использовании экономико-математического моделирования, за счет обоснования нормативных значений уровней показателей социально-экономического потенциала.

Ключевые слова: публичное управление, кадры, задачи, управленческие решения, развитие, организационные задачи.

Ирина Александровна Докукина – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственное управление, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал (302028, Россия, г.Орел, бульвар Победы, д. 5А). *E-mail: irenalks@mail.ru*

Андрей Витальевич Полянин – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственное управление, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал (302028, Россия, г.Орел, бульвар Победы, д. 5А). *E-mail: polyanin.andrei@yandex.ru*

Владимир Викторович Тарновский – канд. экон. наук, директор по мониторингу и контролю капитального строительства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82). *E-mail: vladimir-tarnovskiy@mail.ru*

Введение. На начальном этапе деятельности государственного учреждения, а также в процессе дальнейшего обновления и развития персонала происходит первичное распределение организационных задач. Данный шаг включает комплектование ядра коллектива: планирование потребности в персонале, организацию подбора и отбора кандидатов с требуемым уровнем индивидуального трудового потенциала на замещение вакантных должностей. Кроме того, на этом этапе происходит создание условий реализации трудового потенциала работников. Под воздействием внешней среды требования к уровню трудового потенциала учреждения меняются, поэтому следующим этапом должна быть его оценка. В результате такой оценки, в случае несоответствия требованиям рынка, должен осуществляться процесс развития трудового потенциала. Развитие может быть реализовано путем организационной, профессионально-квалификационной, психофизиологической, социально-психологической адаптации персонала, его профессионального развития (включающего первичное профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации), управление карьерой, а также улучшение условий реализации трудового потенциала отдельных работников.

Следовательно, в результате развития формируется организационный потенциал учреждения нового качества, который может считаться сформированным и достаточным, если он удовлетворяет требованиям внешней среды. Под воздействием изменений внешних условий сформированный организационный потенциал будет нуждаться в дальнейшем развитии. Исследование теоретических разработок позволяет прийти к выводу, что распределение организационных задач включает в себя не только совокупность взаимодействующих организационных возможностей, но и конкретные условия их реализации, обусловленные особенностями функционирования самой среды [Астафичева, Лебедев, Полянин, 2015. С. 112–115; Боброва, Лытнева, Парушина, 2019. С. 12–19].

Проведенное исследование позволило

условно разделить факторы, влияющие на процессы распределения организационных задач, на внешние и внутренние, связанные с характеристиками внутренней среды учреждения и поддающиеся управленческому воздействию.

В результате определения факторов, принципов и инструментария обеспечения разрешения проблем распределения организационных задач в государственных учреждениях сформулирована концепция управления данными процессами. Выстраивание эффективных процессов на основе предлагаемой концепции позволит руководству государственных учреждений принимать обоснованные решения относительно необходимости дополнительного привлечения или ограничения использования социальных и экономических ресурсов, что, в свою очередь, обеспечит повышение результативных показателей деятельности. В настоящих экономических условиях перед государственными учреждениями стоят задачи достижения стабильного положения, преодоления кризисных ситуаций, повышения социально-экономических результатов деятельности. Осуществление данных задач возможно при эффективном управлении всеми составляющими деятельности, обеспечивающем рациональное использование потенциала. Очевидно, что для анализа возможностей реализации потенциала необходимо иметь четкое представление о его имеющемся уровне, в связи с чем особое практическое значение приобретает процедура проведения оценки уровня потенциала учреждения и его составляющих [Вектакова, Плотников, 2020. С. 5–20].

Выводы, полученные по итогу осуществления такой оценки, должны быть использованы в качестве базы для разработки корректирующих мероприятий, призванных своевременно предупредить потенциальные и устранить существующие проблемы функционирования, наметить тенденции его развития. Ввиду тесной взаимосвязи и взаимозависимости составляющих организационного потенциала целесообразно осуществлять их комплексное совместное оценивание. Осуществление оценки уровня социально-экономического по-

тенциала сопряжено с рядом трудностей. Так, разная природа элементов, составляющих структуру потенциала, затрудняет возможность осуществления комплексной оценки его уровня. В то же время существует необходимость в проведении оценки отдельных составляющих потенциала с целью определения слабых мест и проблем, а также дальнейшей разработки корректирующих мероприятий по конкретным направлениям. В настоящее время в специальной литературе отсутствует комплексная система показателей, всесторонне характеризующих как социально-экономический потенциал в целом, так и каждую из его составляющих в отдельности. Расчет большинства показателей, представленных в исследованиях экономистов, ограничен возможностью доступа к информации и состоянием его ресурсов и возможностей. Таким образом, высокую степень актуальности приобретает систематизация существующих и обоснование целесообразности использования новых показателей с целью минимизации затрат труда, времени и денежных средств, а также повышения эффективности процедуры оценки. Такой подход позволит обеспечить наиболее полную характеристику состояния распределения организационных задач в публичном управлении, что, в свою очередь, даст возможность менеджерам своевременно отреагировать на возникновение нежелательных ситуаций и разработать мероприятия по развитию конкретных составляющих потенциала [Головина, 2016. С. 27–35].

Современная литература содержит достаточно большое количество показателей состояния отдельных составляющих социологического обеспечения организационного потенциала учреждения, применение которых позволяет оценить эффективность управления и скорректировать, в случае необходимости, управленческие действия. В настоящее время разработано достаточно большое количество показателей, характеризующих различные структурные элементы социально-экономического потенциала. Однако их использование в практической деятельности требует

значительных затрат труда и времени. Кроме того, существующие показатели оценки составляющих потенциала применяются, как правило, несистемно, не давая возможности менеджерам получить целостную картину состояния социально-экономического потенциала. В этой связи с целью унификации процедуры диагностики существует необходимость в систематизации имеющихся показателей и определении необходимого и достаточного их количества для осуществления комплексной оценки уровня распределения организационных задач.

Теория. В результате анализа ряда работ, посвященных вопросам оценки различных аспектов организационного обеспечения, выделены и систематизированы основные показатели, характеризующие каждую из составляющих организационного потенциала.

Организационная структура системы управления персоналом – это совокупность взаимосвязанных подразделений этой системы и должностных лиц. При ее формировании важными моментами будут определение количества сотрудников, учет специфики деятельности учреждения, социальные и квалификационные характеристики персонала, финансовые возможности учреждения. Организационная структура определяет порядок движения информации внутри учреждения и порядок принятия управленческих решений, упорядочивает происходящие процессы и помогает равномерно распределить обязанности и ответственность между различными отделами и сотрудниками [Докальская, Полянин, 2012. С. 136–138; Лытнева, Парушина, Шапорова, 2018. С. 209–217].

В данном исследовании будем рассматривать организационное обеспечение как сферу деятельности в области государственного управления, направленную на совершенствование практики управления при повышении индивидуальной организационной активности и эффективности работы организации в целом. Организационное обеспечение включает в себя три последовательных этапа деятельности:

1. Организационная диагностика;
2. Выработка управленческих реше-

ний;

3. Разработка реализационных процессов [Положенцева, Андросова, Паршутина, 2019. С. 112–117].

Проанализируем каждый этап подробнее для выявления существующих организационных проблем.

Организационная диагностика предполагает определение проблем на основе системного подхода. В большинстве случаев диагностика может быть нацелена также на определение сильных и слабых сторон организации, тем не менее, в приоритете изучения все равно остаются имеющиеся проблемы. Следовательно, организационная диагностика создает поле возможных проблем организации и тем самым уменьшает круг поисков. Диагностика бывает индивидуальной (нацеленной на определенный спектр проблем или даже на одну из них) и общей (ориентирована на общую структуру проблем). Кроме того, в организационной диагностике может быть два основных типа собираемой информации: субъективная (высказывания и суждения сотрудников учреждения) и объективная (анализ нормативных документов организации). Как правило, данные источники собираемой информации дополняют друг друга.

На этапе выработки решений происходит процедура поиска путей изменения проблемной ситуации в организации. Этот поиск может осуществляться различными способами: управленческое (индивидуальное) решение, работа с группой (из предложенных решений группа выбирает наиболее приемлемое), групповая работа, или «мозговой штурм» (группа совместно предлагает решения проблемы), и реже используемые – игровой, сценарный, эксперимент и т. д.

Третий этап включает в себя разработку практических способов воплощения принятых решений в жизнь. Способы этой разработки схожи с методами поиска решения, поэтому зачастую второй и третий этапы происходят в одно время.

В решении организацией организационных проблем социологическое обеспечение применяется для оценки управленческого аппарата, оценки кадровой политики учреждения, исследования причин низкой (высокой) эффективно-

сти работы сотрудников. В каждом из этих направлений исследования социологическое обеспечение выполняет роль уточняющего процесса, во многих случаях делающего изменения в политике организации более целенаправленными и точными, а значит – более эффективными [Полянин, Докукина, 2017. С. 29–38].

Существуют определенные социальные особенности решения организационных задач. Организационная задача – это задача о рациональном использовании имеющихся ресурсов. Решение любой задачи зависит от множества факторов, одним из которых является так называемый «человеческий» фактор.

При этом необходимо понимать механизм образования различных социальных слоев (иначе – социальных срезов) коллектива учреждения. Такие срезы образуются в зависимости от наличия различных социальных групп в коллективе и приводят к появлению нескольких разновидностей социальной структуры: демографической, национальной, социально-психологической.

Демографическая структура определяется половозрастным составом коллектива. Исследования подтверждают, что разнополый коллектив эффективнее однополого. Преобладание сотрудников старшего возраста обычно повышает уровень трудовой дисциплины и степень консерватизма коллектива при внедрении новых методик, а преобладание молодых сотрудников увеличивает уровень текучести кадров, повышает скорость реакции на нововведения.

Национальная структура, несмотря на декларируемую толерантность, подтверждает, что национальный состав сотрудников может влиять на стабильность или напротив напряженность работы на предприятии [Проняева, Федотенкова, Павлова, 2018. С. 43–52].

Социально-психологическая структура образуется под влиянием интересов, ценностных ориентаций сотрудников, формирующиеся группы могут иметь в своем составе работников из любых других групп. Общность социальных групп учреждения формирует в коллективе так называемый «психологический климат», объединяющий отношение сотрудни-

ков к ценностям учреждения, к труду, к общности коллектива и непосредственно друг к другу. Он проявляется в трудовой мотивации, общении сотрудников, устойчивости их межличностных и групповых связей. «Здоровый» психологический климат предполагает, что каждый сотрудник чувствует себя частью коллектива, интересуется своей работой и адекватно оценивает успехи и неудачи – свои лично и коллектива в целом.

В структуре социально-психологического климата взаимодействуют три основных компонента: психологическая совместимость работников, социальный оптимизм членов коллектива и их воспитанность. Благоприятная социально-психологическая атмосфера учреждения является для сотрудника стимулом для успешной работы, стоящим наравне с материальным вознаграждением и экономической выгодой [Сироткина, 2017. С. 96–106].

Рассмотрим факторы, влияющие на формирование отношения к труду в коллективе:

1. Мотивация трудовой деятельности – совокупность внутренних и внешних побудительных сил, повышающих трудовую активность сотрудников. В качестве внутренних побудительных сил выступают индивидуальные потребности, ценности, установки, мотивы и идеалы личности. В качестве внешних сил – положительные и отрицательные стимулы повышения трудовой активности.

Первоисточником мотивации является потребность – нужда в том, что необходимо для существования и нормального функционирования личности. Осознанные потребности принимают форму интересов к каким-либо благам, видам деятельности или объектам, способным удовлетворять потребность. Интерес побуждает человека к деятельности. Мотив – это осознание отношения к своим действиям, внутреннее обоснование личностью своего поведения. Мотивы могут иметь материальный, духовный, социальный и другие типы характера, и всегда непосредственно предшествуют действию. По сути, мотив – это индивидуальный ответ человека на вопрос «почему я делаю так, а не иначе?». Как правило,

мотивы в чистом виде не существуют, а действуют во взаимосвязи друг с другом, образуя мотивационное ядро. Мотивы изменчивы, но если отношение человека к ситуации стабильно – оно называется установкой.

Также у личности есть ценности и ценностные ориентации. Ценности – это представления личности о важных для него вещах, значимости различных явлений, основных целях труда и жизни, а также о способах достижения цели. Ценностные ориентации представляют собой устойчивое стремление к достижению определенной общности материальных и духовных благ.

Стимул – сила, оказывающая внешнее воздействие на человека и побуждающая его вести себя определенным образом. Стимул может быть положительным (положительное подкрепление – награда) и отрицательным (отрицательное подкрепление – наказание). В рамках учреждения положительным стимулом чаще всего является премия, отрицательным – взыскание или замечание;

2. Объективные факторы – внешние факторы, влияющие на отношение человека к труду. К ним относят социально-политическую обстановку в стране, экономическое состояние региона и отрасли, в которых работает сотрудник. Также объективными считаются условия труда на конкретном предприятии – безопасность, содержательность труда, соблюдение санитарно-эпидемиологических норм, уровень оплаты труда, структура коллектива и психологический климат в нем;

3. Субъективные факторы – личностные характеристики сотрудника: пол, возраст, уровень образования, степень воспитанности, профессия, трудовой стаж и жизненный опыт, культура и ценности и т. д.

Проявляется отношение сотрудника к труду через объективные и субъективные показатели его деятельности и социально активности.

Объективными показателями считаются уровень выполнения организационных задач, качество выполненной работы, степень инициативности и состояние дисциплины сотрудника, а субъективными – степень удовлетворенности трудом,

уровень работоспособности человека, настроение и т. д.

Трудовой потенциал может быть оценен при помощи показателей, характеризующих профессиональные, физические качества сотрудников, а также при помощи индикаторов уровня организации труда, развития и мотивации персонала. Оценка составляющей социального партнерства осуществляется путем определения показателей, отражающих профессиональное взаимодействие сотрудников, наличие и эффективность функциони-

рования социальной инфраструктуры, уровень развития производственной демократии, эффективность социальной политики. Принимая во внимание трудоемкость и неэкономичность использования на практике большого количества показателей, целесообразно проводить экспресс-оценивание уровня социально-экономического потенциала с помощью необходимого и достаточного количества показателей, обеспечивающих возможность получения комплексных выводов относительно уровня всех составляющих

Таблица 1

Экспресс-оценка уровня составляющих социально-экономического потенциала распределения организационных задач по основным показателям

Составляющие социально-экономического потенциала распределения организационных задач	Показатели экспресс-оценки
Производственно-технологический потенциал	Коэффициент износа основных средств
	Коэффициент использования парка наличного оборудования
	Уровень механизации и автоматизации труда
Финансово-экономический потенциал	Коэффициент концентрации собственного капитала
	Коэффициент соотношения собственных и привлеченных средств
	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
Маркетинговый потенциал	Коэффициент маневренности собственного капитала
	Индекс качества продукции
	Показатель темпов роста объемов продаж
Инновационный потенциал	Доля расходов на маркетинг в объеме реализации продукции
	Коэффициент модернизации технико-технологической базы
	Доля затрат на нематериальные активы в общей сумме затрат учреждения
Трудовой потенциал	Доля затрат на НИОКР в общей сумме затрат учреждения
	Уровень укомплектованности учреждения персоналом
	Коэффициент соответствия квалификации
Потенциал социального партнерства	Удельный вес работников с высшим образованием в общем составе персонала учреждения
	Удельный вес рабочих мест с неблагоприятными условиями труда
	Коэффициент стабильности кадров
	Показатель результативности реализации производственной демократии
	Индекс развития социального партнерства

Источник: составлено авторами.

потенциала (табл. 1).

Показатели экспресс-оценки выбираются по критерию доступности информации для их вычисления, простоты расчетов и репрезентативности. Используя показатели экспресс-оценки, менеджеры смогут иметь возможность осуществлять оценивание уровня, а также получить результаты оценки по конкурентам. В то же время при наличии необходимости в более детальном анализе может быть произведено оценивание уровня составляющих потенциала по другим показателям. Система показателей оценки носит комплексный характер и вместе с тем обеспечивает возможность осуществления диагностики каждой из его составляющих в отдельности, позволяя, таким образом, выявить наиболее проблемные аспекты деятельности с целью последующей разработки корректирующих мероприятий по принятию управленческих решений.

Данные и методы. Для достижения высоких результативных показателей деятельности государственного учреждения необходима разработка мер, направленных одновременно на формирование качественного организационного потенциала, удовлетворяющего требованиям внешней среды и на улучшение организационных, производственных и социально-экономических условий его реализации. Очень часто для оценки социологического обеспечения распределения организационных задач в государственных учреждениях применяется прецедентный подход. Процедура использования прецедента в управлении организацией подразумевает описание ситуации в совокупности с указанием действий, необходимых для решения имеющейся проблемы. Наполнение базы прецедентов, необходимой для выбора того или иного решения, осуществляется либо на основе априорной информации, основанной на анализе предыдущего или заимствованного опыта, либо в процессе управления после получения определенных результатов. Следует отметить, что применение прецедентного подхода в качестве метода диагностики потенциала распределения организационных задач вызывает определенные сложности и его применение в большей степени целесоо-

бразно при выборе оптимальных управленческих решений, чем при оценке потенциала. Так, использование данного метода подразумевает выполнение достаточно большого объема работы, ориентированной на использование прецедентного подхода не в текущем, а в будущем периоде времени. Кроме того, прецедентный анализ позволяет получить точную модель развития событий только для хорошо формализуемых объектов управления, что в отношении потенциала учреждения является крайне затруднительным в связи с использованием человеческого фактора в производстве и необходимостью определения не только реальных, но и перспективных возможностей и ресурсов. В практической деятельности применение анализа на основе прецедентов является достаточно сложным и трудоемким процессом, поэтому его целесообразность необходимо обосновывать для каждого конкретного учреждения.

Современная методика на основе VRIO-анализа предусматривает выделение основных показателей, характеризующих каждую из составляющих социально-экономического потенциала принятия управленческих решений, с дальнейшей их экспертной оценкой. В результате такой оценки показателей по нескольким критериям делается вывод об уровне конкурентоспособности и адаптации к изменениям социально-экономического потенциала учреждения. Данная методика позволяет обеспечить экспресс-диагностику как отдельных составляющих, так потенциала в целом. В то же время отсутствие количественных характеристик и ограниченность вариантов оценки (да/нет) обуславливают недостаточно объективный характер выводов, что может стать причиной низкой степени достоверности результатов анализа.

В работах ряда исследователей предложена методика оценки распределения организационных задач, которая базируется на расчете отдельных показателей, характеризующих ту или иную его составляющую (инновационный, маркетинговый, экономический потенциал) с дальнейшим их сопоставлением с допустимыми значениями. При этом сводная оценка имеющегося уровня потенциала

не осуществляется, что затрудняет процедуру сравнительного анализа потенциала учреждения и его конкурентов.

Согласно другому подходу к диагностике, производится расчет обобщающего (интегрального) показателя уровня развития потенциала учреждения с использованием оценок единичных показателей по каждой его составляющей. Данная методика использовалась в исследованиях для оценки инновационного, инновационно-инвестиционного, организационного, стратегического, производственного потенциала хозяйствующих субъектов. Интегральная оценка, позволяя объединить разнородные единичные показатели, в то же время требует значительных трудовых и временных затрат, связанных с необходимостью приведения к однородности их единиц измерения, и может вызывать определенные трудности для понимания. К положительным сторонам данного вида оценки можно отнести возможность его применения для проведения рейтинговых исследований уровня социально-экономического потенциала.

Следует отметить, что существующие в настоящее время методики и механизмы оценки дают возможность определить как общий уровень социально-экономического потенциала учреждения, так и уровень его отдельных составляющих, установить место учреждения в конкурентной среде, выявить слабые стороны потенциала и на основе этой информации разработать корректирующие мероприятия, направленные на улучшение результативных показателей деятельности.

Модель. С целью определения уровня согласованности интересов работников и работодателей рекомендуется использовать еще один показатель: индекс развития социального партнерства. Данный показатель учитывает степень удовлетворенности заинтересованных сторон уровнем развития и формами проявления социального партнерства. Для расчета данного показателя предлагается использовать балльные оценки уровня развития социального партнерства, полученные при заполнении работниками и топ-менеджерами учреждения разработанных в ходе исследования анкет. Рекомендуемые анкеты предполагают

оценку респондентами перечня показателей, отражающих интересы работников и собственников учреждения, по десятибалльной шкале. Итоговая оценка по результатам каждой анкеты (Нраб – итоговая оценка анкеты, заполняемой работниками, Ммен – итоговая оценка анкеты, заполняемой руководителями) определяется как среднее геометрическое балльных оценок по всем показателям:

$$N_{раб} = \sqrt[n_1 \cdot n_2 \cdot n_3 \cdot n_4 \cdot n_5 \cdot n_6 \cdot n_7]{}, \quad (1)$$

$$M_{мен} = \sqrt[m_1 \cdot m_2 \cdot m_3 \cdot m_4 \cdot m_5 \cdot m_6 \cdot m_7]{}, \quad (2)$$

где $n_1, n_2, n_3, n_4, n_5, n_6, n_7$ – балльные оценки по показателям, предложенным в анкете для заполнения работниками;

$m_1, m_2, m_3, m_4, m_5, m_6, m_7$ – балльные оценки по показателям, предложенным в анкете для заполнения топ-менеджерами.

На основе итоговых оценок анкет путем вычисления средней геометрической рассчитываются две совокупные оценки: одна из них определяется по анкетам работников (N), другая – в результате обработки анкет топ-менеджеров (M):

$$N = \sqrt[N_{раб1} \cdot N_{раб2} \cdot \dots \cdot N_{раби}]{}, \quad (3)$$

где $N_{раб1}, N_{раб2}, N_{раби}$ – итоговая оценка по результатам заполнения соответствующего номера анкеты работников;

$$M = \sqrt[M_{мен1} \cdot M_{мен2} \cdot \dots \cdot M_{мени}]{}, \quad (4)$$

где $M_{мен1}, M_{мен2}, M_{мени}$ – итоговая оценка по результатам заполнения соответствующего номера анкеты руководителей.

Индекс развития социального партнерства на предприятии рассчитывается как среднее геометрическое полученных двух совокупных оценок:

$$I_{РСП} = \sqrt{N \cdot M}, \quad (5)$$

где N – совокупная оценка уровня развития социального партнерства по результатам всех анкет, заполненных работниками;

M – совокупная оценка уровня развития социального партнерства по результатам всех анкет, заполненных топ-менеджерами. Значение индекса раз-

вития социального партнерства на предприятии может варьироваться в пределах от 1 до 10. При этом значение показателя, стремящееся к единице, свидетельствует о крайне негативной ситуации: на предприятии отсутствует эффективная система взаимодействия заинтересованных сторон, что оказывает неблагоприятное влияние на его функционирование. В таком случае необходима разработка и внедрение программ, направленных на развитие социального партнерства. При значении показателя, стремящемся к десяти, можно сделать вывод о максимально слаженном и эффективном взаимодействии сторон, высоком уровне взаимной лояльности и удовлетворенности от совместной деятельности. Подобная ситуация способствует наиболее успеш-

ному функционированию учреждения.

В зависимости от полученного уровня показателю присваивается от одного до трех баллов (неудовлетворительный уровень – один балл, удовлетворительный уровень – два балла, достаточный уровень – три балла).

Выводы относительно состояния как отдельных составляющих, так и потенциала учреждения в целом предлагается делать в соответствии с приведенной шкалой (табл. 2). Показатель результативности реализации производственной демократии рассчитывается как отношение темпов роста производительности труда к темпам развития производственной демократии, выраженной численностью работников, принимающих участие в управлении предприятием.

Таблица 2

Характеристика уровней социологического обеспечения разрешения проблем распределения организационных задач в государственных учреждениях

Значение комплексной оценки, балл	Уровень социологического обеспечения	Выводы относительно социологического обеспечения разрешения проблем распределения организационных задач
1,0-1,29	Низкий	Уровень характеризуется неудовлетворительными значениями оцениваемых показателей и свидетельствует о крайне неэффективном управлении социально-экономическим потенциалом. Для повышения уровня требуется разработка срочных управленческих мероприятий
1,3-1,69	Ниже среднего	Показатели состояния социально-экономического потенциала характеризуются пониженным уровнем оценки. Потенциал с таким уровнем может считаться удовлетворительным в краткосрочном периоде. Сохранение данного уровня потенциала без своевременных корректирующих воздействий будет сопровождаться дальнейшим снижением
1,7-2,29	Средний	Уровень характеризуется средними значениями показателей, которые могут быть улучшены в результате разработки эффективных управленческих мероприятий
2,3-2,69	Выше среднего	Показатели состояния социально-экономического потенциала имеют в целом достаточно высокий уровень оценки. Потенциал учреждения имеет некоторые конкурентные преимущества на рынке. Управление потенциалом осуществляется достаточно эффективно
2,7-3,0	Высокий	Максимально возможный уровень развития, характеризующийся наиболее рациональными значениями всех показателей и обеспечивающий значительные преимущества по отношению к потенциалу конкурирующих учреждений

Источник: составлено авторами.

Полученные результаты. В качестве наглядного практического примера применения предлагаемой методики оценивания приведена комплексная оценка уровня распределения организационных задач в БУЗ Орловской области «Поликлиника № 1». Для осуществления такой оценки заполняются поля количественной, качественной и итоговой балльной оценок, представленные в таблице 3. В отношении трудового потенциала необходимо отметить постепенное снижение удельного веса работников, прошедших подготовку, переподготовку и повышение квалификации. Такая ситуация обусловлена отсутствием финансовой возможности проводить обучение работников в специализированных учебных центрах. Наблюдающаяся тенденция снижения уровня укомплектованности учреждения персоналом вызвана оттоком кадров.

Также средний уровень имеет потенциал социального партнерства. Основными проблемами в достижении гармонизации интересов заинтересованных сторон являются неэффективная реализация производственной демократии на предприятии, а также недостаточная степень удовлетворенности от совместной деятельности работников и собственников.

Таким образом, на основе исследования методического инструментария оценки различных аспектов, представленного в трудах ученых, в работе обобщены и систематизированы показатели, характеризующие уровень всех составляющих распределения организационных задач. Представленная система показателей оценки адаптирована к применению в практической деятельности, является доступной для проведения расчетов собственными силами учреждения, ориентирована на использование общедоступной статистической информации.

С целью уменьшения трудовых, временных и финансовых затрат на проведение расчетов, определено минимальное и достаточное количество показателей экспресс-оценки, в то же время обеспечивающих объективность выводов. Оценка потенциала социального партнерства дополнена новыми показате-

лями, которые позволяют более полно охарактеризовать уровень его развития. Для предложенных показателей обоснованы критерии оценки.

Система показателей позволяет определить состояние каждой из составляющих социально-экономического потенциала, вследствие чего менеджеры учреждения имеют возможность разработать управленческие мероприятия по конкретным направлениям, имеющим необходимость в улучшении. Разработанная система показателей является основой для разработки методики комплексной оценки уровня социально-экономического потенциала.

Проведенное исследование, отражающее экономический и социальный аспекты реализации потенциала учреждений, дало возможность определить наиболее проблемные составляющие распределения организационных задач, что позволило сформулировать конкретные предложения по обеспечению результативности управления данными процессами. В то же время, несмотря на универсальность научно-практических положений по обеспечению результативности распределения организационных задач, выбор стратегических приоритетов должен опираться на специфику деятельности каждого отдельного учреждения исходя из актуальных для него проблем. Эффективность процесса прогнозирования возможных изменений результативных показателей обеспечивается путем соблюдения таких принципов как системность прогнозирования, адекватность прогноза, альтернативность прогнозирования, обоснованность, наблюдаемость. Так, соблюдение принципа системности обеспечивается построением прогноза на основе системы моделей. На соответствие принципу адекватности указывают выявленные взаимосвязи исследуемых показателей. Принцип альтернативности обеспечивается путем исследования результативных показателей по разным моделям при различных взаимосвязях факторных показателей. Реализация принципа обоснованности находит свое отражение в проведенной оценке достоверности используемых для прогноза моделей. Принцип наблюдаемости обеспечивается достоверными и достаточ-

Таблица 3

**Комплексная оценка уровня распределения организационных задач
в БУЗ ОО «Поликлиника № 1»**

Составляющая потенциала	Показатель	Количественная оценка показателей социально-экономического потенциала			Качественная оценка показателей потенциала с учетом специфики деятельности		Итоговая оценка показателя, балл
		Расчетное значение показателя	Уровень показателя в соответствии с рекомендуемыми значениями	Баллы (по итогу количественной оценки)	Уровень достаточности значения показателя (экспертная оценка)	Баллы (по итогу качественной оценки)	
Трудовой	Уровень укомплектованности учреждения персоналом	0,63	средний	2	удовлетворительный	2	2,0
	Коэффициент соответствия квалификации	0,63	средний	2	удовлетворительный	2	2,0
	Удельный вес работников с высшим образованием	0,23	средний	2	достаточный	3	2,45
	Удельный вес рабочих мест с неблагоприятными условиями труда	0,22	средний	2	удовлетворительный	2	2,0
	Оценка уровня трудового потенциала (средний)						2,1
Социального партнерства	Коэффициент стабильности кадров	0,66	средний	2	достаточный	3	2,45
	Показатель результативности реализации производственной демократии	0,99	низкий	1	удовлетворительный	2	1,41
	Индекс развития социального партнерства	4,8	средний	2	удовлетворительный	2	2,0
	Оценка уровня потенциала социального партнерства (средний)						1,90
	Комплексная оценка уровня социологического обеспечения распределения организационных задач (средний)						1,73

Источник: составлено авторами.

ными статистическими данными. Таким образом, выполненный в работе прогноз значений показателей результативности реализации социально-экономического потенциала соответствует основным принципам, обеспечивающим его качество. Прогнозирование изменений результативных показателей целесообразно осуществлять в соответствии с норматив-

ными значениями показателей, характеризующих реализацию экономического и социального аспектов потенциала, в качестве которых обычно принимаются наилучшие достигнутые значения показателей либо лучшие значения по отрасли. Вместе с тем особого внимания заслуживает развитие составляющей партнерства, поскольку его состояние во

многим определяет успех учреждения. Следует подчеркнуть, что высокая степень развития социального партнерства обуславливает улучшение таких важных аспектов деятельности учреждения как повышение лояльности и стабилизация численности персонала, мотивированность и повышение личной ответственности сотрудников за результаты труда, имидж учреждения. Прежде всего, социальное партнерство существенно повышает значения трудовых показателей путем активизации процесса вовлеченности персонала в процесс управления. Это, в свою очередь, является главной предпосылкой преодоления трудностей и повышения эффективности функционирования учреждения, поскольку любой аспект его деятельности является производной от трудовой деятельности человека. Важным преимуществом приоритетности развития социального партнерства является отсутствие существенных затрат на внедрение предлагаемых мероприятий и высокая степень их результативности. В результате проведенного анкетирования нами были выделены основные проблемы социальных отношений, требующие решения. По каждой из них мы предлагаем комплекс мероприятий, который призван решить проблему и предотвратить ее возникновение в дальнейшем.

Рассмотрим проблемы в порядке значимости.

Несоответствие заработной платы сотрудника его обязанностям (или ощущение такого несоответствия) решается путем пересмотра системы выплат. Любой вывод о том, достаточен или недостаточен заработок, делается на основе сравнения. Это сравнение может быть внешним (например, сравнить свою зарплату с тем, что обещают другие компании на аналогичных вакансиях) и внутренним (сравнение уровня заработной платы с коллегами). В первом случае руководству имеет смысл осуществить аналогичное сравнение и, возможно, пересмотреть размер заработной платы. Во втором случае необходимо перейти или на полностью закрытую систему, при которой за разглашение сведений об уровне заработка штрафуют (риск – снижение уровня работоспособности из-за подозрений,

что тому, кто работает меньше, платят больше), или на полностью прозрачную систему. Прозрачная система, или система «открытых зарплат» предполагает, что все «сотрудники знают доходы друг друга. В любом случае, требуется изменение системы выплат, так как эта проблема является одной из двух основных.

Вторая основная проблема – нарушенный процесс коммуникации в коллективе между руководителем и сотрудниками. В качестве решения можно предложить организацию командообразования. Данный термин применяется для обозначения диапазона самых разных мероприятий для создания и повышения эффективности работы команды. Командообразование призвано создавать группы специалистов разной специализации, находящихся в равной позиции и несущих ответственность за результаты своей работы сообща. Для повышения эффективности коммуникации между руководителем и сотрудниками можно также организовать курсы для руководителей (если они неопытны) или же тренинги против профессионального выгорания (если руководитель долго работает на одном месте).

Следующая по значимости проблема – несправедливое разделение обязанностей среди сотрудников. Если предприятие официально не придерживается новых стратегий в развитии своих сотрудников (не предполагается разделение обязанностей «по способностям»), то лучшим решением проблемы в данном случае будет пересмотр должностных инструкций и перераспределение обязанностей с учетом этого пересмотра. Если же проблема выявлена на аналогичных должностях, то имеет смысл отправить на переквалификацию сотрудника, который не справляется с работой.

Отсутствие возможности повышения квалификации можно решить двумя путями: отправляя сотрудников на обучение в другие учреждения – образовательные и производственные, или организовывая обучение на своем производстве методом наставничества.

Недостаток разнообразия обязанностей, испытываемый сотрудниками, можно регулировать в пределах должно-

сти. Сотрудникам, которые страдают от недостатка разнообразия в деятельности, можно поручать разные дела в рамках одной должностной инструкции, а затем менять их местами. Такой метод называется ротация обязанностей. Кроме того, можно организовать ротацию кадров между подразделениями.

Помимо уже предложенного, можно порекомендовать руководству нанять штатного психолога, который будет периодически производить мониторинг психологического климата в коллективе, либо время от времени повторять проведенное нами анкетирование для уточнения результативности произведенных мер.

Заключение. Исследование существующих методик оценивания, характеризующихся сложностью осуществления дифференцированных оценок отдельных составляющих, а также трудоемкостью получения объективных обоснованных выводов относительно общего уровня его развития, свидетельствует о целесообразности усовершенствования научно-методического подхода к комплексной оценке распределения организационных задач. Предложенный подход позволит обеспечить взаимосвязь и обобщение результатов, характеризующих разные составляющие социально-экономического потенциала.

Предложена концепция управления социально-экономическим потенциалом, направленная на повышение результативных показателей деятельности учреждения за счет обоснованности использования социальных и экономических ресурсов, в рамках которой определены цель, научные принципы, факторы влияния, задачи, инструментарий, результаты управления. В основу разработки концепции положена сбалансированность социальных и экономических интересов.

Система показателей оценки социологического обеспечения разрешения проблем распределения организационных задач в государственных учреждениях, включающая финансовые, экономические, трудовые показатели и позволяющая количественно охарактеризовать состояние всех его составляющих, дополнена следующими показателями, ха-

рактеризующими потенциал социального партнерства: результативность реализации производственной демократии и индекс развития социального партнерства. Индекс развития социального партнерства учитывает степень удовлетворенности заинтересованных сторон уровнем развития и формами проявления социального партнерства на предприятии. Для расчета данного показателя предложено использовать балльные оценки уровня социального партнерства, полученные при заполнении работниками и топ-менеджерами разработанных анкет. Индекс развития социального партнерства на предприятии рассчитывается как среднее геометрическое полученных двух совокупных оценок.

На основе таких критериев, как доступность информации для расчетов, простота вычисления и репрезентативность, обосновано минимальное и достаточное количество показателей экспресс-оценки. В случае необходимости при более глубоком анализе возможно проведение дополнительного расчета других показателей, характеризующих каждую из составляющих социально-экономического потенциала.

Список литературы:

1. Астафичева Е. Ю., Лебедев В. М., Полянин А. В. Концептуальные положения функционирования публичного управления во взаимосвязи с корпоративным менеджментом // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 1 (31). С. 112–115.
2. Боброва Е. А., Лытнева Н. А., Парушина Н. В. Информационное обеспечение, порядок и техника аудита операций с материально-производственными запасами // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 3 (49). С. 12–19.
3. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкеровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 5–20.
4. Головина Т. А. Современные модели принятия стратегических и тактических решений в системе функционирования промышленной государственной корпорации как бизнес-партнера // Известия

Тулеского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2–1. С. 27–35.

5. Докальская В. К., Полянин А. В. Развитие социальной сферы, как фактор повышения качества рабочей силы // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2012. № 2 (35). С. 136–138.

6. Лытнева Н. А., Парушина Н. В., Шапорова О. А. Система анализа совокупности расходов в управлении предпринимательскими структурами // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 3 (45). С. 209–217.

7. Положенцева Ю. С., Андросова И. В., Паршутин И. Г. Оценка эффективности процессов интеграции региональных бизнес-структур // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 112–117.

8. Полянин А. В., Докукина И. А. Ре-

ализация конкурентных преимуществ устойчивого развития промышленных предприятий орловской области на основе стратегического менеджмента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 1 (22). С. 29–38.

9. Проняева Л. И., Федотенкова О. А., Павлова А. В. Кластерные инициативы как инструмент развития конкурентоспособной экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 43–52.

10. Сироткина Н. В. Индикативное управление социально-экономическими системами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 96–106.

Библиографическое описание статьи

Докукина И. А., Полянин А. В., Тарновский В. В. Основные направления совершенствования распределения организационных задач в условиях публичного управления // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 51–65. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-51-65

Irina A. Dokukina – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, the Central Russian institute of management – branch of RANEPA (5A, Pobeda Boulevard, Orel, 302028, Russia). *E-mail: irenalks@mail.ru*

Andrei V. Polyaniin – Doctor of Economics, Professor, the chair of management and public administration, the Central Russian institute of management – branch of RANEPA (5A, Pobeda Boulevard, Orel, 302028, Russia). *E-mail: andrei@yandex.ru*

Vladimir V. Tarnovskiy – Candidate of Economics, Director on Monitoring and Control of capital construction, RANEPA (82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia). *E-mail: vladimir-tarnovskiy@mail.ru*

Basic directions of improving the distribution of organizational tasks in the conditions of public management

The relevance of this study is expressed in the fact that the study of any organizational task allows us solve the problem in a complex, and therefore more competent way. Moreover, the analysis of social structure of the labor collective helps prevent future problems. The problem of distribution of organizational tasks is quite acute for all fields of activity. It must be recognized that employees are the same resource of the organization, as, for example, the raw materials, but have a number of features. They can show independent activity, they have their own desires, their own motivation. Employees perceive all management attempts through their own needs, in contrast to the technology, which simply needs to set the right program, and therefore they may not meet the expectations of management. There is also such problem as the “human factor” - people get tired, are guided, first of all, by their interests and do not always control what happens in front of their workplace. Among the other things, managers and specialists of the personnel service are also people, in connection with which misunderstandings may arise. Both at the level of the country and

regions, and at the level of institutions, the need to activate and develop a social resource has become more and more obvious in recent times, which determines the relevance of research on the organizational component in public administration. The aim of the study is to develop a concept that includes the elements of sociological support for the processes of distribution of organizational tasks, the introduction of which will improve the effectiveness of personnel management.

Keywords: public administration, personnel, tasks, managerial decision, development, organizational tasks.

References:

1. Astaficheva E. Yu., Lebedev V. M., Polyanin A. V. Conceptual provisions of the functioning of public administration in connection with corporate management *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2015, no. 1 (31), pp. 112–115. (In Russian).
2. Bobrova E. A., Lytneva N. A., Parushina NV Information support, procedure and technique for auditing operations with material and production reserves *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2019, no. 3 (49), pp. 12–19. (In Russian).
3. Vertakova Yu. V., Plotnikov VA Strategy of innovative development of Russia: management problems of implementation *Drukerovskiy vestnik* [Drucker's bulletin], 2020, no. 1 (33), pp. 5–20. (In Russian).
4. Golovina TA Modern models of making strategic and tactical decisions in the system of functioning of an industrial state corporation as a business partner *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences], 2016, no. 2-1, pp. 27–35. (In Russian).
5. Dokalskaya V. K., Polyanin A. V. Development of the social sphere as a factor in improving the quality of labor *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Oryol State Agrarian University], 2012, no. 2 (35), pp. 136–138. (In Russian).
6. Lytneva N. A., Parushina N. V., Shaporova O. A. System for analyzing the aggregate of costs in the management of entrepreneurial structures *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2018, no. 3 (45), pp. 209–217. (In Russian).
7. Polozhentseva Yu. S., Androsova I. V., Parshutina I. G. Evaluation of the effectiveness of integration processes of regional business structures *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of OrelGIET], 2019, no. 4 (50), pp. 112–117. (In Russian).
8. Polyanin A. V., Dokukina I. A. Realization of competitive advantages of sustainable development of industrial enterprises of the Oryol region on the basis of strategic management *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [News of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management], 2017, vol. 7, no. 1 (22), pp. 29–38. (In Russian).
9. Pronyaeva LI, Fedotenkova OA, Pavlova AV Cluster initiatives as a tool for the development of a competitive economy *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2018, no. 1, pp. 43–52. (In Russian).
10. Sirotkina NV Indicative management of socio-economic systems *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2017, no. 4, pp. 96–106. (In Russian).

Reference to the article

Dokukina I. A., Polyanin A. V., Tarnovskiy V. V. Basic directions of improving the distribution of organizational tasks in the conditions of public management // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 51–65. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-51-65

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-66-75

УДК 316.42

С. И. Захаров

Оценка возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников предприятий угольной отрасли

Актуальность темы статьи обусловлена нарастанием несоответствия между фактическими результатами деятельности руководящих работников и требуемыми для обеспечения траектории устойчивого экономического развития предприятий угольной отрасли России. Цель статьи состоит в оценке возможностей и обосновании приоритетных направлений повышения конкурентоспособности руководящих работников российских предприятий угольной отрасли в современных условиях функционирования. В статье обоснован критерий оценки конкурентоспособности руководящих работников угледобывающего предприятия – соотношение ценности и цены результатов труда. Результаты труда руководителя на угледобывающем предприятии предложено оценивать в социальном и экономическом аспектах по отношению к мировым лидерам отрасли. Изложенный подход к оценке конкурентоспособности позволяет выделить четыре характерные конкурентные позиции руководящих работников на угледобывающем предприятии: лидерство, погоня за лидером, удержание, отставание. Приведен пример и результаты реализации предложенного подхода к оценке возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников российских угледобывающих предприятий и компаний. На основе полученных количественных данных и соотношений сделан вывод о наличии существенных возможностей повышения социально-экономических результатов труда руководителей, а, следовательно, уровня их конкурентоспособности и устойчивости функционирования предприятий угольной отрасли России. В работе использованы методы системного, семантического, ретроспективного и ABC анализа, а также моделирование, технико-экономические расчеты и бенчмаркинг.

Ключевые слова: *руководящий работник, конкурентоспособность работника, оценка возможности повышения эффективности, угледобывающее предприятие, ценность, добавленная стоимость, трудовые отношения, социально-экономическая система.*

Актуальность темы исследования. Угольная отрасль России включает в себя более 160 добывающих предприятий, территориально располагающихся преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. За три десятилетия освоения рыночных отношений угольная отрасль из дотационной превратилась в самофинансируемую, рентабельную, о чем свидетельствуют следующие данные: объем добычи в 2018 г. превысил советский рекорд 1988 г. и составил более 440 млн т; доля России в международной торговле углем выросла в 3,5 раза и составила 14%; благодаря своим качественным ха-

рактеристикам (высокая калорийность, низкое содержание примесей) доля российского угля на рынке Европы достигла 40%; на рынке Азии – около 9% с перспективой увеличения до 20% к 2040 г.

Такой характер развития угольной отрасли обусловлен, в первую очередь, проводимой государством с 1994 г. программой её реструктуризации. Наличие стратегического видения желаемого состояния отрасли у руководителей-лидеров, а также сплоченных тяжелыми условиями труда коллективов рабочих позволило реализовать эту программу и обеспечить рост производительности труда более чем

Святослав Игоревич Захаров – канд. экон. наук, заведующий лабораторией организации и оплаты труда, ООО «Научно-исследовательский институт эффективности и безопасности горного производства (НИИОГР)» (454048, Россия, г. Челябинск, ул. Энтузиастов, д. 30). E-mail: svzakharov@bk.ru

в 3,5 раза при одновременном снижении коэффициента частоты смертельного травматизма в 15 раз.

В результате реструктуризации, с одной стороны, угольная отрасль стала драйвером экономического развития многих регионов России и её топливно-энергетического комплекса. С другой стороны, в результате выхода предприятий угольной отрасли на мировые рынки обострилась их зависимость от внешних факторов: климатических условий, экологических ограничений, цен на мировых рынках энергоносителей (в первую очередь нефтяных), политических конфликтов в мире, пандемии и т. д.

Возникающие одновременно негативные внешние факторы приводят к серьезным кризисным явлениям и риску потери конкурентоспособности. Например, недоговоренность стран ОПЕК+ по сокращению добычи, обусловила в марте 2020 года резкое снижение цен не только на нефть, но и на газ. Уголь на время стал самым дорогим ископаемым топливом, тем самым уступая позиции в межтопливной конкуренции другим энергоресурсам. А с учетом его низкой экологичности задача завоевания лидерских позиции для угольных компаний на рынке добывающих электроэнергию отраслей значительно усложнилась¹.

Важно отметить, что наличие новой, высокопроизводительной техники на современном этапе развития отрасли не является конкурентным преимуществом предприятия. Основная конкурентная борьба идёт и будет усиливаться в области наращивания и использования «нематериальных и неосязаемых активов», источником которых являются работники угледобывающего предприятия, в первую очередь – его руководители, ответственные за постановку целей деятельности и реализацию способов их достижения [Харченко Е. В., Волков С. А., 2019. С. 158–168].

Существующая на предприятиях система оценки деятельности руководящих работников ориентирует их на достижение плановых физических показателей производства, а не социально-экономических, обуславливающих устойчивое функцио-

нирование и развитие работника и угледобывающего предприятия и, в конечном итоге, их долгосрочную конкурентоспособность. Ключевые показатели эффективности, используемые в основном для оценки топ-менеджмента предприятий, также имеют существенные ограничения и обусловлены внутренними предпосылками на 20–40%, а внешними обстоятельствами – соответственно на 60–80%.

Следовательно, цель проводимой работы заключается в разработке и апробации методики оценки возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников угледобывающего предприятия как инструмента развития их деятельности и эффективности функционирования предприятия на современном этапе развития экономики отрасли.

Обоснование критериев оценки конкурентоспособности руководящих работников на предприятиях угольной отрасли. Для формирования теоретической базы повышения конкурентоспособности руководящих работников как фактора экономической динамики предприятий угольной отрасли целесообразно рассмотреть эволюцию подходов к рассмотрению такого социально-экономического явления, как конкуренция, и такого свойства субъектов социально-экономических отношений, как конкурентоспособность.

В таблице 1 представлено развитие теоретических подходов к исследованию конкуренции и конкурентоспособности субъектов социально-экономических отношений.

Суть явления «конкуренция на рынке труда» – взаимоотношения между участниками рынка по поводу способов удовлетворения их экономических интересов в условиях ограниченных ресурсов, к которым относятся: время, деньги, знания, технологии. Конкуренция является ускорителем развития социально-экономических систем. В основе конкуренции лежит закон единства и борьбы противоположностей.

Проведенный автором опрос специалистов по управлению персоналом угольной отрасли выявил позитивные и негативные результаты конкуренции на рынке труда,

¹ Ненужный уголь: почему не удастся нарастить его экспорт. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/398813-nenuzhnyy-ugol-pochemu-ne-udastsya-narastit-ego-eksport>

Таблица 1

**Развитие методологических подходов исследования конкуренции
и конкурентоспособности**

Подход	Ключевые представители	Основные тезисы
Функциональный	Й. Шумпетер, М. Портер, Р.А. Фатхудинов	Конкуренция – как борьба нового и старого уклада в экономике. Конкурентоспособность – свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами, субъектами. Конкурентоспособность выше у того, кто быстрее и качественнее способен адаптироваться к внешним изменениям
Институциональный	Д. Норт, В.В. Радаев	Конкуренция – борьба систем правил. В конкурентной борьбе выигрывает та система, которая обеспечивает более низкие транзакционные издержки
Экономический	В.Н. Белкин, В.С. Половинко	Конкурентоспособность определяется уровнем добавленной стоимости, создаваемой человеческим (интеллектуальным) капиталом
Социальный (комплексно- компетентностный)	А.А. Томпсон, А. Стрикленд, Т.Г. Озерникова, В.М. Быков, НИИ труда	Конкурентоспособность как степень (мера) соответствия требованиям внешней среды (рынка труда) или целям работодателя (организации)

Источник: результаты исследования автора [на основе 2–12].

Таблица 2

**Результаты оценки конкуренции как социально-экономического явления
на рынке труда**

Позитивные		Негативные	
наименование	вес, %	наименование	вес, %
Помогает людям ставить и достигать высокие цели	17	Вредит уверенности и самоуважению	10
Подталкивает к поиску новых решений и творческому мышлению	17	Стимулирует людей больше и лучше трудиться	9
Стимулирует людей больше и лучше трудиться	16	Подталкивает к нарушению правил	7
Развивает характер и профессионализм	15	Стимулирует неэтичное поведение	5
Приводит к снижению цены труда	1	Приводит к снижению цены труда	1
ИТОГО	68	ИТОГО	32

Источник: результаты исследования автора (опрос, 2019 г., 50 чел.).

которые представлены в таблице 2.

По мнению опрошенных специалистов, позитивные результаты конкуренции на рынке труда более чем в 2 раза превышают негативные, при этом к наиболее важным из них следует отнести развитие целеустремленности, инновационности, производительности труда и профессионализма.

Конкурентоспособность руководящего работника – его способность сохранять и усиливать свои рыночные позиции в условиях конкурентного взаимодействия с другими руководящими работниками в текущий момент времени и в перспективе посредством обеспечения более привлекательного соотношения ценности и цены труда для субъектов, осуществляющих найм.

В соответствии с предложенным определением, следует уточнить следующие понятия:

- ценность труда – оценка важности, полезности результатов, отражающая

приоритетность и полноту реализации социально-экономических интересов субъектов на рынке труда/предприятии;

- цена труда – совокупность всех затрат и потерь, связанных с деятельностью руководящего работника;

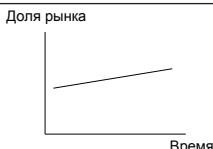
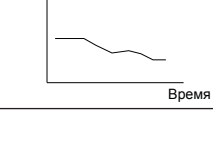
- добавленная стоимость труда – часть стоимости результатов труда (товаров, услуг), которая создается реализацией потенциала работника;

- качество трудовой жизни – степень реализации социально-экономических интересов персонала, обусловленная поддержанием и развитием трудовых отношений.

Для оценки рыночных позиций работника целесообразно выделять четыре уровня конкурентоспособности: превосходство, контроль, удержание, уход с рынка. Каждый уровень конкурентоспособности отличается содержанием характеристик и может быть представлен в виде графической модели, описывающей траекторию развития субъекта (табл. 3).

Таблица 3

Матрица конкурентоспособности работника в условиях инновационной экономики

Рыночная позиция	Характеристики		Графическая модель рыночной траектории субъекта
	Характер влияния на происходящие процессы на рынке труда	Доминирующая модель деятельности	
Лидерство	Имеет наилучшее соотношение ценности и цены труда на современном этапе, формирует образ ценности и цены труда в будущем	Инновационное и технологическое развитие	 Доля рынка Время
Погоня за лидером	Постоянно улучшает соотношение ценности и цены труда на современном этапе, ориентирован на достижение ценности и цены труда лидера	Технологическое развитие, расширенное воспроизводство и адаптация	 Доля рынка Время
Удержание	Обеспечивает приемлемое соотношение ценности и цены труда на современном этапе	Воспроизводство и адаптация	 Доля рынка Время
Отставание	Не обеспечивает приемлемое соотношение ценности и цены труда на современном этапе	Сокращающееся воспроизводство	 Доля рынка Время

Источник: результаты исследования автора.

Основными современными особенностями деятельности руководящих работников на угледобывающих предприятиях являются следующие:

1. Акцентирование на развитии квалификации кадров. Высокий темп обновления средств труда на российских угледобывающих предприятиях привел к тому, что по своему технико-технологическому обеспечению они стали сопоставимы с шахтами и разрезами развитых зарубежных стран, поэтому основная конкурентная борьба на рынке обусловлена повышением качества работников [Коркина, 2017];

2. Постоянный рост потребности в инновациях. Функции поиска и реализации инноваций становятся основными при повышении ценности результатов труда руководящих работников, поскольку направлены на реализацию экономических интересов субъектов угледобывающего предприятия – повышение доходов, прибыли и удовлетворенности работников;

3. Нарастание неопределенности во всех сферах деятельности. Произошедшая интеграция российских угледобывающих предприятий и компаний в мировую финансово-экономическую систему отразилась в снижении предсказуемости событий и параметров их эффективного функционирования в будущем;

4. Социализация экономики производства. Необходимость совместного существования в едином социально-экономическом пространстве владельцев материальных и нематериальных активов предприятий с пользователями этих активов – работниками компании (владельцами своего трудового капитала, неосязаемым активом компании) ставит конкурентоспособность как предприятия, так и каждого её работника в зависимость от соотношения баланса их интересов и ответственности.

Важно отметить, что конкурентоспособность на рынке труда носит глобальный характер, то есть основана на сопоставлении соотношения ценности и цены труда с мировыми стандартами.

Оценка текущих конкурентных

позиций руководящих работников на предприятиях угольной отрасли России. Результаты анкетирования руководящих работников на российских угледобывающих предприятиях, проведенного автором в 2015–2019 гг. и направленного на исследование их представлений о собственной конкурентоспособности, свидетельствуют о противоречии, суть которого заключается в следующем: 39% опрошенных считают себя способными выдержать конкурентную борьбу на глобальном (мировом) рынке труда, в то же время использование своего трудового потенциала опрошенные работники оценивают в среднем на уровне 80–82% (таким образом, улучшение существующей системы деятельности руководящих работников не обеспечит необходимого прироста уровня их конкурентоспособности). Требуется совершенствование самой структуры деятельности руководящего персонала, что также подтверждается технико-экономическими расчетами, представленными на рисунках 1 и 2.

Автором выбрана методика оценки руководящих работников с позиции социальных и экономических результатов как наиболее рациональная с точки зрения реализации интересов субъектов социально-экономической системы – угледобывающих предприятия [Артемьев, 2019]. Под социальным результатом труда руководителей понимается качество трудовой жизни коллектива, количественно измеряемое текучестью персонала; под экономическими результатами – добавленная стоимость. По соотношению социальных и экономических результатов условно можно выделить четыре конкурентные позиции руководителей:

- лидер – обеспечивает высокую добавленную стоимость и низкую текучесть персонала;

- гонка за лидером – высокие добавленная стоимость и текучесть персонала;

- удержание – низкая добавленная стоимость и текучесть персонала;

- отставание – низкая добавленная стоимость и высокая текучесть персонала.

Таким образом, текущий уровень

Добавленная стоимость, тыс. долл США/чел. в год

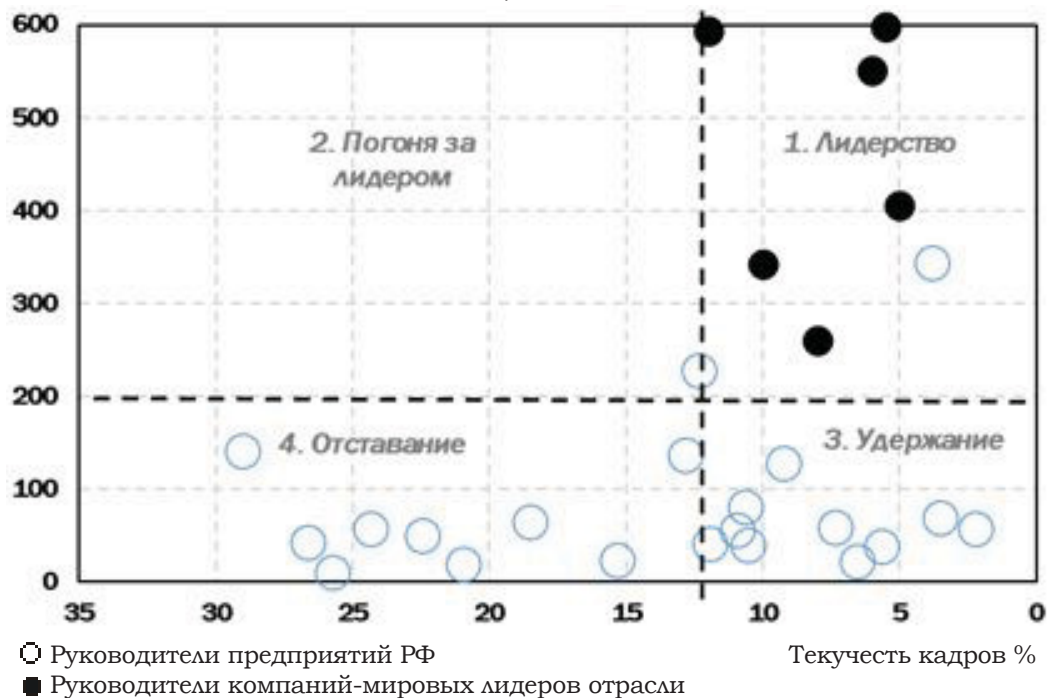

Рис. 1. Сравнение конкурентных позиций руководителей предприятий и компаний по добыче энергетических ресурсов в 2018 г.

Производительность труда среднесписочного руководящего работника, тыс. т/чел. в год

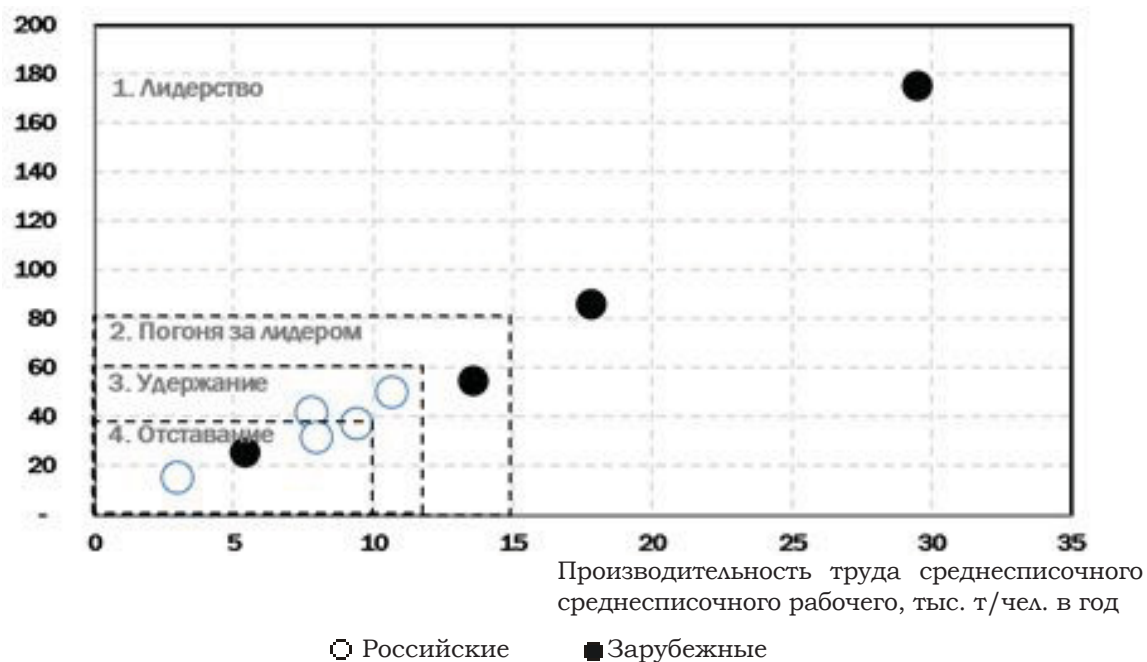

Рис. 2. Производительность труда работников предприятий угольной отрасли в натуральном выражении (по отчетным данным за 2017–2019 гг.)

конкурентоспособности руководящего персонала отечественных угледобывающих предприятий характеризуется относительно низкой производительностью труда участников трудовых отношений и, следовательно, пониженными

социально-экономическими результатами. Пониженная относительно лидеров отрасли производительность труда не позволяет руководящим работникам обеспечить требуемые доходы как для владельцев имущественного капитала, так

и для наемных работников, обладающих трудовым капиталом. Вследствие такого дисбаланса интересов на предприятии возникают деструктивные формы поведения персонала (оппортунизм, абсентеизм и т. д.), что в будущем приводит к снижению качества трудовой жизни и добавленной стоимости [Галкина Н. В., Захаров С. И., Азев В. А., Ошаров А. В., 2018. С. 58–62].

Оценки возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников на предприятиях угольной отрасли России. Результаты проанализированных автором хронометражных наблюдений (более 500 человеко-смен) на российских предприятиях и типизация потерь рабочего времени по зонам ответственности субъектов угледобывающего предприятия выявили, что качеством деятельности руководителя обусловлено не менее 30–35% потерь рабочего времени рабочих в смене.

В структуре рабочего времени руководителей, специалистов и служащих выделены следующие категории функционалов по уровню их ценности:

А – функции и задачи, реализация которых обеспечивает создание добавленной стоимости производимой продукции, в частности: бюджетирование и планирование производства, организация производства и труда, надзор и контроль производственных процессов, выработка и реализация мер по повышению эффективности использования ресурсов и качества продукции, разработка и реализация мер по развитию персонала. Это ключевой функционал – ядро организации;

В – функции и задачи, реализация которых не обеспечивает создание добавленной стоимости продукции, в частности: учет и отчетность, рутинные операции по формированию отчетных и учетных форм. Это функционал, направленный на обслуживание производства, персонала и процессов управления;

С – функции и задачи, реализация которых снижает добавленную стоимость продукции, в частности: задачи, решаемые неэффективными способами, потери рабочего времени, нефункциональные задачи, работы или услуги без конкретизации результатов и потребителей. Это избыточный функционал – резерв для

оптимизации.

Установлено, что фактическая структура функционала руководящего персонала угледобывающего предприятия по выделенным категориям следующая: А – 34%, В – 55%, С – 11%.

Главные тенденции, в отношении задач категории А – повышение их ценности путем развития профессионализма и уровня единства руководителей и исполнителей, реализующих эти задачи; в отношении задач категории В – передача их во внешнюю среду и непрерывное повышение требований к их качеству; в отношении задач категории С – оптимизация путем изменения технологии и взаимодействия.

На основе экспертных оценок профессионализма руководящих работников выявлено, что возможности повышения эффективности реализации задач категории А составляют 20–30% относительно текущего уровня, что будет проявляться в повышении добавленной стоимости продукции и качества трудовой жизни персонала.

Для оценки возможностей оптимизации задач категории В был проведен анализ их структуры по источникам возникновения (потребителям), в результате чего установлено, что из 100% задач этой категории:

- 12% обусловлены законодательными актами и правилами, установленными государственными, региональными и муниципальными органами власти;
- 31% – стандартами и требованиями вышестоящих органов управления (руководство производственного объединения и компании);
- 57% – внутренним распорядком и требованиями руководства предприятия, и, по сути, являются резервом для оптимизации.

Сокращение задач категории С, по оценке руководителей и специалистов угольного разреза, возможно при реализации нескольких проектов по автоматизации и цифровизации рутинного труда: создание 3D-модели месторождения, освоение технологии бурения скважин Blast Maker, установка системы контроля и доступа (электронные пропуска), автоматизация учета рабочего времени, интеграция систем учета использования основных и оборотных средств, су-

ществующих внутри компании («Парус», SAP и т. д.).

Произведенные автором расчеты возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников позволяют сделать вывод о наличии у них существенных резервов для завоевания лидирующих мировых позиций в отрасли, что позволит многим российским угледобывающим предприятиям значительно повысить производительность труда в натуральном и денежном выражении (рис. 3).

Главным затруднением при реализации предложенных мер по повышению конкурентоспособности руководящего персонала угледобывающих предприятий является мотивационная и квалификационная неготовность персонала угледобывающих предприятий к освоению лидерских позиций путем соответствующего ежегодного повышения производительности труда. В основе такого поведения, по мнению автора, лежит существующая система трудовых отношений, в которой нормы труда и система его оплаты ориентируют персонал предприятий на достижение плановых объемных показателей производства и делают повышение производительности труда невыгодным для руководителей, специалистов и служащих.

Производительность труда среднесписочного руководящего работника, тыс. т/чел. в год

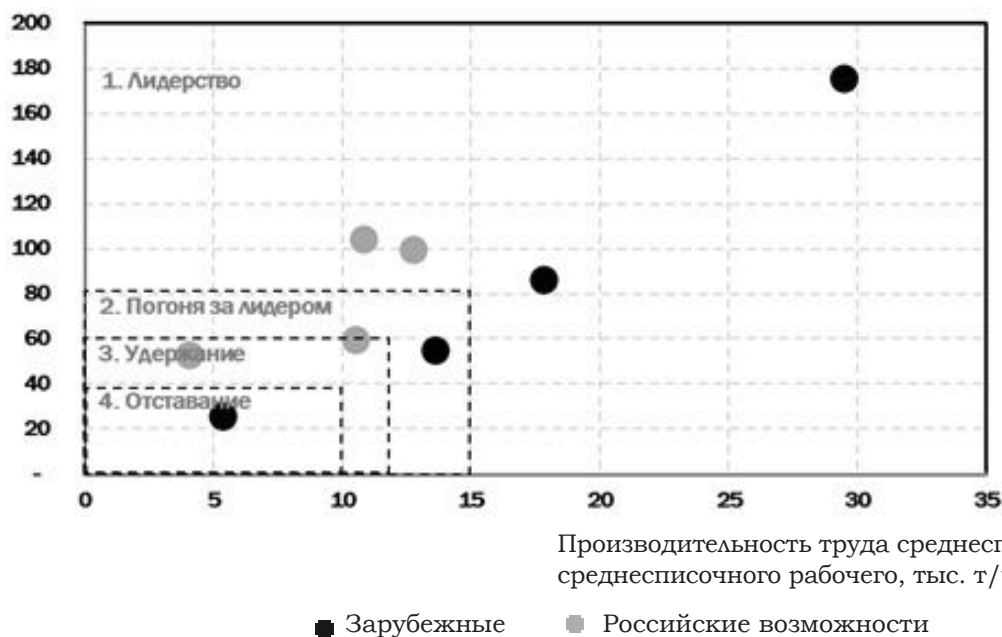

Рис. 3. Возможная производительность труда работников предприятий угольной отрасли в натуральном выражении (моделирование по данным 2018 г.)

Список литературы:

1. Артемьев В. Б., Волков С. А., Лисовский В. В., Галкин В. А., Макаров А. М., Захаров С. И. Подходы к повышению конкурентоспособности угледобывающего предприятия и его персонала // Уголь. 2019. №. 6 (1119). С. 4–9. DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2019-6-4-9>
2. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Владыкина Л. Б. Теоретические основы оценки конкурентоспособности предприятий // Экономика региона. 2015. №. 1.
3. Быков В. М. Управление конкурентоспособностью вахтового персонала: монография. Ярославль: Аверс Плюс. 2014. С. 37.
4. Галкина Н. В., Захаров С. И., Азев В. А., Ошаров А. В. Роль трудовых отношений в повышении конкурентоспособности угледобывающего предприятия // Горный журнал. 2018. №1. С. 58–62. DOI: [10.17580/gzh.2018.01.10](https://doi.org/10.17580/gzh.2018.01.10).
5. Коркина Т. А. Формирование и использование человеческого капитала предприятия как фактора инновационного развития // Под общей редакцией Почётного секретаря Общественной палаты Российской Федерации, председателя Президиума Российской ассоциа-

ции содействия науке, академика РАН ЕП Велихова. Редакционная коллегия. 2017. С. 195.

6. Норт Д. Институты и институциональная экономика // Экономика. М., 1998.
7. Озерникова Т. Г. Мотивация и конкурентоспособность работников: проблемы взаимосвязи // Известия Байкальского государственного университета. 2005. № 1.
8. Половинко В. С., Косьмина Е. А. Конкурентоспособность как функция интеллектуального капитала страны // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2004. №. 3.
9. Портер М. Конкуренция. М.: Эксмо, 2007.
10. Радаев В. В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // Социологические исследования. 2003. №. 9. С. 18–29.
11. Томпсон А. А., Стрикленд А. Д. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации. М.: ИНФРА-М, 2001.
12. Харченко, Е. В., Волков С. А. Методический подход к оценке инновационной деятельности персонала угольной компании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. Т. 9. №3 (32). С. 158–168.

Библиографическое описание статьи

Захаров С. И. Оценка возможностей повышения конкурентоспособности руководящих работников предприятий угольной отрасли // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 66–75. DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-66-75](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-66-75)

Svyatoslav I. Zakharov – Candidate of Economics, head of the laboratory of organization and remuneration, LLC «The Research Institute of Mining Efficiency and Safety (RIMES)» (30, Enthusiasts Str. Chelyabinsk, 454048, Russia). E-mail: svzakharov@bk.ru

Assessing opportunities of competitiveness increasing in the coal industry enterprises

The relevance of the topic of this article is due to the growing discrepancy between the actual results of activities of senior employees and those required to ensure the trajectory of sustainable economic development of the Russian coal industry enterprises. The purpose of the article is to assess the possibilities and justify the priority areas of increasing the competitiveness of senior employees of the Russian coal industry enterprises in the modern conditions. The article justifies the criterion for assessing the competitiveness of senior employees of the coal mining enterprise – the ratio of value and price of labor results. The results of the head's work at the coal mining enterprise are proposed to be evaluated in the social and economic aspects in relation to the world industry leaders. Described approach to

the competitiveness evaluation allows distinguish four characteristic competitive positions of managers in the coal mining enterprise: leadership, pursuit of leader, retention. An example and results of implementation of the proposed approach to assessment of opportunities to increase the competitiveness of senior employees of the Russian coal mining enterprises and the company are given. Based on the obtained quantitative data and ratios, it was concluded that there are significant opportunities to increase the socio-economic results of managers' work, and, therefore, their level of competitiveness and stability of functioning of the Russian coal industry enterprises. The work uses the methods of systemic, semantic, retrospective and the ABC analysis, as well as modeling and technical and economic calculations and benchmarking.

Keywords: executive, competitiveness of the worker, evaluation of possibility of increase in efficiency, coal-mining enterprise, value, added value, labor relations, social and economic system.

References:

1. Artemiev V. B., Volkov S. A., Lisovskiy V. V., Galkin V. A., Makarov A. M., Zakharov S. I. Approaches to improving the competitiveness of a coal mining enterprise and its personnel *Ugol'* [Coal], 2019, no. 6 (1119), pp. 4–9. DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2019-6-4-9>
2. Belkin V. N., Belkina N. A., Vladykina L. B. Theoretical foundations for assessing the competitiveness of enterprises *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2015, no. 1.
3. Bykov V. M. Management of competitiveness of rotational personnel: monograph. Yaroslavl: Obverse Plus. 2014, p. 37.
4. Galkina N. V., Zakharov S. I., Azev V. A., Osharov A. V. The role of labor relations in increasing the competitiveness of a coal mining enterprise *Gornyy zhurnal* [Gornyy Zhurnal], 2018, no. 1, pp. 58–62. DOI: [10.17580/gzh.2018.01.10](https://doi.org/10.17580/gzh.2018.01.10).
5. Korkina T. A. Formation and use of the human capital of the enterprise as a factor of innovative development. Under the general editorship of the Honorary Secretary of the Public Chamber of the Russian Federation, Chairman of the Presidium of the Russian Association for the Promotion of Science, Academician of the Russian Academy of Sciences EP Velikhov. Editorial team. 2017, p. 195.
6. North D. Institutions and institutional economics *Ekonomika* [Economics] M., 1998.
7. Ozernikova T. G. Motivation and competitiveness of workers: problems of interrelation *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Baikal State University], 2005, no. 1.
8. Polovinko V. S., Kosmina E. A. Competitiveness as a function of the country's intellectual capital *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of Omsk University. Series "Economics"], 2004, no. 3.
9. Porter M. Competition. M.: Eksmo, 2007.
10. Radaev V. V. Market as an ideal model and form of economy. Towards a new sociology of markets *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2003, no. 9, pp. 18–29.
11. Thompson AA, Strickland AD Strategic management. Concepts and situations. M.: INFRA-M, 2001.
12. Kharchenko, E. V., Volkov S. A. Methodological approach to assessing the innovative activity of the personnel of a coal company *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [News of the South-West State University. Series Economics. Sociology. Management], 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 158–168.

Reference to the article

Zakharov S. I. Assessing opportunities of competitiveness increasing in the coal industry enterprises // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 66–75. DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-66-75](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-66-75)

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-76-88

УДК 314.424.2(571.6)

В. А. Цибилов

Профилактика суицидов как общегосударственная система (на примере регионов Дальнего Востока)

В статье отражены результаты анализа системы работы органов государственной власти и местного самоуправления по профилактике самоубийств среди населения. Обобщена официальная статистика за 2010–2018 гг., которая свидетельствует о том, что в стране сохраняется общая тенденция к снижению количества самоубийств. Рассмотрены особенности социально-экономической обстановки в 2017–2020 гг. в контексте её влияния на уровень самоубийств в отдельных регионах Дальнего Востока. Изучена нормативная правовая база, полномочия государственных органов и местных администраций, задачи подведомственных им учреждений и иных организаций, стиль, формы и методы работы, вопросы межведомственного информационного обмена и оценки эффективности. Сделан вывод о наличии в России общегосударственной системы профилактики самоубийств, которая имеет выраженный децентрализованный и, отчасти, внутриведомственный характер. Основные усилия при этом сосредотачиваются на работе с отдельными категориями населения. Предложены направления повышения эффективности функционирования общегосударственной системы профилактики самоубийств: повышение качества планирования через обеспечение его концептуального единства, создание единой государственной системы мониторинга. Для исследования проблемы в качестве основных методов использованы контент-анализ публикаций официальных федеральных (Российская газета, Russia Today) и региональных электронных средств массовой информации (официальных сайтов органов исполнительной власти регионов), метод экспертных оценок через запросы в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и следственные управления Следственного комитета Российской Федерации, метод изучения документов.

Ключевые слова: общественное здоровье, суицид, государственное управление, публичная власть, профилактика самоубийств, мониторинг.

Введение. В соответствии с Конституцией России (ст. 41) охрана здоровья граждан осуществляется путём разработки и реализации федеральных, региональных государственных программ, муниципальных программ и является задачей государства. Охрана здоровья предполагает проведение комплекса мероприятий политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического) характера¹. Исходя из положений

Конституции России и федерального законодательства создание условий благоприятной среды жизнедеятельности граждан, способствующей охране и укреплению физического и психического здоровья граждан, является задачей органов публичной власти. Анализ научных источников показывает, что система работы органов государственной власти России по предупреждению случаев суицидального поведения среди гражданского населения как форма охраны общественного здоровья недостаточно

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 30.05.2020).

Виктор Александрович Цибилов – канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45). E-mail: rleah@yandex.ru

изучена. Как правило, более пристальное внимание уделяется отдельным аспектам совершённых самоубийств и причинам их вызвавшим. Исследуются проблемы профилактики в контексте социальной, психолого-педагогической, юридической, медицинской составляющих применительно к категориям населения и к сферам профессиональной деятельности граждан. Вместе с тем согласованная деятельность госорганов и местных администраций в единой системе, рассматриваемая как основа разработки и эффективной реализации важнейших программных документов в сфере профилактики самоубийств, не ограничена одним только статистическим учётом и поспешно принимаемыми мерами в ответ на поступившие акты прокурорского реагирования. Работа госаппарата предполагает анализ характера воздействия на население и отдельных граждан конкретных факторов среды, вызывающих жизненный кризис, разрешаемый деструктивным способом самоубийства. Система работы предусматривает оперативную обратную связь центра с регионами и муниципалитетами, обеспечивающую получение полной и достоверной информации о динамике и тенденциях процесса, условиях и обстоятельствах, способствующих возникновению и реализации суицидальных мыслей у населения, своевременное принятие и последующее уточнение государственных решений по нейтрализации негативных факторов среды.

Цель работы – проанализировать систему работы органов государственной власти и местного самоуправления по профилактике самоубийств как комплекс взаимосвязанных мероприятий. Он включает разработку и согласование нормативных правовых актов на всех уровнях управления, их всестороннее, в том числе финансовое обеспечение, практическое проведение по линии от-

ветственности федеральных ведомств, региональных и муниципальных органов власти с задействованием подведомственных организаций, мониторинг и контроль исполнения, разработку и реализацию предложений по повышению эффективности и совершенствованию работы.

Материалы и методы. В качестве основных использованы метод контент-анализа на материалах публикаций федеральных (Российская газета, Russia Today) и региональных электронных средств массовой информации, метод экспертных оценок в форме направления запросов в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и следственные органы о предоставлении аналитической информации о предмете исследования и изучения поступивших ответов и справочных материалов, метод анализа плановых и отчётных документов, размещённых на официальных сайтах органов власти.

Результаты и обсуждение. Национальная стратегия профилактики самоубийств, как ранее предлагалось Всемирной организацией здравоохранения, в Российской Федерации не разрабатывалась². Сокращение уровня смертности населения от суицида, в первую очередь группы риска³, предусмотрено Концепцией демографической политики Российской Федерации до 2025 года, а также концепциями демографической политики регионов. В 2018 г. введена в действие Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, в которой обозначена задача снижения смертности несовершеннолетних от суицида⁴. Организационно-технические задачи включены в ведомственные акты, в частности, в приказы Минздрава России. С 2019 г. в связи с резко обострившейся проблемой детского суицида в стране реализуется комплекс мер по предотвращению суицидальных про-

² Предотвращение самоубийств. Глобальный императив. URL: https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/ (дата обращения: 22.05.2020).

³ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://base.garant.ru/191961/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴ Правительство России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/28228/> (дата обращения: 30.05.2020).

явлений среди несовершеннолетних⁵. По информации МВД России «ситуацию удалось стабилизировать»⁶. Вместе с тем, необходимость решения проблемы суицида государственными программами и национальными проектами в прямой постановке не обозначена. Однако, исходя из общего понимания проблемы, причин и условий, её создающих и обостряющих, результаты выполнения программ и проектов «Новое качество жизни», «Сбалансированное региональное развитие»⁷, «Демография», «Здравоохранение»⁸ и других документов, несомненно, оказывают влияние на преодоление негативных тенденций, поскольку предусматривают принятие необходимых социальных, экономических и другие мер. К примеру, снижение количества самоубийств по причине кредитной задолженности достигается проведением мероприятий по повышению финансовой грамотности и выработкой у человека умения «жить по средствам», в связи с проигрышем больших финансовых сумм на бинарных опционах – запретом их деятельности, в связи с функционированием «групп смерти» в социальных сетях – блокировкой ресурсов и введением уголовной ответственности для администраторов, на почве алкогольной зависимости – культивированием здорового образа жизни, по причине семейных конфликтов – работой социально-психологических служб муниципалитета, в случае психических заболеваний – проведением медицинских мероприятий и т. п. Человек слаб и склонен к соблазнам, поэтому с точки зрения государственного управления его от этих соблазнов необходимо ограждать через анализ угроз жизнедеятельности населения регионов и принятие сообразных мер.

В целом, как следует из требований программных документов, задача профилактики самоубийств реализуется в отношении всех категорий населения, но

в прямой постановке в отношении граждан, входящих в группу риска. Здесь речь идёт, главным образом, о несовершеннолетних. С учётом того, что суицидологические службы созданы не во всех регионах и не всегда доступны в отдалённых районах [Любов, Кабизулов, Цупрун, Чубина, 2014], с населением проводятся мероприятия по минимизации воздействия негативных факторов среды, которые могут способствовать вынашиванию и реализации аутоагрессивных мыслей. С 2010 г. по 2018 г. официальная статистика демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению показателей смертности российских граждан (табл. 1). С осторожностью можно утверждать, что снижение гибели граждан по рассматриваемой причине составляет более чем 40%.

Как видно из таблицы 1, определённые особенности имеют показатели смертности в результате самоубийств в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Их можно охарактеризовать периодическим ростом и снижением, но при сохранении центральной тенденции к снижению. Обращают внимание значения коэффициента в регионах Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, которые превышают среднее значение по России в 1,5 – 2 раза. Принимая во внимание увеличение коэффициента смертности населения регионов Дальнего Востока в 2018 г. от самоубийств, представляется целесообразным:

а) проанализировать социально-экономическую обстановку в 2017–2020 гг. в субъектах из состава Дальневосточного федерального округа как результат государственного управления. Выдвинуть предположения относительно того, какие именно факторы оказывают негативное влияние на данный процесс и формируют тенденции, а какие, вопреки общепринятым взглядам, такого

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2098-р «Об утверждении комплекса мер до 2020 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72681144/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁶ «Ситуацию удалось стабилизировать»: в МВД рассказали о результатах работы по выявлению «групп смерти» в сети. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/728422-mvd-gruppy-smerti-vyyavlenie> (дата обращения: 28.05.2020).

⁷ Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁸ Национальные проекты. URL: <https://futererussia.gov.ru/> (дата обращения: 28.05.2020).

влияния не оказывают;

б) проанализировать стиль, формы и методы работы органов государственной власти и местного самоуправления при выполнении задачи по снижению смертности граждан от суицида в общей системе управления;

в) на основании проведённого анализа предложить направления повышения

эффективности функционирования общегосударственной системы профилактики самоубийств.

Итак, за период 2017–2018 гг. в регионах Дальнего Востока сохраняется общая тенденция к снижению количества учтённых самоубийств (табл. 2). Рост отмечен только в двух регионах – Хабаровском крае и Чукотском автономном округе.

Таблица 1

**Показатели смертности в результате самоубийств
(коэффициенты в перерасчёте на 10000 человек)**

Федеральные округа	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Центральный	1,45	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,1	0,9	0,9
Северо-Западный	2,1	1,96	1,88	1,86	1,69	1,68	1,55	1,42	1,28
Южный	1,76	1,51	1,4	1,28	1,26	1	1	0,8	0,73
Северо-Кавказский	0,64	0,56	0,6	0,54	0,5	0,49	0,51	0,43	0,43
Приволжский	3	2,77	2,61	2,46	2,31	2,12	1,93	1,67	1,49
Уральский	3	2,76	2,68	2,67	2,3	2,27	2	1,55	1,45
Сибирский	3,65	3,57	3,42	3,35	2,86	2,76	2,55	2,37	1,9
Дальневосточный	3,4	3,18	3	2,89	2,7	2,46	1,96	1,81	2
Российская Федерация	2,3	2,1	2	2	1,85	1,74	1,57	1,3	1,2

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации⁹.

Таблица 2

**Показатели смертности в результате самоубийств
(в абсолютных числах)**

Субъект РФ	2017 год	2018 год	Снижение/рост (%)
Республика Бурятия	390	379	-13
Республика Саха (Якутия)	267	231	-13,4
Забайкальский край	423	349	-17,4
Приморский край	403	357	-11,4
Камчатский край	22	19	-13,6
Хабаровский край	7	14	+100
Чукотский автономный округ	17	22	+29,4
Амурская область	286	263	-8
Магаданская область	14	7	-100
Сахалинская область	39	14	-64,1
Еврейская автономная область	68	53	-22

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации⁹.

⁹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 22.05.2020).

Согласно открытым данным по индексу социального благополучия (соотношение средней заработной платы и стоимости потребительской корзины) из всех регионов наиболее сбалансированные показатели отмечены в Чукотском автономном округе и в Республике Саха (Якутия)¹¹, а также наиболее высокие заработные платы работников¹² и дальнейшие прогнозы её роста в Якутии и Амурской области¹³, миграционные прирост¹⁴ и создание условий для занятости населения¹⁵ в Якутии, высокий уровень занятости населения Камчатского края, Чукотки и Хабаровского края¹⁶, но одновременно низкие показатели рейтинга по качеству жизни в Еврейской автономной области и Бурятии¹⁷. По данным государственной информационной системы «Электронный бюджет» Еврейская автономная область является аутсайдером в освоении бюджетных средств, выделенных на реализацию

национальных проектов¹⁸, хотя согласно результатам финансово-экономической экспертизы за 2018 г. регион в условиях санкций продемонстрировал одну из максимальных по стране величину доходов за счёт экспорта товаров¹⁹. Вместе с тем, по результатам социологических опросов населения, в г. Якутск отмечен один из самых низких уровней как потребительской активности²⁰, так и социальной доброжелательности населения²¹. Активная политика по снижению потребления алкоголя среди населения проводится в Якутии²². Однако одни из самых низких показателей здорового образа жизни (далее – ЗОЖ) у населения Камчатского края, Бурятии и Еврейской автономной области²³. Злоупотребляющими алкоголем признаны жители Хабаровского края, Амурской, Сахалинской, Магаданской областей²⁴. Жители Чукотки, Забайкальского края (за 2018 г.) и Камчатки (за 2019 г.) призна-

¹¹ Названы самые социально благополучные регионы России. URL: <https://rg.ru/2020/05/18/reg-urfo/nazvany-samye-socialno-blagopoluchnye-regiony-rossii.html> (дата обращения: 24.05.2020).

¹² Названы регионы России с самыми высокими зарплатами. URL: <https://rg.ru/2019/12/02/reg-dfo/nazvany-regiony-rossii-s-samyimi-vysokimi-zarplatami.html> (дата обращения: 24.05.2020).

¹³ Названы регионы, где максимально вырастут зарплат. URL: <https://rg.ru/2018/07/18/nazvany-regiony-gde-maksimalno-vyrastut-zarplaty.html> (дата обращения: 27.05.2020).

¹⁴ Три региона ДФО показали прирост населения. URL: <https://rg.ru/2018/04/03/reg-dfo/migracionnyj-ottok-iz-dfo-snizilsia-v-dva-raza.html> (дата обращения: 29.05.2020).

¹⁵ Своим работать негде. В Якутии планируют освободить от трудовых мигрантов целые отрасли. URL: <https://rg.ru/2017/11/20/reg-dfo/v-iautii-zapretiat-nanimat-inostrannyh-rabochih-dlia-stroitelstva.html> (дата обращения: 29.05.2020).

¹⁶ Росстат назвал регионы с самой благоприятной ситуацией на рынке труда. URL: <https://rg.ru/2019/12/02/reg-szfo/rosstat-nazval-regiony-s-samoj-blagopriatnoj-situaciej-na-rynke-truda.html> (дата обращения: 29.05.2020). Опубликован рейтинг регионов с самым низким уровнем безработицы. URL: <https://rg.ru/2019/03/18/eksperty-nazvali-regiony-s-samym-nizkim-urovnem-bezraboticy.html> (дата обращения: 03.06.2020).

¹⁷ Составлен рейтинг регионов России по качеству жизни. URL: <https://rg.ru/2020/02/17/reg-cfo/sostavlen-rejting-regionov-rossii-po-kachestvu-zhizni.html> (дата обращения: 29.05.2020).

¹⁸ Названы регионы-лидеры по объёму освоения средств нацпроектов. URL: <https://rg.ru/2019/11/29/reg-skfo/chechnia-stala-liderom-po-obemu-osvoeniia-sredstv-nacproektov.html> (дата обращения: 29.05.2020).

¹⁹ Названы регионы с экономическим прорывом во время санкций. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/reg-dfo/nazvany-regiony-s-ekonomicheskim-proryvom-vo-vremia-sankcij.html> (дата обращения: 29.05.2020).

²⁰ Эксперты назвали города с самым высоким уровнем жизни в России. URL: <https://rg.ru/2020/04/20/reg-skfo/eksperty-nazvali-goroda-s-samym-vysokim-urovnem-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения: 24.05.2020).

²¹ Названы самые недружелюбные города России. URL: <https://rg.ru/2019/11/07/reg-urfo/nazvany-samye-nedruzheliubnye-goroda-rossii.html> (дата обращения: 25.05.2020).

²² Не пью по собственному желанию. URL: <https://rg.ru/2018/07/04/sociologi-vyiasnili-pochemu-v-rossii-rasshiriautsia-territorii-treznosti.html> (дата обращения: 29.05.2020).

²³ Составлен рейтинг регионов по отсутствию у жителей вредных привычек. URL: <https://rg.ru/2019/12/09/reg-skfo/sostavlen-rejting-regionov-po-otsutstviu-u-zhitelej-vrednyh-privyчек.html> (дата обращения: 29.05.2020).

²⁴ Назван регион России с самым большим числом алкоголиков. URL: <https://rg.ru/2019/10/11/reg-dfo/nazvan-samyj-piushchij-region-rossii.html> (дата обращения: 03.06.2020).

ны одними из самых пьющих в России²⁵, а чаще всего употребляющими наркотики – жители Еврейской автономной области и Приморского края²⁶. По данным Росстата в Якутии проживает наибольшая из всех регионов России численность безработной молодёжи в возрасте до 24 лет²⁷, хотя по данным Минтруда в 2018 г. доля безработных в Якутии значительно снизилась²⁸. Уровень безработицы также снизился и в Еврейской автономной области, а в Бурятии, наоборот, численность безработных увеличилась²⁹. Отмечена незначительная негативная динамика в численности медицинского персонала учреждений здравоохранения Якутии и Чукотского автономного округа³⁰, выявлены проблемы с выполнением программы по повышению заработной платы младшего медицинского персонала на Чукотке, в Якутии и Амурской области³¹, проблемы в реализации гарантий социальной защищённости граждан, пострадавших в 2018 г. от наводнения в Якутии³². По

мнению экспертов, на Чукотке, Камчатке и в Якутии по итогам 2018 г. выделялся наименьший из всех субъектов объём финансовых средств на социальные нужды в расчёте на одного человека³³. В Якутии отмечена наибольшая кредитная нагрузка из расчёта на одного человека (наряду с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами – примечание автора)³⁴, при этом лучшей по стране платёжной дисциплиной отличаются жители Чукотки, а в самом низу рейтинга находятся заёмщики из Бурятии³⁵. По результатам комплексных исследований Чукотский автономный округ признан самым безопасным для жизни регионом, а Хабаровский и Приморский края – одними из самых опасных³⁶. По данным правоохранительных органов Якутии в 2018 г. отмечен резкий рост детских суицидов³⁷. Основные показатели социально-экономической обстановки, характеризующие отрицательные тенденции в регионах, представлены в таблице 3.

²⁵ Названы самые пьющие регионы России. URL: <https://rg.ru/2018/11/26/nazvany-samye-piushchie-regiony-rossii.html> (дата обращения: 24.05.2020); Стали известны самые пьющие регионы России. URL: <https://rg.ru/2019/12/09/reg-dfo/nazvany-samye-piushchie-regiony-rossii.html> (дата обращения: 27.05.2020).

²⁶ Названы самые «наркотические» регионы России. URL: <https://rg.ru/2018/05/28/reg-sibfo/nazvany-samye-narkoticheskie-regiony-rossii.html> (дата обращения: 29.05.2020).

²⁷ Названы регионы с самым высоким уровнем молодежной безработицы. URL: <https://rg.ru/2019/03/11/reg-cfo/nazvany-regiony-s-samym-vysokim-urovнем-molodezhnoj-bezraboticy.html> (дата обращения: 27.05.2020).

²⁸ Минтруд назвал регионы, где больше всего снизилась безработица. URL: <https://rg.ru/2018/08/07/reg-dfo/mintrud-nazval-regiony-gde-bolshe-vsego-snizilas-bezrabotica.html> (дата обращения: 28.05.2020).

²⁹ Минтруд назвал регионы РФ с наибольшим ростом безработицы. URL: <https://rg.ru/2017/11/20/mintrud-nazval-regiony-rf-s-naibolshim-rostom-bezraboticy.html> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁰ Врачей пересчитали. Минздрав поправил данные о численности медиков. URL: <https://rg.ru/2019/10/31/reg-dfo/v-dannyh-o-sokrashchenii-chisla-medikov-v-regionah-nashli-grubye-oshibki.html> (дата обращения: 26.05.2020).

³¹ Росстат рассказал о зарплатах врачей и учителей. URL: <https://rg.ru/2019/08/23/rosstat-rasskazal-o-zarplatah-vrachej-i-uchitelej.html> (дата обращения: 27.05.2020).

³² Долгий путь рубля. Почему затянулись выплаты пострадавшим от наводнения в Якутии. URL: Режим доступа: <https://rg.ru/2019/10/31/reg-dfo/pochemu-zatianulis-vyplaty-postradavshim-ot-navodneniya-v-iyakutii.html> (дата обращения: 26.05.2020).

³³ Какие регионы выделяют больше всего средств на социальные расходы. URL: <https://rg.ru/2019/05/27/reg-urfo/kakie-regiony-vydelaют-bolshe-vsego-sredstv-na-socialnye-rashody.html> (дата обращения: 26.05.2020).

³⁴ Названы наименее закредитованные регионы России. URL: <https://rg.ru/2018/12/24/reg-urfo/krym-i-sevastopol-stali-naimenее-zakreditovannymi-regionami-rf.html> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁵ Названы регионы с худшими плательщиками по кредитам. URL: <https://rg.ru/2019/03/04/reg-skfo/nazvany-regiony-s-hudshimi-platelshchikami-po-kreditam.html> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁶ Назван самый безопасный для жизни регион России. URL: <https://rg.ru/2019/07/31/reg-dfo/nazvan-samyy-bezopasnyj-dlia-zhizni-region-rossii.html> (дата обращения: 29.05.2020).

³⁷ Прокуратура Якутии: В республике увеличилось количество детских суицидов. URL: <https://sakhatime.ru/incidents/8717/> (дата обращения: 29.05.2020).

Таблица 3

**Показатели развития
социально-экономической обстановки в регионах**

Субъект РФ	Характеризуют отрицательные тенденции	Рост/снижение (%)
Республика Бурятия	низкое качество жизни; рост безработицы; низкие показатели ЗОЖ; несвоевременное погашение кредитов	-13
Республика Саха (Якутия)	низкий уровень потребительской активности; низкая социальная доброжелательность; снижение численности медперсонала в сфере здравоохранения; наименьший объём финансирования для обеспечения социальных нужд; наибольшая кредитная нагрузка	-13,4
Забайкальский край	высокий уровень алкоголизации	-17,4
Хабаровский край	злоупотребление алкоголем	+100
Камчатский край	низкие показатели ЗОЖ; высокий уровень алкоголизации; наименьший объём финансирования для обеспечения социальных нужд	-13,6
Приморский край	высокий уровень наркотизации	-11,4
Чукотский автономный округ	высокий уровень алкоголизации; снижение численности медперсонала в сфере здравоохранения; наименьший объём финансирования для обеспечения социальных нужд	+29,4
Амурская область	злоупотребление алкоголем	-8
Магаданская область	злоупотребление алкоголем	-100
Сахалинская область	злоупотребление алкоголем	-64,1
Еврейская автономная область	низкое качество жизни; проблемы в реализации нацпроектов; низкие показатели ЗОЖ; высокий уровень наркотизации	-22

Источник: составлено автором на основании публикаций в средствах массовой информации.

В целом социально-экономическая обстановка в проблемных, с рассматриваемой точки зрения, регионах характеризуется наличием отдельных социальных проблем, среди которых наиболее часто встречаются низкие показатели ведения здорового образа жизни гражданами, уровень алко- и наркотизации. Следует предположить, что названные факторы детерминирует вынашивание и осуществление человеком замысла совершить суицид. Вместе с тем прямой зависимости между социально-экономическими проблемами регионов и показателями роста численности лиц, совершивших самоубийства, не прослеживается, что подтверждается

и ранее проведенными исследованиями [Сурмач, Зверко, Холопица, 2019. С. 187–194]. Так, при наличии аналогичных Хабаровскому краю и Чукотскому автономному округу проблем соседние регионы демонстрируют снижение гибели граждан в результате самоубийств.

Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления предполагает организацию персональной работы с гражданами, попавшими в сложную и порой кризисную жизненную ситуацию. Отмечается, что в регионах отсутствует конкретное ведомство, которое осуществляет общее планирование, координацию, оценку результативности и

эффективности такой деятельности в регионе. Так, при направлении обращений с просьбой предоставить информацию по теме исследования в некоторых регионах такие обращения перенаправлялись от одних правительственных структур в другие. К примеру, от органов в сфере социальной политики к органам в сфере здравоохранения и в других вариантах на основании части 3 статьи 8 Федерального закона № 59-ФЗ³⁸. В некоторых случаях – в правоохранительные органы, а именно в управление МВД по региону, полагая, что органы внутренних дел обладают требуемым объёмом аналитической информации для рассмотрения подобных обращений. Хотя в соответствии со статьёй 151 УПК РФ проведение проверки и расследование уголовных дел по фактам доведения до самоубийства (ст.ст. 110-110.2 УК РФ) возложено на следственные органы Следственного комитета РФ. Бесспорно, что это рабочие моменты и цель оценить слаженность действий госаппарата регионов не ставится. Однако это может свидетельствовать об отсутствии единой позиции относительно общего порядка организации, практического проведения и координации мероприятий по профилактике самоубийств и анализа их результатов.

Для проведения практических профилактических мероприятий с населением регионов привлекаются подведомственные органам власти учреждения, главным образом, в сфере образования, сфере здравоохранения и социальной сфере. Деятельность учреждений, подведомственных исполнительным органам власти в сфере образования, связана с несовершеннолетними. Профилактика самоубийств среди детей и подростков в России носит межведомственный харак-

тер³⁹. Через органы управления в сфере здравоохранения осуществляется руководство деятельностью суицидологических служб, развёрнутых на базе учреждений здравоохранения⁴⁰. К сожалению, деятельность суицидологических служб организована далеко не в каждом регионе и эффективность их работы в правительственных структурах не исследуется [Любов, 2014]. Практическую работу проводят также государственные и муниципальные учреждения социального обслуживания, социально-психологического сопровождения и поддержки. Отдельная позиция в общей системе выделена общественным организациям и частным лицам. Организационно-правовые формы всех указанных учреждений и организаций различаются в зависимости от решения учредителей, но цели, задачи и функции – схожие.

В качестве примера рассмотрим г. Благовещенск Амурской области. В городе действуют государственное автономное учреждение области «Благовещенский комплексный центр социального обслуживания населения»⁴¹ и муниципальное бюджетное учреждение «Центр развития молодежных и общественных инициатив «Выбор»⁴², оказывающие, в соответствии с заданием учредителя, платные и бесплатные социально-психологические услуги. Лечение больных с нарушенным психическим здоровьем осуществляют обособленное структурное подразделение Амурской областной психиатрической больницы и областной психоневрологический диспансер. При учреждениях организована работа «телефонов доверия» и «горячей линии». Учреждения подчинены и подотчётны Минздраву области. Социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНО) Амурской

³⁸ Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 04.06.2020).

³⁹ Распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2098-р «Об утверждении комплекса мер до 2020 г. по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72681144/> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴⁰ Приказ Минздрава РФ от 06.05.1998 N 148 «О специализированной помощи лицам с кризисными состояниями и суицидальным поведением». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dos&base=EXP&n=322475#010751843599846822> (дата обращения: 03.06.2020).

⁴¹ «Доброта». Благовещенский комплексный центр социального обслуживания населения. URL: <http://dobrotablag.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴² Отчеты о деятельности муниципальных учреждений. URL: <http://www.admblag.ru/economics/reports> (дата обращения: 01.06.2020).

области – общественная социальная организация «Ультиматум», центр поддержки пожилых граждан, инвалидов, женщин и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, «Мария» и другие организации согласно областному реестру⁴³ также имеют цель оказывать социально-психологические услуги гражданам, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Причём качество оказываемых СОНО общественно полезных услуг подлежит государственной (муниципальной) оценке⁴⁴. В образовательных и других учреждениях штатными расписаниями предусматриваются должности психологов, руководство которыми имеет внутриведомственный характер. Следует отдельно отметить Амурскую государственную медицинскую академию, учреждение федерального подчинения, стремящееся к превращению в региональный центр науки, образования и культуры⁴⁵. В Благовещенске работают 28 частных организаций, оказывающих платные психологические услуги⁴⁶. Их деятельность не подлежит лицензированию и не предусматривает отчётности перед заинтересованными органами государственной власти и местного самоуправления. В коммерческих организациях работа по профилактике самоубийств среди работников в большинстве случаев не осуществляется, поскольку трудовым законодательством подобная обязанность для работодателя не предусмотрена. Минимизации воздействия негативных факторов профессиональной среды на работника могут частично способствовать мероприятия по охране труда. Исключение составляют крупные компании, имеющие необходимые для этого финансовые ресурсы, например, ООО «Газпром

переработка Благовещенск» (входит в Группу «Газпром») и ему подобные, руководители которых «хорошо понимают, что коллектив компании – её основная ценность»⁴⁷, принимают решения о включении в штатные расписания должностей психологов или по принципу аутсорсинга приглашают специалистов в данной сфере оказывать необходимые услуги.

В целом состав учреждений по рассматриваемым регионам примерно одинаковый и отличается только их количеством. Оно зависит от численности и плотности населения регионов (муниципальных образований), возможностей финансирования деятельности, степени востребованности услуг с учётом социально-психологических характеристик, национальных, религиозных и других особенностей местного населения. Наиболее часто используются такие формы работы, как индивидуальные и групповые беседы, социальное, психологическое консультирование, психологическое просвещение, «круглые столы» по проблемам суицида, мероприятия в рамках работы суицидологической службы, созданной в соответствии с приказом Минздрава России 1998 г. № 148⁴⁸, и др. Они могут проводиться как по месту нахождения организаций, так и с выездом специалистов к жителям отдалённых районов или онлайн в сети Интернет. Мероприятия проводятся в соответствии с рабочими планами, при необходимости – внепланово.

В практической работе по профилактике суицидов принимают участие территориальные структуры Следственного комитета Российской Федерации в форме выявления в ходе расследования самоубийства обстоятельств, ему способ-

⁴³ Ресурсный центр НКО. URL: <http://nko28.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁴ Распоряжение Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2113-р «О перечне типовых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, государственными учреждениями субъектов РФ и муниципальными учреждениями, а также органами местного самоуправления». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661644/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁵ Амурская государственная медицинская академия. URL: <https://www.amursma.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁶ Квалифицированные психологические услуги в Благовещенске. URL: <https://spravkainform.ru/russia/blagoveshchensk/kvalificirovannye-psihologicheskie-uslugi> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴⁷ Карьера в ООО «Газпром переработка Благовещенск». URL: <https://blagoveshchensk-pererabotka.gazprom.ru/career/> (дата обращения: 04.06.2020).

⁴⁸ Приказ Минздрава РФ от 06.05.1998 N 148 «О специализированной помощи лицам с кризисными состояниями и суицидальным поведением». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=322475#010751843599846822> (дата обращения: 03.06.2020).

ствующих, и вынесения представлений о принятии мер по устранении таких обстоятельств⁴⁹. Территориальные подразделения Центра экстренной психологической помощи МЧС России осуществляют психологическое консультирование граждан, оказывают экстренную психологическую помощь через «телефон доверия» или направляют штатных психологов при поступлении информации о попытке суицида к месту возможного происшествия⁵⁰. Отчасти к проведению профилактических мероприятий с гражданским населением привлекаются соответствующие службы учреждений Вооружённых Сил в тех случаях, когда речь идёт о членах семей военнослужащих и гражданском персонале воинских частей. Внутриведомственная деятельность по профилактике суицидальных происшествий предусмотрена с военнослужащими [Ожерельева, 2019] и гражданами, находящимися на государственной службе иных видов.

Вместе с тем сбор, обобщение и анализ хода и результатов работы носит децентрализованный характер, а в ряде случаев сводится к сухой статистике. Не всегда исследуются причины и условия, способствовавшие совершению самоубийств, в связи с недостаточным объёмом информации в муниципальном образовании или регионе. Согласно мнению представителей некоторых органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, единой системы мониторинга, анализа и систематизации данных по профилактике суицидов в России не существует также, как и конкретного государственного органа, который реализует такие задачи и функции. Это мнение отчасти дискуссионное, поскольку в силовых ведомствах такие системы созданы и функционируют. Кроме того, снижение смертности в результате суицида предусмотрено государственными программами пусть и не в прямой постановке, но косвенно, что предполагает единую организацию, управление и координацию деятельности, в т.ч. создание социально-экономических

и иных условий жизни населения, своевременное и качественное оказание государственных и муниципальных услуг, контроль и оказание помощи специализированным учреждениям и организациям, финансирование, оперативную обратную связь с объектами управления. Вместе с тем, следует согласиться с утверждением, что конкретного органа управления, единой системы планирования и государственного мониторинга профилактики самоубийств на данный момент действительно нет.

Выводы и рекомендации. Какими представляются направления повышения эффективности государственного и муниципального управления в профилактике самоубийств?

Во-первых, повышение качества планирования и обеспечение его концептуального единства, которое, как ранее уже отмечалось исследователями [Аминов, 2014. С. 129–142], не прослеживается. К примеру, в региональных проектах и программах выполнение рассматриваемой задачи частично предусмотрено в отдельных документах и в отношении определённых категорий населения, главным образом, детей и подростков. В отдельных регионах выполнение данной задачи программными документами вовсе не предусмотрено. Вместе с тем в ряде программ одними из направлений реализации демографической политики указаны укрепление общественного здоровья и выработка у граждан привычек здорового образа жизни, в т. ч. снижение уровня употребления алкоголя, профилактика наркотизма, лечение алкоголизма и наркомании, а также формирование знаний по вопросам финансовой грамотности и умений управлять личными финансами, укрепление института семьи и брака, помощь в поиске работы и снижении уровня безработицы в целом. Иными словами, решение указанной задачи программными документами в прямой постановке не предусматривается, но фактически осуществляется путём проведения ме-

⁴⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Часть 2 статьи 158. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/51a3e7338ab7d7a9b4fdee89330a2c10a4fb55e1/ (дата обращения: 02.06.2020).

⁵⁰ Интернет-служба экстренной психологической помощи МЧС России. URL: <https://www.psi.mchs.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2020).

роприятий, прежде всего, социального характера, позволяющих создать условия по минимизации гибели граждан по указанной причине. Вопрос в том, что не во всех ведомствах по вертикали ответственности такая система планирования введена. Задачу по разработке и принятию национальной стратегии по предотвращению суицидов предлагается не ставить в связи с её избыточным характером. Вместо неё планировать использование уже имеющихся в распоряжении власти государственных и муниципальных институтов и механизмов в образовании, здравоохранении и социальной сфере при эффективном управлении, позволяющем создать условия по минимизации случаев суицидального поведения среди населения. Блок мероприятий по профилактике самоубийств целесообразно включать в региональные планирующие документы отдельным разделом, при этом предусматривать мероприятия со всеми категориями населения и во всех профессиональных областях, определять роль и место каждого органа государственной власти и местного самоуправления в системе работы. Для формирования института ответственности работодателя за суицидальные происшествия в организации в требования национальных стандартов по оценке опыта и деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности внести дополнения, в которых одним из критериев установить отсутствие случаев самоубийств в связи с исполнением трудовых обязанностей среди работников. Установить персональную ответственность вышестоящих должностных лиц за состояние и положение дел в подведомственных им предприятиях и учреждениях государственного и муниципального сектора в части профилактики самоубийств.

Во-вторых, создание и функционирование единой государственной системы мониторинга. Так, общественные организации и частные лица работают только с последствиями жизненных обстоятельств, которые привели к личному кризису человека. При этом накапливаемая аналитическая информация остаётся в пределах организаций. В отдельных случаях её запрашивают только правоохранительные органы. Профильные государственные и муниципальные учреждения

имеют необходимые административные ресурсы для оперативной организации обратной связи со своими учредителями – органами публичной власти, в компетенцию которых входит принятие решений, однако при подготовке отчётных документов ограничены результатами исключительно своей деятельности. В ходе расследования самоубийств следственными органами на высоком профессиональном уровне выявляются сопутствующие суицидам обстоятельства, органами прокуратуры проводится профилактическая работа [Шастина, 2020. С. 126–128]. В части касающейся результатов работы, конечно же, уведомляются органы публичной власти. В обобщённом виде такая информация носит закрытый характер, т. е. ограничена в распространении, а в некоторых случаях составляет государственную тайну и недоступна для изучения научно-педагогическими работниками, которые занимаются проблемой предотвращения суицида с позиции соответствующей науки. В итоге органы исполнительной власти не располагают требуемым объёмом информации об объекте управления, необходимым для принятия оптимального в складывающейся обстановке решения на основе не только практико-ориентированного, но и научного подходов. В некоторых случаях смертность в результате суицида региональные власти относят к классу неуправляемых причин сокращения численности населения, что не вполне конструктивно. Представляется более рациональным рассматривать частное лицо, общественную организацию, оказывающих социально-психологические услуги населению, как источник дополнительной информации. Это предполагает направление ими через профильное государственное (муниципальное) учреждение социального обслуживания граждан в адрес администрации муниципального образования и орган исполнительной власти региона данных о причинах и условиях самоубийств, если такие имели место в практике оказанных услуг. Современные информационные технологии, в т. ч. государственные (муниципальные) информационные системы и технологии электронного документооборота, позволяют такой информационный обмен оперативно осуществлять, при этом обеспечивают конфиденциальность

информации. При реализации системы обмена информацией особое внимание необходимо уделить защите персональных данных. К примеру, представлять в заинтересованные учреждения обезличенную информацию, включающую только причины и условия, способствующие вынашиванию суицидальных намерений клиентами. Реализация предлагаемого направления предусматривает внесение изменений в федеральное законодательство, регулирующие трудовые правоотношения, деятельность общественных организаций, иных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, вопросы защиты персональных данных и др. В основе функционирования системы – использование результатов анализа причин и условий, способствовавших суицидальным происшествиям, их обобщение и систематизация, направление в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а в федеральные органы исполнительной власти – для корректировки программ и уточнения решений, а также в экспертные организации для экспертной оценки и дальнейшего учёта в научных исследованиях (в частности, в Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского и ему равные). Система предполагает подготовку аналитических обзоров по линии соответствующего ведомства с использованием экспертной информации научно-исследовательских учреждений, следственных органов и результатов работы непосредственно с населением и практические профилактические меры, что составляет основу издаваемых нормативных правовых актов.

Заключение. Таким образом, современная общедоменная система профилактики самоубийств отличается децентрализацией и отчасти внутриведомственным характером. Планирование работы на всех уровнях государственного и муниципального управления не отличается концептуальным единством. Основные же усилия в работе госаппарата и местных администраций сосредото-

чиваются на работе с отдельными категориями населения, входящими в группу риска. Говорить о действующей системе профилактики самоубийств со всеми её признаками можно лишь в тех случаях, когда речь идёт об отдельных ведомствах, как правило, силовых. Представляется, что создание единой государственной системы мониторинга суицидальной обстановки создаст основу централизованного управления деятельностью, позволит многократно повысить качество управления процессом и, в конечном итоге, будет способствовать снижению уровня смертности граждан по причине самоубийств. Современная информационно-техническая основа государственного и муниципального управления позволяет её внедрить.

Список литературы:

1. Аминов И. Г. О профилактике самоубийств в России с учетом социально-демографических аспектов суицидальной смертности / Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 4. С. 129–142.
2. Любов Е. Б., Кабизулов В. С., Цупрун В. Е., Чубина С. А. Территориальные суицидологические службы России: проблемы и решения // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 4. С. 10–19.
3. Ожерельева И. Г. Профилактика самоубийств и покушений на них среди военнослужащих // Вестник адъюнкта. 2019. № 3(5). 10 с.
4. Сурмач М. Ю., Зверко О. И., Холопица Ю. В. Влияние приверженности к здоровому образу жизни на отношение к суициду // Современные проблемы гигиены, радиационной и экологической медицины. 2019. № 9. С. 187–194.
5. Шастина М. А. Доведение до самоубийства: некоторые мероприятия общего и специального плана, проводимые прокуратурой Забайкальского края по профилактике и предупреждению преступлений / Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 11(45). С. 126–128.

Библиографическое описание статьи

Цибиков В. А. Профилактика суицидов как общедоменная система (на примере регионов Дальнего Востока) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 76–88. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-76-88

Victor A. Tsibikov – Candidate of Pedagogy, senior lecturer, the chair of public and municipal administration, the Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/ Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia). E-mail: rleah@yandex.ru

Suicide prevention as a federal system (on the example of the Far-Eastern federal district regions)

The article reflects the results of the analysis of the system of work of public authorities and local authorities on suicide prevention among the population. The official statistics for 2010-2018 are summarized, which shows that there is a general downward trend in the number of suicides in the country. The features of the socio-economic situation in 2017-2020 are considered in the context of its impact on the suicide rate in some regions of the Far East. The legal and regulatory framework, powers of state bodies and local administrations, tasks of subordinate institutions and the other organizations, style, forms and methods of work, issues of interdepartmental information exchange and efficiency assessment have been studied. The conclusion was made that there is a federal-wide system of suicide prevention in Russia, which has a markedly decentralized and, to some extent, intra-departmental character. The main efforts are concentrated on work with individual categories of the population. Areas of improvement in the functioning of the federal suicide prevention system have been proposed: improving the quality of planning by ensuring its conceptual unity and creating a unified state monitoring system. To study the problem, the main methods used are content analysis of publications of official federal (Rossiyskaya Gazeta, Russia Today) and regional electronic media (official websites of regional executive bodies), the method of expert assessments through requests to executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation and investigative departments of the Investigative Committee of the Russian Federation, the method of studying documents.

Keywords: public health, suicide, public administration, public authorities, suicide prevention, monitoring.

References:

1. Aminov I. G. On the prevention of suicide in Russia, taking into account the socio-demographic aspects of suicidal mortality *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye* [Problem analysis and state-management design], 2014, vol. 7, no. 4, pp. 129–142. (In Russian).
2. Lyubov E. B., Kabizulov V. S., Tsuprun V. E., Chubina S. A. Territorial suicidological services of Russia: problems and solutions *Sotsial'naya i klinicheskaya psixiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2014, vol. 24, no. 4, pp. 10–19. (In Russian).
3. Ozherelyeva I. G. Prevention of suicides and attempts at them among military personnel *Vestnik ad'yunkta* [Adjunct Bulletin], 2019, no. 3 (5), 10 p. (In Russian).
4. Surmach M. Yu., Zverko O. I., Kholopitsa Yu. V. Influence of adherence to a healthy lifestyle on attitudes towards suicide *Sovremennyye problemy gigiyeny, radiatsionnoy i ekologicheskoy meditsiny* [Modern problems of hygiene, radiation and environmental medicine], 2019, no. 9, pp. 187–194. (In Russian).
5. Shastina M. A. Driving to suicide: some general and special measures carried out by the prosecutor's office of the Trans-Baikal Territory for the prevention and prevention of crimes *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian], 2020, no. 11 (45), pp. 126–128. (In Russian).

Reference to the article

Tsibikov V. A. Suicide prevention as a federal system (on the example of the Far-Eastern federal district regions) // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 76–88. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-76-88

СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105

УДК 316.62

Ю. А. Зубок

Ю. В. Березутский

Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции

Регулятором социальной активности молодежи, ее интенсивности и направленности являются смысловые представления о реальности. Наиболее отчетливо они проявляются в социальных установках, руководствуясь которыми молодые люди проявляют те или иные формы активности. В статье изложены основы саморегуляции социальной активности молодежи и роль мировоззренческих смыслов в этом процессе. На основе данных всероссийского исследования даны характеристики социальной активности молодежи и ее различий в разных группах молодежи. Выявлено влияние таких мировоззренческих установок, как солидарность, эмпатия и доверие, на соотношение активности и пассивности в молодежной среде. Выявлено, что молодежь, нацеленная на эмпатию и солидарность, готова к активным формам жизнедеятельности значительно чаще, чем их рациональные сверстники. В свою очередь, проявление таких современных рациональных установок, как расчетливость и индивидуализм, в сочетании с установкой на недоверие чаще конвертируются в социальную пассивность. Отдельный раздел статьи посвящен анализу результатов фокус-групповых интервью, проведенных с молодежью дальневосточного региона, выявивших противоречия в социальных установках на активность и возможностях их реализации.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, социальная солидарность, саморегуляция, молодежная политика, Дальний Восток.

Социальная активность: особенности механизма саморегуляции. Взросление молодежи и включение ее в общественные отношения сопровождаются ростом ее активности в пространстве социальной реальности. В широком плане активность отражает формы жизнедеятельности молодежи в социальном пространстве, где она одновременно проявляется и как характеристика деятельности, и как устойчивое свойство любой системы.

Среди наиболее общих признаков активности выделяются: отсутствие без-

различия к существенным, жизненно важным воздействиям внешней среды (в отличие от простой реактивности, т. е. неизбежного реагирования на несущественные перемены во внешней среде); наличие комплекса свойств, обеспечивающих самодвижение и выражающихся в самодетерминации, самоопределяемости, способности к саморегуляции и самоорганизации, самовоспроизведению и саморазвитию; воздействия на среду, связанные с преодолением внешних разрушающих сил; выбор способов действия в условиях изменчивости. Совокупность

Юлия Альбертовна Зубок – д-р социол. наук, профессор, заведующий центром социологии молодежи, Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН) (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6). E-mail: uzubok@mail.ru

Юрий Владимирович Березутский – канд. социол. наук, доцент, начальник отдела организации научных исследований и аспирантуры, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: uriy-dvags@yandex.ru

данных свойств характеризует механизм, обеспечивающий социальным системам самостоятельную силу реагирования. Эту силу правильнее обозначить термином «активность» [Боровик, 2003. С. 24].

Под социальной активностью понимается качество личности, проявляющееся в осознании необходимости общественно значимой деятельности и в готовности к этой деятельности, в умении действовать на общую пользу бескорыстно [Бехтерев, 1985. С. 12]. Это качество, отражающее уровень социальности личности, т. е. ее связи с социальным целым, готовность действовать в интересах общества, глубину принятия общественных интересов, выражающее ее связи с определенной социальной общностью [Якуба, 1983. С. 5]. Поэтому социальная активность часто понимается как деятельность, связанная с решением общественных задач, обладающих просоциальной ценностью. В процессе такой деятельности молодым человеком осознается социальный аспект самих задач и их решения, идет процесс соотнесения собственных потребностей с общественными интересами и потребностями, формирование мотивации, выражающей общественную позицию, т. е. позицию в отношении других. В итоге личность принимает на себя определенные обязательства, становится субъектом ответственности и добивается значимых результатов [Ситаров, 2015. С. 167–168].

Таким образом, под социальной активностью, прежде всего, понимается осознанное участие молодежи в жизни других людей, общества; проявление молодежи неравнодушия к общественным явлениям и процессам; участие молодежи в общественной и политической жизни, направленное на преобразование окружающей действительности.

Таковой социальная активность молодежи становится, когда выходит за рамки личной (частной) жизни. Поэтому с социальной активностью связывается включенность молодых людей в сферу гражданских отношений, где она понимается как готовность участвовать в общественно значимых инициативах. В этом случае она выходит за пределы его личной, частной жизни и обращена в плоскость общественных интересов, непосредственно связана с той деятельностью, которая основана на доверии, помощи и поддержке других. В

то же время социальная активность отражает и индивидуально-значимую деятельность молодых людей, сопряженную с реализацией их собственного потенциала в процессе выстраивания индивидуальных жизненных стратегий, а также степень выраженности такой деятельности. При этом деятельность, проявляемая спонтанно и не до конца осознанно, также является социальной активностью на том основании, что она разворачивается в социальном пространстве и связана с различными типами социальных взаимодействий молодежи. Это означает, что социальная активность – обширное понятие и может трактоваться как в широком, так и в узком смысле.

В основе проявления социальной активности могут лежать как материальные (деньги и другие материальные блага), так и духовные (похвала, одобрение, признание, альтруизм) ценности; как ценности индивидуализма (активность, ориентированная на получение личной выгоды), так и коллективные ценности (активность, ориентированная на людей), преследующие как личные (карьера, связи, бонусы, саморазвитие и т. п.), так и социальные (помощь людям, желание быть полезным и неравнодушным, сопричастным к жизни социума) цели.

Активность может проявляться в индивидуальных и коллективных, институционально организованных и самоорганизационных формах. Индивидуальная активность характеризуется индивидуальным (самостоятельным, без желания с кем-либо объединять совместные усилия) желанием кому-либо помочь, сделать что-либо для других. При данном типе социальной активности особых социальных связей нет, и они не формируются. Коллективная активность характеризуется стремлением к объединению совместных усилий с другими людьми на основе коллективной самоорганизации. При данном типе активности формируются социальные связи, которые могут не отличаться устойчивостью, иметь временный характер. Институциональная активность проявляется в организованных формах и предполагает минимальный уровень самоорганизации. На их основе формируются разные стратегии активности, различающиеся своими целями и способами реализации.

Социальная активность молодежи регулируется различными механизмами, в числе которых целенаправленно формируемые и нормативно закрепленные институциональные образцы (структуры, нормы, программы) и саморегуляционные. Если институциональное регулирование основано на целенаправленной выработке и имплементации формализованных норм, то саморегуляционные механизмы – результат собственного мировоззренческого выбора молодежи. Основу саморегуляции составляют социокультурные представления молодежи – ее мировоззренческие ориентационные комплексы (тезаурусы по Вал. А. Лукову), определяющие смысловое содержание и направленность социальной активности [Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2013].

Смысл отражает понимание человеком того, что с ним происходит, в том числе его собственной активности, а также активности других субъектов взаимодействия – индивидов, групп и структур. Смысл активности формируется в процессе самоопределения молодых людей, осознания ими своих потребностей, интересов и ценностей и представляет собой относительно устойчивый элемент, определяющий жизненные выборы молодежи и характер ее социальной активности. Движимые разными смысловыми интенциями, молодые люди направляют свою активность на те объекты и руководствуются теми смыслами, которые представляются им наиболее значимыми. Наличие устойчивого интереса в отношении определенных объектов реальности и форм жизнедеятельности обеспечивает их постоянное воспроизводство, а включение их в поле своих интересов и превращение в объект своей активности, делает эти объекты частью социальной реальности молодежи. Наделение объектов реальности смыслом и значением, включение их в пространство реальности активизирует деятельность по формированию структур, посредством которых активность осуществляется. Таким образом, смыслы проявляются в качестве регуляторов социальной активности молодежи и опосредованно выступают источником «формирования объективных структур» [Александр Дж., 2013].

Разные смыслы имеют для молодого человека неодинаковое значение, т. е. различаются степенью «обобщенной важности»

[Тощенко, 2016. С. 13–14], поэтому место видов и форм социальной активности, наделаемых в жизнедеятельности молодежи разными смыслами и значениями, также будет различаться. Различными будут и мировоззренческие основания, определяющие ее характер и направленность. В одних случаях больше будет проявляться коллективизм и солидарность, чувственность и эмпатия, а в других – индивидуализм и расчетливость, конкуренция и противопоставление «своих» и «чужих».

Социальная активность молодежи служит одним из индикаторов развития гражданского общества. Чем выше уровень социальной активности (основанной на ценностях альтруизма, гуманизма, солидарности, сплоченности), тем прочнее солидарные связи и тем более зрелым признается гражданское общество. А степень включенности в этот процесс молодежи, характер проявляемой ею мотивации позволяют судить не только о выборе конкретных форм активности, но и о ее подоплеке.

Диалектическая связь между развитием гражданского общества и социальной активностью обусловлена, в первую очередь, тем, что гражданское общество как особая форма социальных связей и взаимодействий людей непосредственно воплощается в социальной активности его членов, обращенной ими друг на друга. Формы активности могут быть самыми разными – от отправки SMS по телефону для поддержки благотворительной акции до участия в выборах, общественных слушаниях, работе партий, движений, объединений разного характера. Различается и мотивация такого участия. На этой основе различается степень социального участия, т. е. мера, до которой молодые люди погружаются в различные виды общественно значимой деятельности и направленность этой деятельности.

Наиболее активные формы воплощаются в непосредственной работе молодых людей в некоммерческих организациях (далее – НКО), социально ориентированных некоммерческих организациях (далее – СОНКО), общественных советах, молодежных организациях, ТОСах и др. Через социальную активность в этих структурах появляется организационная возможность влиять на процессы демократизации общества,

выдвигать и решать ключевые проблемы социальной жизни местных сообществ в институционализированных рамках. Посредством участия в протестных движениях социальная активность молодежи выходит за институциональные рамки утвержденных структур в случае их недееспособности. При этом в обоих случаях активность сохраняет свое свойство социальности и по форме (развивается как совместная деятельность объединенных общей идеей молодых людей), и по направленности (нацелена на решение актуальных социальных проблем).

Являясь регуляторами активности, различные ее смыслы находятся под влиянием такого фактора, как доверие. Выбор одних смыслов и игнорирование других является результатом доверия или недоверия идеям, которыми она наполняется, и окружающим людям, взаимодействуя с которыми молодые люди свою активность осуществляют. Исходным показателем доверия является базовое, т. е. обобщенное доверие. Выражая готовность рассматривать окружающих, как заслуживающих доверия, и основываясь на ожиданиях относительно надежности не столько конкретных индивидов, сколько окружающих людей вообще, обобщенное доверие само является мировоззренческой установкой. «Возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [Фукуяма, 2004. С. 52] базируется на ценностно-нормативных представлениях, разделяемых всеми членами сообщества, и на их готовности подчинять свои собственные интересы интересам группы. Если межличностное доверие возникает в ситуациях взаимодействия «лицом к лицу», то обобщенное доверие

– результат восприятия абстрактных индивидов, социальных групп, структур. Поэтому доверие проявляется как «установка или система установок (аттитюдов) по отношению к другому и к самому себе» [Абульханова-Славская, 1981. С. 219], отражающая готовность к взаимодействию. Доверие абстрактным системам определяет предрасположенность к определенной социальной активности на основе устоявшихся практик. В свою очередь, недоверие – качественно иное состояние, возникающее в результате расхождения ожиданий и реальных знаний о других, что придает социальной активности иной характер. Следовательно, обобщенное доверие, как доверие окружающим, способно сыграть роль мировоззренческого регулятора социальной активности молодежи.

Отражая соответствие ожиданий и реальных знаний о партнерах взаимодействия, обобщенное доверие и недоверие располагают молодого человека к восприятию окружающих, во-первых, как надежных или, наоборот, ненадежных партнеров для совместной активности; во-вторых, регулируют характер отношения к ним и выбор режима взаимодействия, руководствуясь коллективистскими или индивидуалистическими установками, чувственностью или расчетом.

Опираясь на результаты общероссийского исследования, рассмотрим, как изменяется уровень и смысловая направленность социальной активности молодежи¹.

Характеристики социальной активности в самооценках молодежи. Для анализа социальной активности молодежи используем семибалльную шкалу, на крайних полюсах которой располагаются установки на проявление активности и пассивности в повседневной жизни, где 1 означает крайнюю пассивность, а 7 – наивысшую активность. Суммируя

¹ Анализ основан на анализе данных социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи», проведенном путем опроса молодежи от 15 до 29 лет включительно методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Опрос проведен в 2017 г. по репрезентативной для населения России выборке в 28 населенных пунктах 7 субъектах Российской Федерации, всего опрошено 803 человека. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Руководители исследования – В. И. Чупров и Ю. А. Зубок (г. Москва). Партнер – Институт общественного мнения «Квалитас» - руководитель Н. А. Романович (г. Воронеж).

Таблица 1

**Уровень социальной активности в самооценках молодежи
(в % от числа опрошенных)**

Социально-демографические характеристики		Наивысший уровень социальной активности
Пол	Мужчины	58,4
	Женщины	54,3
Возраст	15-17	61,3
	18-24	60,0
	25-29	49,8
Материальное положение	Бедственное	35,0
	Плохое	52,3
	Удовлетворительное	52,8
	Хорошее	62,6
	Отличное	74,4
Образование	Неполное среднее	50,4
	Среднее	63,0
	Среднее профессиональное	55,4
	Высшее 1 уровня	55,6
	Высшее 2 уровня	54,2
Тип поселения	Областной центр	54,7
	Районный город	55,2
	Село/деревня	62,5
В целом по молодежи		56,3

Источник: составлено авторами на основе данных общероссийского социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи», 2017 г.

процентные значения шкальных позиций 6 и 7, получим широту распространения наивысших значений социальной активности молодежи в соотношении с социально-демографическими характеристиками (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наивысший уровень социальной активности, проявляющийся на уровне установки, характерен для каждого второго опрошенного (среднее значение 56,3%). При этом налицо дифференциация степени выраженности активности в зависимости от социально-демографических характеристик молодежи. Наивысший уровень социальной активности зафиксирован по возрасту в группе 15–24 года (каждый третий); по образованию – среди имеющих среднее образование (63%); по доходам – среди принадлежащих к обеспеченным группам (материальное положение хорошее

– 62,6%, отличное – 74,4%), по типу поселения – среди проживающих в сельской местности. Уровень социальной активности этих групп молодежи по самооценкам заметно превышает среднее значение по молодежи в целом, что говорит о сформированном у них габитусе активной жизненной позиции. Единственной группой, чья социальная активность значительно ниже среднего (35%), оказалась группа молодежи, находящаяся фактически за чертой бедности.

Таким образом, уровень социальной активности молодежи в целом достаточно высокий, а наивысшие ее показатели отмечаются у учащихся школ и вузов, не нуждающихся и проживающих преимущественно в сельской местности. Если проявление социальной активности учащимися можно интерпретировать как привычную часть их повседневной учеб-

ной и внеучебной жизни, высокий уровень активности обеспеченной молодежи также связать с результатом проявления габитуса активности, то высокие показатели активности сельской молодежи разрушают привычные стереотипы в отношении этой категории молодых людей, свидетельствуя о недооцененном потенциале данной группы молодежи.

Для выявления мировоззренческих смыслов, реализуемых в социальной активности, используем самооценки респондентов в отношении имеющихся у них установок на «индивидуализм» и

«коллективизм», «расчетливость» и «чувственность». Анализ степени выраженности смыслов производился по семибалльной шкале путем суммирования позиций 1, 2 и 3, означающих индивидуализм и расчетливость, а также позиций 5, 6 и 7, означающих чувственность и коллективизм (табл. 2).

Согласно данным, представленным в таблице 2, молодым людям в большей степени присущи мировоззренческие установки, связанные с коллективизмом и чувственностью, чем с индивидуализмом и расчетливостью. В среднем зна-

Таблица 2

**Распределение молодежи по характеру социальной солидарности
(в % от числа опрошенных)**

Социально-демографические характеристики		Мировоззренческие смыслы			
		Индивидуализм	Коллективизм	Расчетливость	Чувственность
Пол	Мужчины	25,0	49,3	26,7	42,7
	Женщины	24,8	48,4	10,0	70,3
Возраст	15-17	25,4	47,2	18,9	51,9
	18-24	24,1	51,8	20,0	59,5
	25-29	25,8	45,5	16,0	54,8
Материальное положение	Бедственное	36,0	24,0	24,0	52,0
	Плохое	27,5	46,4	19,6	61,5
	Удовлетворительное	22,6	51,7	18,1	54,0
	Хорошее	23,8	50,2	18,9	58,7
	Отличное	34,9	35,9	10,3	51,2
Образование	Неполное среднее	26,5	47,0	21,3	50,4
	Среднее	24,0	50,1	20,4	60,1
	Среднее профессиональное	23,4	52,8	15,9	58,4
	Высшее 1 уровня	20,3	50,5	14,1	54,6
	Высшее 2 уровня	30,9	30,0	18,4	55,0
Тип поселения	Областной центр	26,3	46,9	17,8	54,9
	Районный город	29,2	45,4	20,2	60,4
	Село/деревня	15,1	59,2	17,1	57,3
В целом по молодежи		24,9	48,8	18,2	56,7

Источник: составлено авторами на основе данных общероссийского социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи», 2017 г.

чение этих мировоззренческих смыслов превышает показатели индивидуализма в 2, а расчетливости в 3 раза. При этом выше среднего значения коллективизма и чувственности наблюдаются у каждого второго, а индивидуализма и расчетливости – у каждого четвертого.

Есть значимые различия в том, как проявляются анализируемые смыслы в зависимости от социально-демографических характеристик молодежи. Так, коллективистские мировоззренческие установки несколько выше в группе 18–24-летних, обладающих средним достатком, имеющих среднее, среднее профессиональное и высшее образование первого уровня (бакалавриат), проживающих в сельской местности респондентов. А индивидуалистические мировоззренческие установки присущи двум крайним по уровню доходов группам – обеспеченным и бедным. При этом среди бедных индивидуализм превышает коллективизм, а среди обеспеченных оба этих мировоззренческих смысла проявляются одинаково. Рост индивидуализма также замечен среди молодежи с высшим образованием второго уровня (магистратура). Таким образом, материальные факторы (обеспеченность и бедность), а также фактор образования являются детонаторами индивидуалистических ценностей в среде молодежи.

Соотношение чувственности и расчетливости в молодежной среде также различается. Наибольшие различия проявляется по этому показателю в гендерном разрезе, где чувственность среди молодых женщин в 1,6 раза превышает аналогичный показатель среди мужчин (70,3% и 42,7% соответственно). Чуть больше руководствуются чувственностью и эмпатией молодые люди в возрасте 18–24 лет, обеспеченные плохо или наоборот хорошо, имеющие среднее и среднее профессиональное образование, проживающие в малых городах и сельской местности. В свою очередь, расчетливость как мировоззренческая установка больше проявляется у молодых мужчин в возрасте от 15 до 24 лет, сильно нуждающихся, имеющих неполное среднее или среднее образование, а также окончивших магистратуру, про-

живающих преимущественно в районах. Из этого следует, что смысловые установки, определяющие мировоззренческие ценности молодежи, являются продуктом материальных условий жизни, а также возрастных и социокультурных условий – преимущественно образовательных и поселенческих, и реже гендерных. Сформированное под их влиянием смысловое пространство реальности молодежи отражается в направленности социальной активности молодежи.

В процессе саморегуляции смыслы, сформировавшиеся в сознании разных групп молодежи, преобразуются в поведенческие установки, закрепляясь в социальных практиках, и определяя содержательную направленность поведенческих предрасположенностей. «Опри-выченные» смыслы становятся частью установки – тем основанием, отталкиваясь от которого молодые люди регулируют направленность своей активности.

Мировоззренческие смыслы как установки в социальной активности молодежи. Проанализируем, как изменяются показатели социальной активности молодежи под влиянием мировоззренческих смысловых установок. В анализе использовались ответы на вопрос: «На чем, по вашему мнению, должны строиться отношения?». Для показателей «расчетливость», «индивидуализм» и «недоверие» суммировались ответы респондентов, отметивших на семибальной шкале позиции 1, 2, 3 и половина тех, которые отметили позицию 4. В свою очередь, для показателей «чувственность», «коллективизм» и «доверие» суммировались значения позиций 5, 6, 7 и также половина значения позиции 4. Такой подход в анализе позволяет не потерять респондентов, оказавшихся в зоне мировоззренческой неопределенности (выбирающих позицию 4). Для базового показателя пассивности суммировались позиции 1, 2, 3, а для показателя активности – 5, 6, 7 (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, высокая активность молодежи прочно связана с такими мировоззренческими установками, как доверие, чувственность и коллективизм. В свою очередь, социальная пассивность характеризуется прева-

Таблица 3

**Связь мировоззренческих установок с социальной активностью в
молодежной среде (в % от числа опрошенных)**

Показатель социальной активности	Мировоззренческие установки					
	Расчетливость	Чувственность	Индивидуализм	Коллективизм	Недоверие	Доверие
Активность	27,0	73,0	30,1	69,9	15,4	84,6
Пассивность	47,2	52,8	66,4	33,6	36,3	63,7

Источник: составлено авторами на основе данных общероссийского социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи», 2017 г.

лирующей индивидуализацией и более размытой эмпатией, о чем свидетельствует небольшая разница между чувственностью и расчетливостью в этой группе молодежи.

Неоднозначную роль играет в социальной активности молодых людей мировоззренческая установка на доверие. Позитивно коррелируя с их активизацией, она заметно усиливает и пассивность. Фактически это означает, что доверие представляет собой явление конфункциональное. Одни молодые люди, доверяя, активизируют социальное участие, а другие, воспринимая среду как дружественную, скорее делегируют проявление социальной активности другим².

А теперь проанализируем, как изменяются сами мировоззренческие основания социальной активности в связи с обобщенным доверием и недоверием окружающим, а также связь обобщенного доверия/недоверия с уровнем социальной активности молодежи.

Референтом обобщенного доверия и недоверия послужило согласие/несогласие с высказыванием, что «сегодня ни в ком нельзя быть уверенным, никому нельзя доверять». Несогласие с утверж-

дением означает доверие, а принятие этой позиции, наоборот, недоверие (табл. 4).

Как видно из таблицы 4, связи между анализируемыми показателями существенно различаются под влиянием доверия и недоверия окружающим. Обобщенное доверие больше, чем недоверие, активизирует жизненную позицию (83,4% против 71,1%), коллективизм (52,6% против 27,2%), способность к сочувствию и сопереживанию (61,4% против 33,8%). Среди молодых людей, не доверяющих окружающим, доминируют индивидуализм (35,4% против 22,5%) и расчетливость (43,8% против 15,9%). Следовательно, обобщенное доверие является мировоззренческим основанием саморегуляции, преимущественно укрепляющим традиционные образцы солидарных связей, а недоверие – современные рациональные.

Социальная активность молодежи дальневосточного региона: противоречия саморегуляции. Чем выше уровень активности и сплоченности, тем прочнее солидарные связи и более устойчиво гражданское общество. Органы исполнительной власти, реализующие государственную молодежную

² Впервые обратили внимание на этот феномен Б. Ю. Григоренко в своей диссертации «Доверие к власти как фактор социально-политической активности молодежи: социокультурный аспект». Дисс. канд. соц. наук. Белгород, 2013 (науч. рук. Ю. А. Зубок).

Таблица 4

Связь доверия и недоверия с мировоззренческими основаниями социальной активности молодежи (в % от числа опрошенных)

Обобщенное доверие/недоверие	Выраженность связи, в %					
	Характеристики социальной активности		Мировоззренческие основания			
	Высокая активность	Низкая активность (пассивность)	Коллективизм	Индивидуализм	Чувственность	Расчетливость
Доверие	83,4	4,4	52,6	22,5	61,4	15,9
Недоверие	71,1	9,5	27,2	35,4	33,8	43,8

Источник: составлено авторами на основе данных общероссийского социологического исследования «Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи», 2017 г.

политику, приоритет видят в развитии социальной активности молодежи, ее вовлечении в общественную деятельность. Так, в федеральном проекте «Социальная активность» национального проекта «Образование» (2018 г.) поставлены очень амбициозные цели: «развитие добровольчества (волонтерства), развитие талантов и способностей у детей и молодежи, в т. ч. студентов, путем поддержки общественных инициатив и проектов, вовлечения к 2024 г. в добровольческую деятельность 20% граждан, вовлечения 45% молодежи в творческую

деятельность и 70% студентов в клубное студенческое движение»³.

Аналогичные цели поставлены и в разработанных на основе федерального проекта региональных программах всех субъектов РФ. Так, например, в рамках государственной программы Хабаровского края «Развитие молодежной политики в Хабаровском крае» разработан региональный проект «Социальная активность (Хабаровский край)»⁴. Свои проекты разработаны в Приморском крае⁵, в ЕАО⁶, Сахалинской области⁷ и других территориях.

³ Паспорт национального проекта «Образование» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16) раздел 4.8. Федеральный проект «Социальная активность». Информационно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319308&fld=134&dst=100986,0&rnd=0.2881434491648729#06710885675420355> (дата обращения: 02.05.2020 г.).

⁴ Региональный проект «Социальная активность (Хабаровский край)». Официальный сайт Комитета по молодежной политике Правительства Хабаровского края. URL: <https://kmp.khabkrai.ru/Deyatelnost/Regionalnyj-proekt-quot-Socialnaya-aktivnost-Habarovskij-kraj-quot/> (дата обращения: 03.05.2020 г.).

⁵ 49 региональных программ: как в Приморье реализуются нацпроекты. Официальный сайт Администрации Приморского края. URL: <https://www.primorsky.ru/news/161895/>

⁶ Паспорт регионального проекта «Социальная активность». Официальный портал органов государственной власти ЕАО. URL: https://komobr-eao.ru/wp-content/uploads/2019/02/8.1.-Pasport_RP_Sotsialnaya-aktivnost.pdf (дата обращения: 03.05.2020 г.).

⁷ Паспорт регионального проекта «Социальная активность (Сахалинская область)». URL: http://minsvyaz.sakhalin.gov.ru/filestore/content/000/000/000/604/pm_project_pasport/000000000250.pdf (дата обращения: 06.05.2020 г.).

По данным региональных исследований, молодые жители дальневосточного региона демонстрируют высокую степень понимания важности и необходимости социальной активности, значимости альтруистических ценностей, ценностей социальной поддержки и взаимопомощи⁸. Так, абсолютное большинство участников фокус-групп уверены в необходимости быть социально активными: «однозначно нужно», «это нужно и молодёжи и государству, так как молодёжь двигатель прогресса», «молодёжь должна быть активной», «активная молодёжь нужна», «я считаю, что активная молодёжь нужна, но каждый должен решать сам для себя», «мы должны быть активными, но никто никому не обязан», «естественно, должна быть».

При этом основные причины активности молодёжь связывает с необходимостью развития общества, желанием оставить после себя «хороший след». Спектр высказываний в пользу этой мотивации таков: «благодаря ей (активности – прим. авторов) у нас что-то меняется, происходит новое и совершенствуется», «считаю, нужно обществу для того, чтобы посредством этого участия и вовлеченности молодёжи в решение социальных проблем, сама молодёжь закалялась и формировала в себе принцип участия во всем происходящем», «есть часть молодёжи, которая хочет быть активной, хочет развивать свой посёлок, где-то участвовать, учитывая при этом свои интересы, цели и планы на будущее», «чтобы как-то в будущем реализоваться и попутно развить свой посёлок», «чтобы потом не ходить и не говорить, что ничего нет, и ничего не делается, что всё так плохо», «молодёжь должна быть активной, всё начинается с молодёжи. Учитываются интересы, и,

может быть, за счёт этого какое-то развитие происходит», «мне интересно этим заниматься, я хочу этим заниматься. Даже те же проекты по благоустройству. Почему нет? Если мы защитим этот проект, если его одобряют – да, будет лучше для посёлка, будет красиво», «я хочу, чтобы мой населённый пункт развивался, чтобы мне было приятнее здесь жить».

Более предметно социальная активность молодёжи измерялась посредством самооценок молодыми людьми частоты проявления разных практик активности в течение последнего года. Для анализа выделены 17 форм активности, в которых принимает участие молодёжь: участие в субботниках, благоустройстве территории; участие в праздничных шествиях и демонстрациях; участие в митингах, пикетах и акциях протеста; участие в работе общественных организаций и объединений (НКО, СОНКО и др.); участие в работе общественных советов при органах власти; участие в работе профсоюзов, студенческих и школьных советов; участие в общественных слушаниях; подача милостыни на улице; донорство; участие в сходах; общих собраниях жителей; участие в собрании ТСЖ; родительских комитетов; добровольчество/волонтерство, осуществление денежных пожертвований, оказание натуральной помощи нуждающимся; участие в работе политических партий, проявление социальной активности в социальных сетях⁹; участие в выборах.

Анализ показывает, что поставленные в проектах цели, отражая общественную потребность, наталкиваются на неэффективность механизмов их реализации. Поэтому многие задачи оказываются под угрозой невыполнения. К ним относятся двукратное вовлечение молодёжи

⁸ Исследование «Социальный потенциал молодёжи Хабаровского края: состояние и перспективы развития» выполнен в 2019 г. социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по заказу Комитета по молодёжной политике Правительства Хабаровского края. Научный руководитель – к.с.н., доцент Ю.В. Березутский. Проведено 45 фокус-групп с 7 группами молодёжи: «школьники», «студенты», «творческая молодёжь», «работающая молодёжь», «семейная молодёжь», «социально-активная молодёжь» и «молодые предприниматели». Фокус-группы проведены в пяти населённых пунктах Хабаровского края: г. Хабаровске, г. Комсомольске-на-Амуре, п. Ванино, п. Чеддомыне и с. Переяславка. Наряду с этим проведен анкетный опрос 412 участников фокус-групп.

⁹ Имелось в виду не простое наличие у молодёжи аккаунтов в социальных сетях, а именно ее социальная активность в социальных сетях, предполагающая размещение постов о социальных, экономических, политических и других актуальных проблемах, выражающая несогласие или поддержку по важным вопросам для общества, протест, участие в сборе подписей под обращением к властям и т. п.

в добровольческую деятельность, многократное увеличение доли молодежи, занятой творческой деятельностью, рост доли студентов, вовлеченных в клубное студенческое движение и ряд других. Рассмотрим, какие виды активности молодежи получают более интенсивное развитие, а какие – нет.

Результаты эмпирического исследования отразили как положительные, так и негативные факты и тенденции, характеризующие состояние и развитие социальной активности молодежи в регионе. Среди положительных изменений молодежью отмечается активное развитие добровольчества и формирование моды на добровольчество; рост активного участия молодых людей в мероприятиях, что способствует увеличению их числа. Значимыми мотивами социальной активности для определенной части молодежи является желание помочь другим, сделать что-то полезное на благо общества, помочь в решении социальных проблем.

Одновременно с этим негативные оценки социальной активности молодежи связывает с низким уровнем сплоченности и вовлеченности в социально-полезную и социально-значимую деятельность; с принудительным давлением на молодежь, навязыванием определенных видов активности, в том числе добровольчества, особенно в образовательных организациях; давление взрослых, вызывающее отторжение; отсутствие интереса к проявлению социальной активности и непонимание, для чего нужно быть социально активным и равнодушным ввиду слабости ценностей социального участия, а также некачественного контента продвигаемых мероприятий, не формирующих этакое понимание; отсутствие видимых результатов деятельности молодежных общественных организаций, незначимость их роли в пространстве реальности молодежи, отсутствие примеров успешных молодежных организаций в регионе.

Итак, молодежь противоречиво оце-

нивает уровень социальной активности в своей среде. Часть считает ее высокой, но большинство дает низкие оценки. В целом не более трети молодежи можно считать социально активной.

При этом наиболее активная и вовлеченная в общественную жизнь молодежь демонстрирует более высокие оценки уровня социальной активности сверстников. Это говорит о проявлении субъективной реальности в виде позитивных образов, сформированных под влиянием круга общения и среды жизнедеятельности. В большей степени активность в молодежной среде проявляется в годы учебы в школе, институте, а после ее завершения, устройства на работу она снижается. Более активна в регионе молодежь крупных городов, нежели районных центров и небольших населенных пунктов.

Результаты исследования позволили выявить специфическую особенность, проявившуюся в оценках социальной активности и ценностно-мировоззренческих установках молодежи. У молодежи дальневосточного региона сформировалось преимущественно индивидуалистически-прагматическое отношение к проявлению социальной активности. Интерес к проявлению активности в значительной степени мотивирован рациональными соображениями личной выгоды, среди которых такие преимущества как «саморазвитие», «развитие коммуникативных, организаторских и других навыков», «новые знакомства», «наличие определенных бонусов», «молодежные тусовки», «портфолио, которое помогает либо поступить в вуз, либо при трудоустройстве», «поездки по региону и стране» и т. д. При этом «молодое поколение совсем не рвется менять мир или человечество, а, в первую очередь, хочет сделать комфортной свою жизнь и жизнь близких (установка на индивидуализм)»¹⁰. Такая смысловая доминанта определяет инструментальный характер мировоззренческих установок

¹⁰ Исследование Сбербанка «30 фактов о современной молодежи». – URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 12.05.2020 г.)⁹ Имелось в виду не простое наличие у молодежи аккаунтов в социальных сетях, а именно ее социальная активность в социальных сетях, предполагающая размещение постов о социальных, экономических, политических и других актуальных проблемах, выражающая несогласие или поддержку по важным вопросам для общества, протест, участие в сборе подписей под обращением к властям и т. п.

в сфере социальной активности. Самооценки социальной активности молодежи и ее мировоззренческих оснований в значительной мере совпадают с образом молодежи в массовом сознании россиян. Так, по данным ВЦИОМ «россияне по-прежнему считают молодежь наиболее ориентированной на материальные ценности частью населения (82% в 2019 г. и 75% в 2014 г.)»¹¹.

Анализ социальных практик участия молодежи в разнообразных видах социальной активности за последний год показывает, что треть молодежи вообще не участвует, часть проявляет активность эпизодически. Разные формы активности вызывают неодинаковый интерес молодежи (табл. 5).

Как видно из таблицы 5, уровень активности молодежи не превышает одной трети от числа опрошенных. Наиболее часто молодые люди принимают участие в субботниках (33,6%), праздничных шествиях и выборах (по 27,5%), работают волонтерами (24,3%), проявляют разовые акты милосердия, подавая милостыню нуждающимся (21,9%).

Типологизация социальной активно-

сти молодежи, предпринятая на основе самооценки степени активности, позволила выделить четыре ее основных типа (табл. 6).

Распределение молодежи по типам активности показывает доминирующее представительство респондентов, отличающихся малоактивной (37,5%) и неактивной (30,7%) жизненной позицией на фоне слабого проявления активных (19,5%) и проактивных (12,3%) групп. Как видно, большинство молодежи региона (две трети) не стремятся проявлять социальную активность (малоактивные и неактивные), демонстрируя стратегию индивидуализации.

Результаты анализа показали определенную специфику в проявлении социальной активности молодежи. Так, девушки в два раза чаще проявляют свою социальную активность, чем молодые люди (две трети и одна треть соответственно). Молодые люди, не имеющие семьи, менее активны, чем состоящие в браке. Молодые люди, являющиеся единственными детьми в семье, в меньшей степени проявляют социальную активность, чем те, кто имеет братьев и

Таблица 5

Самооценка проявления различных видов социальной активности в молодежной среде за последний год (в % от числа опрошенных)

Виды социальной активности	Уровень активности %
1. Участвовал в субботниках, благоустройстве	33,6
2. Участвовал в праздничных шествиях	27,5
3. Принимал участие в выборах	27,5
4. Был добровольцем / волонтером	24,3
5. Подавал милостыню на улице	21,9
6. Оказывал натуральную помощь нуждающимся	16,3
7. Осуществлял денежные пожертвования	16,1
8. Активен в соцсетях	14,4
9. Участвовал в собрании ТСЖ, родительских комитетов	13,1
10. Участвовал в работе профсоюза, студ. совета	9,0
11. Участвовал в работе НКО	6,1
12. Был донором	4,6
13. Принимал участие в общественных слушаниях	4,4
14. Участвовал в работе общественных советов	3,6
15. Участвовал в сходах, общих собраниях	2,7
16. Участвовал в работе партий	2,2
17. Участвовал в митингах и акциях протеста	1,4

Источник: составлено авторами на основе данных регионального социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2019 г.

¹¹ ТАСС: ВЦИОМ: более 80% россиян считают, что молодежь ориентирована на материальные ценности // Сетевое издание ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9773> (дата обращения: 12.05.2020 г.)

Таблица 6

**Типы социальной активности молодежи и их характеристики
(в % от числа опрошенных)**

Типы активности	Характеристика типа	Уровень вовлеченности молодежи, %
Проактивные	Принимали очень активное многократное участие в значительном количестве видов социальной активности в течение года	12,3
Активные	Принимали многократное участие в нескольких видах социальной активности в течение года	19,5
Малоактивные	Проявляемая ими активность носила эпизодический характер, они принимали участие 1–3 видах социальной активности в течение года	37,5
Неактивные	Практически не проявляли свою социальную активность в течение года	30,7

Источник: составлено авторами на основе данных регионального социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2019 г.

сестер. В большей степени социальная активность присуща студенческой молодежи региона в возрасте 18–23 лет, что свидетельствует о большем взаимодействии органов власти, реализующих государственную молодежную политику, с образовательными структурами и, как следствие, с организованной молодежью. Активная вовлеченность молодежи в общественную и социально полезную деятельность выступает фактором ослабления миграционных установок молодежи, предотвращения ее оттока из региона. Так, из числа проактивной и активной молодежи 40–50% выражают желание оставаться жить и работать в дальневосточном регионе, в то время как желание оставаться в регионе у неактивной молодежи колеблется в пределах 30%.

Рассмотрим, какие стратегии активности доминируют среди молодежи дальневосточного региона (табл. 7).

Анализ социальной активности молодежи с точки зрения преобладающих стратегий показывает, что в большей степени распространены те формы, в которых больше проявляется индивидуальное и коллективное начало, основанное на самоорганизации молодежи, нежели организованные целенаправленно. А если исключить из структуры обще-

ственной активности все «добровольно-принудительные» формы, коими, как правило, являются субботники, праздничные шествия и демонстрации, то нетрудно увидеть, сколь слабый отклик имеют любые коллективные формы. Это свидетельство того, что социальная реальность характеризуется слабостью и непрочностью социальных связей и «социальной атомизацией», а социальная активность молодежи в пространстве реальности опирается на индивидуализированные (без объединения усилий) стратегии, без существенной попытки влияния на социальные процессы. Чаще всего подобная «социальная атомизация» происходит в обществе с низким уровнем обобщенного и институционального доверия, роста недоверия людей друг к другу и к институтам, вследствие чего молодежь рассчитывает лишь на собственные силы.

Результаты также свидетельствуют и о том, что «влияние на изменения» как системный эффект от институционального, коллективного, консолидированного действия сегодня мало востребовано самой молодежью, в отличие от широко поддерживаемой практики «малых добрых дел», «возрастания ориентации на гражданские проекты не политизированного свойства, связанные с большей

Таблица 7

**Стратегии социальной активности молодежи дальневосточного региона
(в % от числа опрошенных)**

I. Индивидуальная – характеризуется индивидуальным (самостоятельным, без желания с кем-либо объединять совместные усилия) желанием кому-либо помочь, сделать что-либо для других. При данном типе социальной активности особых социальных связей нет, и они не формируются	
Принимал участие в выборах	27,5
Подавал милостыню на улице	21,9
Оказывал натуральную помощь нуждающимся	16,3
Осуществлял денежные пожертвования	16,1
Активен в соцсетях	14,4
Был донором	4,6
II. Коллективная – характеризуется стремлением к объединению совместных усилий с другими людьми. Однако эти формы и взаимодействие носят эпизодический (не постоянный) характер, по принципу «собрались для решения какого-либо дела и разошлись». При данном типе социальной активности социальные связи формируются, но они неустойчивые, временные	
Участвовал в субботниках, благоустройстве	33,6
Участвовал в праздничных шествиях, демонстрациях	27,5
Участвовал в собрании ТСЖ, дачного кооператива, родительского комитета в детском саду или школе	13,1
Принимал участие в общественных слушаниях	4,4
Участвовал в сходах, общих собраниях	2,7
Участвовал в митингах и акциях протеста	1,4
III. Институциональная – характеризуется стремлением к объединению с другими людьми, при которой формы и взаимодействие носят более или менее постоянный характер. При данном типе социальной активности социальные связи более устойчивые, крепкие, длительные	
Был добровольцем / волонтером	24,3
Участвовал в работе профсоюза, школьного или студенческого совета	9,0
Участвовал в работе НКО, СОНКО	6,1
Участвовал в работе общественных советов при органах власти	3,6
Принимал участие в деятельности политических партий	2,2

Источник: составлено авторами на основе данных регионального социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», 2019 г.

индивидуализацией и политикой малых дел» [Радаев, 2019. С. 27]. Проблема заключается в том, что существующие институциональные формы социальной активности входят в противоречие с ожиданиями молодежи – они либо не работают вовсе, либо работают неэффективно. Сформировавшиеся в сознании молодежи образы существующих институциональных форм социальной активности не вселяют доверия и, как следствие, не наделяются значением и не осмысливаются с точки зрения воз-

можных каналов социального участия. Молодежь будет проявлять свою активность только в тех формах, к которым она испытывает доверие.

Данный тезис наглядно иллюстрируется смысловым восприятием «выборов» и электоральной активностью молодежи. Согласно результатам опроса Фонда общественного мнения, молодежь не особо демонстрирует электоральный интерес, недостаточно проявляет электоральную активность, меньше половины считают выборы

честным инструментом: «... обычно следят за ходом избирательных кампаний 36% участников молодежного опроса, 62% подобная информация не интересна. Меньше половины респондентов (48%) уверены, что в их регионе выборы обычно проходят честно, без массовых подтасовок. В нечестности выборов убеждены 31% участников молодежного опроса и еще 21% затруднились с оценкой их честности»¹².

Результаты регионального фокус-группового исследования отражают схожие тенденции. Выборы как частный политический институт в сознании молодежи имеет отрицательную ассоциацию, в оценках молодежи они ассоциируются с недоверием и обманом, в представлениях молодежи они не являются реальным инструментом демократии: «очередное отмывание денег», «фальшь», «вранье», «все куплено», «нечестность», «непрозрачность». Так, например, по данным Избирательной комиссии Хабаровского края «... на региональных выборах, явка молодёжи была низкой и составила 28% против 36% явки в целом»¹³. Сформировавшийся на основе опыта негативный образ электорального процесса как одного из главных инструментов и институтов демократии привел к низкому уровню электоральной активности молодежи, недоверию к выборам, в то время как «протест» становится одной из предпочитаемых форм проявления социальной активности молодежью. Предпочтение протесту отдается в связи с тем, что эта крайняя форма представляется молодежи более эффективной, поскольку позволяет ей быть услышанной властью. В результате электоральная активность снижается, а протестный потенциал в регионе возрастает. Наличие каналов и платформ для реализации подобной активности позитивно влияет на взаимодействия молодежи, удерживая ее ак-

тивность в институциональных рамках. В свою очередь, закрытие возможностей и жесткое применение санкций может иметь своим последствием отнюдь не снижение активности, а рост экстремальных настроений и намеренный разрыв с институциональными нормами. Значит, само наличие возможностей для реализации активности является важнейшей предпосылкой регуляции ее направленности и развития институциональных связей, необходимых для поддержания согласия в обществе.

Таким образом, проведенный анализ социальной активности молодежи в дальневосточном регионе свидетельствует, во-первых, о значимых изменениях в мировоззренческих основаниях саморегуляции, а следовательно, и в смысловых детерминантах ее направленности; во-вторых, о существенных противоречиях между установками молодежи на определенные формы активности и реально существующими возможностями их реализации; в-третьих, о выборе между индивидуализированными стратегиями активности и целенаправленным формированием институциональных форм, отмеченных дефицитом доверия со стороны молодежи.

Анализ более общих процессов саморегуляции социальной активности молодежи показывает, во-первых, дифференциацию ее проявления в разных группах по полу, возрасту, образованию, материальному положению и типу поселения; во-вторых, позитивное влияние на социальную активность молодежи традиционных мировоззренческих установок чувственности, доверия, коллективизма и неоднозначность влияния современных рационально-индивидуалистических установок. Выявленные противоречия требуют серьезного внимания в рамках реализации государственной молодежной политики как в целом в России, так и в ее регионах.

¹² Отношение молодежи к выборам и электоральному законодательству. Материалы исследования сайта Фонда Общественного Мнения. URL: <https://fom.ru/Politika/13299> (дата обращения: 16.05.2020 г.).

¹³ Открытая лекция по вопросам молодежной политики и роли молодежи в развитии государства с участием Председателя Крайизбиркома прошла в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС. Официальный сайт Избирательной комиссии Хабаровского края. – URL: http://www.khabarovsk.izbirkom.ru/news/17388/?sphrase_id=26 (дата обращения: 16.05.2020 г.).

Список литературы:

1. Бехтерев В. Ф. Воспитание общественной активности учащихся : учебное пособие. Красноярск: КГПИ, 1985. 75 с.
2. Боровик В. С. Активность социальная // Социологическая энциклопедия в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 24.
3. Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования: (Социол. анализ) / [Е. А. Якуба, В. А. Правоторов, И. Д. Ковалева и др.; Под ред. Е. А. Якубы]. Харьков: Вища шк: Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. 216 с.
4. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176.
5. Луков Вал. А., Луков Вал. А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац.

ин-та бизнеса, 2013. 640 с.

6. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
7. Тощенко Ж. Т. Смысл как качественная характеристика жизненного мира. Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. №2 (4). С. 9–18.
8. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. Издательство: АСТ, 2004. 730 с.
9. Абульханова-Славская К. А. Личностный аспект проблемы общения // Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 218–241.
10. Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2019. 224 с. doi: 10.17323/978-5-7598-1985-1

Библиографическое описание статьи

Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105

Yuliya A. Zubok – Doctor of Sociology, Professor, Chief of the center for youth sociology, the Institute of socio-political research of the federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Str., Moscow, 119333, Russia). *E-mail:* uzubok@mail.ru

Yuriy V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, associate professor, head of the department for organization of scientific research and graduate studies, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail:* uriy-dvags@yandex.ru

Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations

The regulator of social activity of young people, its intensity and direction – is the semantic representations of reality. They are most clearly manifested in social attitudes, guided by which young people show certain forms of activity. The article describes the basics of self-regulation of social activity of young people and the role of ideological meanings in this process. Based on the data of the all-Russian research, the characteristics of social activity of young people and their differences in different groups of young people are given. The influence of worldview attitudes of solidarity, empathy and trust on the ratio of activity and passivity in the youth environment is revealed. It is revealed that young people who are focused on empathy and solidarity are ready for active forms of life much more often than their rational peers. In turn, the manifestation of modern rational attitudes of calculation and individualism, combined with the attitude of distrust, is more often converted into social passivity. An independent section of the article is devoted to the analysis of the results of focus group interviews conducted with the youth of the Far-Eastern region, which revealed contradictions in social attitudes to the activity and the possibilities of their implementation.

Keywords: youth, social activity, social solidarity, self-regulation, youth policy, the Far East.

References:

1. Bekhterev VF Education of social activity of students: a training manual. Krasnoyarsk: KSPI, 1985. 75 p. (In Russian).
2. Borovik V. S. Social activity *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia in 2 volumes], vol. 1. M.: Thought, 2003, p. 24. (In Russian).
3. The social activity of a specialist: the origins and mechanism of formation: (Sociol. Analysis) / [E. A. Yakuba, V. A. Pravorov, I. D. Kovaleva and others; Ed. E. A. Yakubi]. Kharkov: Vishka school: Publishing house at Khark. un-te, 1983, 216 p. (In Russian).
4. Sitarov V. A., Maralov V. G. Social activity of personality (levels, criteria, types and ways of its development) *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*. [Knowledge. Understanding. Skill] 2015, no. 4, pp. 164–176. (In Russian).
5. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesauri II: Thesaurus Approach to Understanding Man and His World. M.: Publishing House of the National. Institute of Business, 2013, 640 p. (In Russian).
6. Alexander J. The meaning of social life: Cultural Sociology / trans. from English G.K. Olkhovikova, ed. D.Yu. Kurakina. M.: Publishing. and Praxis Consulting Group, 2013, 640 p. (In Russian).
7. Toshchenko Zh. T. Sense as a qualitative characteristic of the life world. Bulletin of the RSUH Series Philosophy. Sociology. Art History. “ 2016, no. 2 (4), pp. 9–18. (In Russian).
8. Fukuyama F. Trust: Social virtues and the path to prosperity. Publisher: AST, 2004. 730 p. (In Russian).
9. Abulkhanova-Slavskaya K. A. The personal aspect of the problem of communication *Problemy obshcheniya v psikhologii* [Problems of communication in psychology]. M.: Nauka, 1981, pp. 218–241. (In Russian).
10. Radaev V.V. Millennials: How Russian society is changing. Nat researched University “Higher School of Economics”, 2019. 222 s. doi: 10.17323 / 978-5-7598-1985-1 (In Russian).

Reference to the article

Zubok Yu. A., Berezutskiy Yu. V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 89–105. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-106-117
УДК 316.614

Н. М. Байков
С. А. Литвинцева

Профессиональная социализация и социальная практика в представлениях врачей и оценках населения

В статье анализируется профессиональная социализация как процесс включения во врачебную деятельность от выбора и освоения студентами основных образовательных программ в университете до вхождения медицинских работников в социально-профессиональную структуру общества. На основе данных органов государственной статистики и результатов социологических опросов врачей и населения анализируются объективные и субъективные факторы, обуславливающие структурные и функциональные изменения в системе здравоохранения, их влияние на профессиональную социализацию медицинских работников на территории Дальневосточного федерального округа в целом и Хабаровского края в частности. Выявлены проблемы в системе профессиональной подготовки медицинских кадров, обусловившие острый дефицит медицинских специалистов и, как следствие, высокий уровень неудовлетворенности населения качеством и доступностью медицинской помощи.

Ключевые слова: профессиональная социализация, врачи, медицинские работники, статус и социальная роль, медицинское образование, результаты социологических исследований, Дальневосточный федеральный округ, Хабаровский край.

Профессия врача как предметная область социологического изучения.

Высокая значимость статуса и социальной роли врачей обусловлена особой ценностью результатов их труда для любого общества. От знаний, умений и навыков представителей этой большой социально-профессиональной группы напрямую зависит сохранение, укрепление, продолжение и качество жизни людей. С особой силой это проявилось в условиях новой коронавирусной пандемии, охватившей практически все страны мира. В общественном сознании произошли изменения в отношении не только героизации труда врача и значимости результатов его профессиональной деятельности, но и обнаружились острые проблемы в системе здравоохранения, обусловленные коммерциализацией

медицинских услуг населению, различного рода «оптимизациями» медицинских организаций, оплаты труда медицинских работников и т. д.

В критической ситуации пандемии остро обнаружился кадровый дефицит врачей, не только специализирующихся на инфекционных заболеваниях, но и медицинских специалистов, обладающих необходимыми для спасения людей профессиональными знаниями и умениями, грамотно использующих в повседневной практике современные методы лечения, диагностики и средства защиты. В то же время стремительное развитие высоких технологий в сфере здравоохранения определяет особые требования к субъектам врачебной деятельности, ставит задачи по внедрению и применению их на практике в целях сохранения и укреп-

Николай Михайлович Байков – д-р социол. наук, профессор, гл. научный сотрудник, Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: nmbaikov@rambler.ru

Светлана Анатольевна Литвинцева – старший преподаватель кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения, Дальневосточный государственный медицинский университет (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 35). E-mail: svetlana-litvinceva@mail.ru

пления здоровья населения, а также повышения доступности и качества оказываемой медицинской помощи.

В социологической науке нет единого подхода к изучению профессиональной социализации как социального процесса применительно к исследуемой социально-профессиональной группе. Этот процесс находится на стыке относительно новых областей социологического знания: социологии профессии и социологии медицины, что позволяет рассматривать профессионализацию как процесс приобретения профессии и включения человека в профессиональную среду [Социология профессий, 2010. С. 1061–1062]. При этом социальный институт медицины обладает рядом отличительных особенностей: статусы и роли (врачи, пациенты и др.), система профессионального, постдипломного и непрерывного медицинского образования, статусно-ролевое распределение врачей и пациентов в структуре социально-профессиональной стратификации.

Один из классиков социологии медицины и социологии профессий Элиот Фрейдсон в своих работах «Медицинская профессия» [Freidson, 1970] и «Третья логика» [Freidson, 2001] представляет два диаметрально противоположных взгляда на положение медицинских специалистов в системе здравоохранения. Он предлагает рассматривать профессионализм как третий идеальный тип, сосуществующий со свободным рынком Адама Смита и бюрократией Макса Вебера¹.

Ряд авторов, используя концепцию статусной неконсистентности Г. Ленски, акцентируют внимание на том, что «...социетально детерминированные изменения в социальной структуре, возрастающая социальная дифференциация, кризис и дисфункциональные процессы в институте здравоохранения в современной России привели к изменению статуса, нисходящей социальной мобильности и маргинализации социально-профессиональных групп института здравоохранения» [Кром, Еругина, Ковалёв, Ерёмкина, Власова, Долгова, Бочкарёва, 2017. С. 854–856].

Профессия врача во все времена вы-

делялась из всех профессиональных групп, традиционно пользующихся уважением и авторитетом у всех членов социума и признанием в обществе. Необходимость обладания высоким уровнем профессиональных качеств, опытом и профессиональными компетенциями – требования, которые и сегодня предъявляются к представителям данной социальной группы для успешной реализации их роли в обществе.

В отечественной социологической литературе также представлены различные определения термина «профессиональная социализация». Однако, как справедливо отмечает Л. Е. Петрова: «...проблема современных отечественных исследований группы врачей заключается в отсутствии комплексной категории, которая описывала бы врача и функционально, и содержательно (характеризуя повседневную деятельность)» [Петрова, 2015. С. 53 – 57]. Так, одни авторы определяют ее как социопсихологический адаптационно-интеграционный процесс, на основе которого осуществляется внутренняя ориентация индивида и развитие его определенных личностных ресурсов [Вайсбург, 2014]. Другие – как единый непрерывный процесс, детерминируемый системой объективных и субъективных факторов [Соколов, 2009. С. 144 – 152].

Значительная часть отечественных исследователей акцентируют свое внимание на роли образовательных организаций высшего образования в процессе профессиональной социализации обучающихся, характеризуя их как основных социализирующих агентов [Максименкова, Анисимова, 2018].

С этих позиций университетскую образовательную среду можно рассмотреть как совокупность ряда факторов и условий, которые способствуют развитию личностных и профессиональных качеств индивида и обеспечивают движение процесса его профессиональной социализации. Однако изменения процесса профессиональной социализации в системе высшего медицинского образования выражены достаточно противоречиво. Реализация федерального государ-

¹ 5 книг о социологии медицины. URL: <https://postnauka.ru/books/100714>

ственного образовательного стандарта третьего поколения призвана решить не только проблему обеспечения медицинских организаций врачами с достаточными профессиональными компетенциями, которые позволили бы им быть конкурентоспособными на сегодняшнем и завтрашнем рынке труда, но и обеспечить организацию жесткой стандартизации оказания образовательных услуг в сочетании с современными методами управления медицинскими вузами, направленную на удовлетворение ожиданий общества в отношении укомплектованности медицинских организаций всех уровней квалифицированными специалистами [Мамедова, 2015. С. 676–679]. Речь идет о подготовке таких специалистов, которые были бы разносторонне и высокообразованными людьми, гуманными, творчески мыслящими и быстро адаптирующимися к новым условиям.

Современная ситуация в отечественном здравоохранении показывает, что разобщенность между целями и мотивами обучающихся по медицинским специальностям и ожиданиями социума от результатов их подготовки остается одной из главных проблем в профессиональном медицинском образовании.

Несоответствие уровня практической подготовки требованиям, предъявляемым пациентами, медицинским профессиональным сообществом и обществом в целом, на наш взгляд, является фактором деструктивного влияния на процесс профессиональной социализации медицинских специалистов. Разочаровавшись в своих ожиданиях, медицинские специалисты избегают самостоятельной трудовой деятельности, сталкиваются с проблемами негативного отношения со стороны пациентов, а зачастую и практикующих врачей, которые резко отрицательно оценивают их готовность к трудовой деятельности и способность нести ответственность за ее результаты. Результатом такой «негативной профессиональной социализации» может стать невключенность в профессиональную среду – профессиональное исключение.

В зависимости от эффективности процесса профессиональной социализации в вузе студенческая молодежь либо интегрируется в профессионально-трудовую сферу общества, т. е. распределяется в

системе профессиональных и социальных связей, утверждается в социальных структурах и самоидентифицируется с ними, либо оказывается отторгнутой, исключенной социальной группой [Клименко, 2012]. Как следствие, в стране и ее регионах ощущается острая нехватка медицинских работников.

К основным демотивирующим факторам в профессиональной деятельности большинства врачей относятся низкий уровень заработной платы и неблагоприятные условия труда. Из-за материальных трудностей многие из них вынуждены работать по совместительству, иногда далекому от непосредственной профессиональной деятельности, что негативно влияет на врачебную квалификацию и уровень компетенций. В конечном итоге врач поэтапно проходит несколько стадий демотивации, приближаясь к конечной стадии – полному отчуждению от руководства медицинской организации и её коллектива [Татарников, 2007. С. 88–95].

В современных условиях государство вынуждено в корне изменить систему регулирования медицинской деятельности. Повышение готовности медицинских организаций к быстрой перестройке производства медицинских услуг, исходя из конъюнктуры рынка, требует более высокой квалификации практикующих врачей и среднего медицинского персонала, самостоятельности, высокой мотивации к качественному труду и к инновационным решениям [Мамедова, 2015. С. 676–679].

Современное состояние системы отечественного здравоохранения требуют обобщения и реальных социологических оценок, позволяющих определить наиболее оптимальную модель профессиональной социализации медицинских кадров, сочетающую интересы государства и реалий рынка в сфере медицинского образования и профессиональной деятельности.

Состояние и проблемы профессиональной социализации медицинских кадров в региональном измерении.

Дальний Восток России определен как национальный приоритет государственной политики на весь XXI век в направлении социально-экономического развития, повышения качества жизни населения, но достигнуть этого невозможно без развития, сохранения и воспроизводства

стремительно убывающего с его территорий постоянного населения. Система здравоохранения в этом плане является ключевой отраслью в реализации первоочередной задачи государства по охране здоровья и обеспечения качества жизни жителей макрорегиона.

В то же время статистические данные и результаты социологических исследований свидетельствуют о серьезных проблемах в состоянии системы здравоохранения как в целом по России, так и в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО), в том числе в Хабаровском крае. По данным Росстата, в 2018 г. в отрасли отечественного здравоохранения оставались незакрытыми около 50 тыс. вакансий врачей и в два раза больше вакансий среднего медицинского персонала. При этом речь идет не только о государственных, но и о частных клиниках. В 2020 г. продолжает оставаться незакрытой каждая двадцатая вакансия высшего и среднего медицинского персонала. Проблема дефицита кадров в здравоохранении продолжает оставаться такой же острой, среднегодовая численность занятых в системе здравоохранения в 2018 г., меньше того же показателя в 2015 г. на 92 тыс. человек².

Ситуация в здравоохранении ДФО показывает, что в регионе сохраняются значительные структурные диспропор-

ции. Они заключаются в концентрации коечного фонда и кадровых ресурсов в медицинских учреждениях федерального и регионального уровней, входящих в инфраструктуру городских поселений и административных центров территорий. В результате сформировался дефицит врачей в медицинских организациях районных центров, сельских участковых больницах и врачебных амбулаториях [Дьяченко, Костакова, Пчелина, 2012; Дьяченко, 2015]. Наглядно прослеживается тенденция к снижению количества кадрового состава медицинских специалистов на территории ДФО при незначительном увеличении (на 280 чел.) в период с 2015 – 2018 гг. на территории Хабаровского края (рис. 1). Объяснением этому, как в целом по стране, так и в ДФО, может быть негативное влияние модернизации инфраструктуры отрасли в 2006 г., которая не могла не сказаться на критическом положении с медицинскими кадрами. В период с 2005 г. по настоящее время количество больничных организаций в целом по России сократилось на 4222 медицинских организации, в 70% случаев – это государственные учреждения. Значительно сократилось и количество больничных организаций, которые были расположены в сельской местности².

Снижение количества медицинских

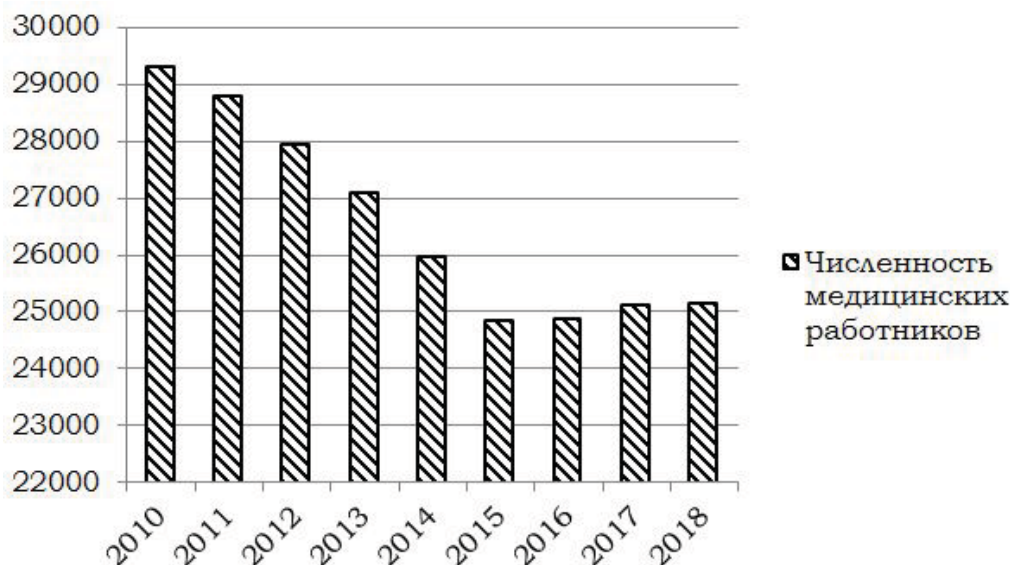

Рис. 1. Динамика численности медицинских работников на территории Дальневосточного федерального округа (чел.).

² Здравоохранение России. 2019. URL: <https://www.gks.ru/>

организаций характерно как для ДФО в целом, так и Хабаровского края. В Хабаровском крае количество больничных организаций сократилось на 43 лечебных учреждения. Если в 2005 г. медицинская помощь в Хабаровском крае оказывалась в 110 больничных организациях, то в 2018 г. – всего в 67. Сокращение по краю составило 39% (ДФО – 58%). При этом в крае на 11,5% сократилось также и количество амбулаторно-поликлинических организаций (ДФО – 38%)².

Сокращение численности медицинских специалистов в ДФО и в том числе Хабаровском крае обусловлено также отсутствием положительной динамики воспроизводства специалистов отрасли здравоохранения. Так, с 2006 г. прослеживается стойкая тенденция диспропорции приема и выпуска обучающихся в Дальневосточном государственном медицинском университете (далее – ДВГМУ). При ежегодном увеличении количества обучаемых за счет средств федерального бюджета и за счет личных средств граждан отмечается стойкая тенденция снижения количества выпускаемых медицинских специалистов (табл. 1).

Молодые специалисты любой профессиональной группы представляют основу кадрового потенциала развития социально-экономической сферы региона. От их численности во многом зависит успешное функционирование и результативность отрасли, в том числе и здравоохранения. Однако анализ динамики численности молодежи в Хабаровском крае свидетельствует о ее постоянном сокращении. Так, за период с 2012 г. по

2018 г. молодежи на территории края стало меньше на 70 тыс. чел.

Негативное влияние на процесс положительного трудового замещения специалистов системы здравоохранения имеют и миграционные процессы в регионе. Отток молодежи в центральные регионы России не может не затрагивать и категорию медицинских специалистов.

Большая миграционная активность потенциальных субъектов профессиональной (медицинской) деятельности и низкий уровень воспроизводства специалистов здравоохранения обусловлены неудовлетворительными условиями труда, недостаточным материально-техническим обеспечением медицинских организаций и финансовым обеспечением работников сферы здравоохранения, неудовлетворительными бытовыми и социальными условиями. В 2018 г. на территории Хабаровского края на работу было принято 8491 чел. сферы здравоохранения и социальных услуг, а выбыло по разным причинам за этот же период 8470 специалистов, кадровый прирост составил всего 21 чел., что еще раз подтверждает достаточно низкий уровень кадрового воспроизводства медицинских специалистов³.

Субъективные представления врачей о профессиональной социализации. Самооценки врачами мотивов выбора своей профессии свидетельствуют, что ведущими мотивами выбора являются «желание помогать/лечить людей», «интерес к специальности» и «склонность (призвание) к профессии» (табл. 2). Заметим, что эти варианты ответов врачей, отражающих субъективные мотивы, отметили

Таблица 1

Динамика набора и выпуска студентов очной формы обучения ДВГМУ (2006 – 2019 гг.) чел.

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Фактический набор студентов	434	435	435	484	605	497	524	478	577	576	598	641	657	623
Фактический выпуск	339	454	432	377	376	337	331	324	360	415	392	328	326	289

Источник: составлено авторами.

³ Хабаровский край в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. // Хабаровскстат. Хабаровск, 2019. 109 с.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие мотивы повлияли на ваш выбор профессии врача?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Желание помогать/лечить людей	26,6
Интересовала специальность	19,8
Склонность (призвание) к профессии	16,9
По стопам родителей	11,8
Посоветовали родители	7,8
Престижная профессия	6,2
Получение высшего образования	5,2
Затрудняюсь ответить	4,2
Высокооплачиваемая профессия	0,7
Было все равно куда поступать	0,5

Источник: экспертный опрос врачей по теме: «Мотивация выбора профессии врача и дальнейшей профессиональной деятельности медицинских специалистов» в 2018–2019 гг. Опрошено 303 врача разных медицинских специальностей (Хабаровский край, Сахалинская область, Магаданская область, ЕАО, Забайкальский край).

более половины опрошенных. Кроме того, десятая часть опрошенных врачей следует родительскую профессию (табл. 2). Это еще раз доказывает преобладание неэкономической мотивации у будущих медицинских специалистов.

По результатам опроса врачей, (28,0%) определились с выбором будущей специализацией на первом курсе. Второй и третий курс стали временем определения специализации лишь для незначительной части опрошенных (соответственно 4,6% и 8,2%). Вероятно, что это связано с особенностями учебного плана на этих курсах, акцентированного на изучении теоретических дисциплин. На четвертом, пятом и выпускном шестом курсах с врачебной специальностью определились более половины опрошенных (соответственно 15,8%, 17,1%, и 26,0%). В настоящее время продолжают работать по специальности, полученной в вузе, трое из четырех опрошенных врачей (78,5 %).

Это подтверждает наше предположение о том, что в профессиональной специализации медицинских специалистов решающую роль играет университет как социализирующий агент.

Данные опроса показали, что половина опрошенных врачей даже при наличии возможности переезда предпочли бы остаться и продолжать работу в учреждениях здравоохранения Дальнего

Востока (45,0%). Однако каждый третий медицинский работник готов к переезду в центральные районы России (35,0%), а уехать из страны предпочел бы каждый пятый (20,%). Это говорит о том, что при таком высоком миграционном потенциале у медицинских специалистов система здравоохранения Дальнего Востока будет и дальше испытывать серьезные кадровые проблемы. При этом большинство врачей удовлетворены специальностью, полученной на этапе профессионального обучения, и продолжают по ней работать, что указывает на успешную профессиональную социализацию.

Как известно, общество предъявляет высокие требования к статусно-ролевому набору врача, ибо речь идет о профессиональных компетенциях, способных сохранить или продлить жизнь пациента. Результаты опроса врачей свидетельствуют, что статистически незначительная часть врачей определяет соответствие уровня освоения профессиональных компетенций выпускниками медицинских вузов требованиям, предъявляемым к медицинским работникам системой практического здравоохранения, ожиданиями общества и профессионального медицинского сообщества крайне низкими баллами (1, 2) по десятибалльной шкале (табл. 3). Средними баллами это соответствие определяет четвертая часть опрошенных (23,5%), ниже

среднего – пятая часть (20,7%), а выше средних баллов – около половины опрошенных (табл. 3).

По мнению половины опрошенных врачей (49,5%), медицинским вузам необходимо принципиально изменить систему подготовки медицинских специалистов на этапе профессиональной подготовки.

Процесс профессиональной социализации медицинских специалистов как особой профессиональной группы многоэтапен. Этап освоения профессиональных знаний и умений, овладения профессиональными навыками и компетенциями, этап вхождения в профессиональную среду и включения в трудовую деятельность несомненно значимы в профессиональном плане. Но не менее важной составляющей в профессиональной деятельности медицинских специалистов является система непрерывного медицинского образования (НМО). Необходимость постоянного профессионального совершенствования и самообразования для соответствия профессиональным стандартам и новейшим достижениям медицинской науки ставит перед медицинскими специалистами задачи по поиску путей повышения профессионального уровня и постоянного профессионального роста. По мнению практикующих медицинских специалистов, наиболее эффективными видами постдипломной подготовки в рамках системы непрерывного медицинского образования можно считать «тематическое усовершенствование» (28,9%), «ординатуру» (23,3%) и «учебу на рабочем месте» (22,4%). Другие виды постдипломной

подготовки медицинских кадров оцениваются как менее эффективные и поддерживаются незначительной частью опрошенных: «общее усовершенствование» (15,2%), «дистанционное обучение» (6,3%) и «аспирантура» (3,7%).

На общую удовлетворенность от выполняемой работы и ее результатов у медицинских работников в процессе профессиональной социализации влияет множество факторов. Результаты опроса свидетельствуют, что большинство медицинских специалистов удовлетворены «взаимоотношениями с коллегами» (82,1%) и «отношением руководства» (70,7%). Менее удовлетворены врачи «перспективой должностного роста» (58,3%) и «условиями труда» (55,3%). Однако достаточно низкими показателями удовлетворенности опрошенные оценивают престиж своей профессии в обществе (36,7%) и уровень оплаты труда (33,2%) (табл. 4).

Удовлетворение потребности медицинских специалистов в профессиональных достижениях, карьере и признании влияет на уровень общей удовлетворенности от своей работы. Представления о несправедливой оценке своего труда руководством, коллегами, профессиональным сообществом или обществом в целом ведет к снижению мотивации во врачебной деятельности и к снижению активных созидательных действий по повышению своего профессионального уровня. На удовлетворенность работой оказывают влияние и внешние факторы: низкая заработная плата, плохие условия труда, сложности в отношениях с руководством,

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос: «Определите соответствие уровня профессиональных компетенций выпускников медицинских вузов требованиям предъявляемым к медицинским работникам по 10-ти балльной шкале, где 1 балл – не соответствует, 10 баллов – соответствует»
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответов (в баллах)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% от общего числа опрошенных	1,7	1,7	10,0	10,7	23,5	18,3	13,1	13,8	4,8	2,0

Источник: экспертный опрос врачей по теме: «Мотивация выбора профессии врача и дальнейшей профессиональной деятельности медицинских специалистов» в 2018–2019 гг. Опрошено 303 врача разных медицинских специальностей (Хабаровский край, Сахалинская область, Магаданская область, ЕАО, Забайкальский край).

коллегами, подчиненными и пациентами. Последствием воздействия этих факторов является снижение интенсивности и качества труда медицинских специалистов и, как следствие, их результатов по оказанию услуг.

В связи с необходимостью постоянно повышения уровня своих профессиональных знаний, умений и навыков, поддержания достаточно высокого уровня компетенций для медицинских работников очень важным являются мотивы профессионального роста. Ответы на вопрос о движущих мотивах профессионального

роста демонстрируют большой разброс мнений (табл. 5). Примерно по одной седьмой части опрошенных отметили удовлетворенность результатами своей профессиональной деятельности, повышение уровня доходов и расширение уровня профессиональных возможностей. По одной десятой ответы распределились между интересом к изменениям, происходящим в профессиональной сфере, стремлением соответствовать требованиям профессиональных стандартов, самообразованием и внутренним стремлением (призванием).

Кадровый дефицит медицинских спе-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы, как специалист Вашим сегодняшним положением в медицинской организации?» (в % от числа опрошенных). Ранжировано по удовлетворенности.

Варианты ответа	Удовлетворены	Не в полной мере	Не удовлетворены
Взаимоотношениями с коллегами	82,1	13,2	4,6
Отношением руководства	70,7	22,4	6,8
Перспективой должностного роста	58,3	27,0	14,6
Условиями труда	55,3	33,5	11,0
Уровнем «престижа» профессии в обществе	36,7	32,4	30,7
Уровнем оплаты труда	33,2	40,8	25,9

Источник: экспертный опрос врачей по теме: «Мотивация выбора профессии врача и дальнейшей профессиональной деятельности медицинских специалистов» в 2018–2019 гг. Опрошено 303 врача разных медицинских специальностей (Хабаровский край, Сахалинская область, Магаданская область, ЕАО, Забайкальский край).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Укажите движущие мотивы профессионального роста?» (в % от числа опрошенных)

Ранг	Варианты ответа	%
1	Удовлетворенность от результатов профессиональной деятельности	14,9
2	Повышение уровня доходов	14,3
3	Расширение уровня профессиональных возможностей	13,3
4	Интерес к изменениям происходящим в профессиональной сфере	11,3
5	Стремление соответствовать требованиям профессиональных стандартов	9,9
6	Самообразование	9,4
7	Внутренне стремление (призвание)	9,2
8	Комфортные условия труда	8,5
9	Возможность карьерного роста	6,3
10	Получение высшего образования	1,6
11	Требования администрации	1,3

Источник: экспертный опрос врачей по теме: «Мотивация выбора профессии врача и дальнейшей профессиональной деятельности медицинских специалистов» в 2018–2019 гг. Опрошено 303 врача разных медицинских специальностей (Хабаровский край, Сахалинская область, Магаданская область, ЕАО, Забайкальский край).

циалистов является ведущим фактором, характеризующим низкую удовлетворённость населения Хабаровского края доступностью и качеством медицинской помощи, которую они оценивают по работе участкового врача поликлиники/фельдшера, врачей-специалистов, скорой и стационарной помощи⁴ (табл. 6).

Результаты исследований свидетельствуют об удовлетворенности только каждого третьего из числа опрошенных жителей Хабаровского края в целом услугами в сфере здравоохранения и качеством обслуживания в медицинских учреждениях в месте своего проживания. Наименьшее удовлетворение у жителей края вызывает работа врачей поликлиник. Каждый второй неудовлетворен временем ожидания помощи, отношением к больному, результатом работы участкового врача поликлиники, фельдшера, а также стационарной медицинской помощью в больнице или госпитале, состоянием палат, качеством питания, отношением персонала и результатами лечения.

Одной из главных проблем здравоохранения в муниципальных районах

края является проблема отсутствия или недостаточности медицинских кадров. Эта проблема наиболее остро проявляется в г. Комсомольске-на-Амуре, Ванинском, Верхнебуреинском, Вяземском, Нанайском, Николаевском, П. Осипенко, Советско-Гаванском, Солнечном муниципальных районах.

Анализ показал, что в большинстве своем причины неудовлетворенности жителей медицинской помощью кроются в больших очередях и длительном времени ожидания приема в поликлиниках; большой загруженности врачей; отсутствии кадров и узких специалистов, длительном ожидании возможности к ним записаться и попасть на прием; платности и высокой стоимости медицинских услуг; квалификации и отношении медицинского персонала к пациентам. Многие жители районов подчеркивали, что часто едут за помощью в краевой центр.

Две трети опрошенных врачей (68,5%) выразили положительное отношение к системе обязательного распределения выпускников вузов в медицинские организации системы здравоохранения для обе-

Таблица 6

Удовлетворены ли Вы.... (в процентах от числа опрошенных)⁴

Варианты ответа	Да ¹	Нет ²	Затрудняюсь ответить
В целом услугами в сфере здравоохранения	30,9	61,1	6,8
Качеством обслуживания в медицинских учреждениях в месте Вашего проживания	31,0	61,5	7,0
участковым врачом поликлиники, фельдшером (время ожидания помощи, отношение к больному, результат)	38,7	48,3	12,4
Врачами-специалистами поликлиники (наличие специалистов, время ожидания, отношение к пациенту, результат)	27,5	62,2	9,9
Скорой медицинской помощью (время ожидания, результат оказания помощи)	44,0	40,8	14,8
Стационарной медицинской помощью (в больнице, госпитале; состояние палат, качество питания, отношение персонала, результат)	32,7	48,2	18,7

¹ Сумма ответов «Да» и «Скорее да»

² Сумма ответов «Нет» и «Скорее нет»

⁴ Социологический мониторинг «Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти Хабаровского края» Выборка маршрутная (поквартирная) многоступенчатая случайная на этапе отбора респондента, репрезентирующая население Хабаровского края по полу, возрасту и типу населенного пункта. Опросы проведены во всех 19 муниципальных образованиях края (n=7000). 2019 г. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

спечения их достаточным количеством медицинских работников. Это позволит улучшить качество и доступность медицинской помощи гражданам в гарантированном объеме, высокого уровня и в нормативный срок. По данным Минздрава РФ, на данный период «девяносто процентов выпускников отделений целевой подготовки медвузов трудоустроились в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения», однако решить проблему кадрового дефицита пока не удается⁵.

Заключение. Эффективность всей системы охраны здоровья граждан в значительной степени определяется состоянием кадрового потенциала отрасли здравоохранения. Однако при сохраняющемся уровне кадрового дефицита медицинских специалистов на территории Дальневосточного федерального округа в целом и Хабаровского края в частности крайне сложно обеспечить население должным уровнем качественной и доступной медицинской помощи. Очевидно, что помимо увеличения количества кадрового состава медицинских специалистов особое внимание следует уделять и их качеству – уровню профессиональной подготовки и переподготовки, экономическим, социальным и производственным аспектам профессиональной мотивации. Описанные проблемы требуют обобщения и реальных оценок, а пока в условиях рыночной трансформации экономики вновь идет поиск наиболее оптимальной модели профессиональной социализации медицинских кадров, сочетающей интересы государства и реалий рынка в сфере образования и профессиональной деятельности.

Подчинение труда врача требованиям рынка на фоне углубления социально-экономического неравенства, маргинализации семей, низкого уровня доступности и качества медицинской помощи в первичном звене, при медленных и противоречивых институциональных изменениях создают неблагоприятную среду для развития позитивных базовых ценностей и мотиваций профессиональной деятель-

ности. Обозначенные на современном этапе развития общества цели и способы их достижения вступают в прямое противоречие с усвоенными ранее ценностями, в том числе и профессиональными. Поэтому успешность адаптации медицинского специалиста в процессе профессиональной социализации существенно зависит от типа мотивационного поведения, усвоения ценностных установок и норм, а также уровня овладения профессиональными компетенциями. В связи с системными трансформациями в современном российском обществе и поэтапным переходом к модели рыночной экономики наиболее заметным, на наш взгляд, является мотивационный кризис в системе медицинского образования и профессионально-трудовой сфере здравоохранения.

Список литературы:

1. Вайсбург А. В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста // Профессиональная ориентация. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-protssessa-professionalnoy-sotsializatsii-spetsialista>
2. Невинная И. Врачи улетели. Выпускники медвузов не хотят работать по специальности // Российская газета. Федеральный выпуск № 203(6179). URL: <https://rg.ru/2013/09/12/mediki.html>
3. Дьяченко В. Г., Костакова Т. А., Пчелина И.В. Врачебные кадры Дальнего Востока. Виток кризиса. / Под.ред. проф. В.Г. Дьяченко. Хабаровск: Изд. ГОУ ВПО ДВГМУ, 2012. 408 с,
4. Дьяченко В. Г. Кадровый кризис, как причина провала реформ здравоохранения региона. Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России [электронный научный журнал] 2015; №2. URL: <http://www.fesmu.ru/voz/20152/2015201.aspx>.
5. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. № 3. URL:

⁵ В Минздраве рассказали, сколько выпускников отделений целевой подготовки медвузов работают по специальности. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-minzdrave-rasskazali-skolko-vypusknikov-otdeleniy-celevoy-podgotovki-medvuzov-rabotayut-po-specialnosti.html>

<https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov-strukturno-funktsionalnaya-model>

6. Кром И. А., Еругина М. В., Ковалёв Е. П., Ерёмина М. Г., Власова М. В., Долгова Е. М., Бочкарёва Г. Н. Маргинализация профессиональных групп института здравоохранения: социальный подход // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 13 (4). С. 854–856. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalizatsiya-professionalnyh-grupp-instituta-zdravooohraneniya-sotsietalnyy-podhod/viewer>

7. Максименкова А. С., Анисимова О. А. Профессиональная социализация студентов // Вестник науки и образования. 2018. №8 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov>;

8. Пличин А. В., Фадеева И. М. Профессиональная идентичность студента-медика: факторы и проблемы формирования // Огарёв-Online. 2017. №5 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-studenta-medika-factory-i-problemy-formirovaniya>

9. Мамедова Г. Б. Определение ключевых

компетенций врача общей практики // Молодой ученый. 2015. №11. С. 676–679.

10. Петрова Л. Е. Профессиональный мир врача в современном российском обществе // Социология медицины. 2015. №2. С. 53–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-mir-vracha-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve/viewer>

11. Соколов М. М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (наукометрический анализ) // Социологические исследования. 2009. №1. С. 144–152.

12. Социология профессий. Новейший социологический словарь / Состав. А. А. Грицанов и др. Мн.: Книжный Дом, 2010. С. 1061–1062.

13. Татарников М. А. Трудовая мотивация медицинских работников // Глав-Врач. 2007. № 5. С. 88–95.

14. Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. New York: Dodd Mead, 1970.

15. Freidson E. Professionalism: The Third Logic. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2001.

Библиографическое описание статьи

Байков Н. М., Литвинцева С. А. Профессиональная социализация и социальная практика в представлениях врачей и оценках населения // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 106–117. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-106-117

Nikolay M. Baykov – Doctor of Sociology, professor, chief research associate, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: nmbaikov@rambler.ru

Svetlana A. Litvintseva – senior lecturer, the chair of public health and health organization, the Far-Eastern state medical university (35, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: svetlana-litvinceva@mail.ru

Professional socialization and social practice in doctors submissions and population assessments

The article analyzes professional socialization as a process of inclusion in the medical activities, from the selection and development by students of the basic educational programs at the university to the entry of medical workers into the socio-professional structure of the society. Based on the data of the State statistics bodies and the results of sociological surveys of doctors and the population, objective and subjective factors are analyzed that cause structural and functional changes in the health system, their impact on the professional socialization of medical workers in the Far-Eastern federal district in general and the Khabarovsk territory, in particular. The problems were identified in the system of professional training of medical personnel, which caused an acute shortage of medical specialists and, as a result, a high level of dissatisfaction with the quality and accessibility of medical care.

Keywords: professional socialization, doctors, medical workers, status and social role, medical education, results of sociological research, the Far-Eastern federal district, the Khabarovsk territory.

References:

1. Weisburg A. V. Model of the process of professional socialization of a specialist *Professional'naya oriyentatsiya* [Professional orientation], 2014, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-protssessa-professionalnoy-sotsializatsii-spetsialista> (In Russian).
2. Innocent I. Doctors flew away. Graduates of medical schools do not want to work in their specialty *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], issue no. 203 (6179). URL: <https://rg.ru/2013/09/12/mediki.html> (In Russian).
3. Dyachenko V.G., Kostakova T.A., Pchelina I.V. Medical staff of the Far East. The turn of the crisis. / Ed. prof. V.G. Dyachenko. Khabarovsk: Publishing House GOU VPO DVGMU, 2012. 408 p. (In Russian).
4. Dyachenko V. G. Personnel crisis as a reason for the failure of the region's health care reforms. Bulletin of Public Health and Public Health of the Russian Far East [electronic scientific journal] 2015; No. 2. URL: <http://www.fesmu.ru/voz/20152/2015201.aspx>. (In Russian).
5. Klimenko V. A. Professional socialization of students: structural-functional model *Sotsiologicheskiiy al'manakh* [Sociological almanac], 2012, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov-strukturno-funktsionalnaya-model> (In Russian).
6. Krom I. L., Yerugina M. V., Kovaliev E. P., Eryomina M. G., Vlasova M. V., Dolgova E. M., Bochkareva G. N. Marginalization of professional groups of the institute of health care: societal an approach *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Saratov Scientific Medical Journal], 2017, no. 13 (4), pp 854–856. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalizatsiya-professionalnyh-grupp-instituta-zdravoohraneniya-sotsietalnoy-podhod/viewer> (In Russian).
7. Maksimenkova A. S., Anisimova O. A. Professional socialization of students *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of science and education], 2018, no. 8 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-sotsializatsiya-studentov> (In Russian).
8. Plychin AV, Fadeeva IM Professional identity of a medical student: factors and problems of formation. Ogaryov-Online. 2017, no. 5 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-studenta-medika-factory-i-problemy-formirovaniya> (In Russian).
9. Mamedova G.B. Determination of key competencies of a general practitioner *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2015, no. 11, pp. 676–679. (In Russian).
10. Petrova L. E. The professional world of a doctor in modern Russian society *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2015, no. 2, pp. 53–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-mir-vracha-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve/viewer> (In Russian).
11. Sokolov M. M. Russian sociologists in the international and national market of ideas (scientometric analysis) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 2009, no.1, pp. 144–152. (In Russian).
12. Sociology of professions. The latest sociological dictionary / Composition. A. A. Gritsanov and others. Mn.: Book House, 2010, pp. 1061–1062. (In Russian).
13. Tatarnikov M. A. Labor motivation of medical workers *GlavVrach* [Chief Doctor], 2007, no. 5, pp. 88–95. (In Russian).
14. Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. New York: Dodd Mead, 1970.
15. Freidson E. Professionalism: The Third Logic. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2001.

Reference to the article

Baykov N. M., Litvintseva S. A. Professional socialization and social practice in doctors submissions and population assessments // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 106–117. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-106-117

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-118-137

УДК 613.7

Е. К. Федорищева**И. А. Гареева****К. В. Косилов**

Поведенческие стратегии в отношении здоровья у студентов медицинских направлений (социологический анализ)

Целью данной работы явилось изучение взаимосвязи между поведенческими стратегиями в отношении здоровья и его объективным состоянием у студентов медицинских специальностей в свете актуальных социологических представлений о моделях здоровьесберегающего поведения. Эмпирическая часть исследования была проведена на базе Дальневосточного федерального и Тихоокеанского государственного медицинского университетов с использованием анкетирования и анализа медицинской документации. Объем выборки составил 827 студентов медицинского профиля обоих полов. Было установлено, что студенты в целом оценивают соответствие своих поведенческих стереотипов здоровьесберегающей модели в 2,7 балла по пятибалльной шкале, при определении поведенческих стратегий в качестве образца для подражания принимают поведение друзей и преподавателей университета. В процессе работы был подтвержден высокий уровень хронической заболеваемости студентов, однако согласно полученным данным, лишь несколько поведенческих стереотипов имеют корреляцию с уровнем заболеваемости средней степени: привычка к рациональному питанию, приверженность основным гигиеническим правилам, соблюдение режима сна и бодрствования. Проведенный анализ позволил высказать предположение о том, что процесс научения новым социальным практикам и формирование поведенческих стратегий в отношении здоровья и здоровьесбережения у студентов медицинских направлений сопровождается высоким уровнем подражательности значимым другим, что подтверждает важную роль копирования индивидом поведенческих установок в процессе адаптации к новым средовым условиям. Одновременно авторы не находят убедительных подтверждений представлениям о приоритетности запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты, что может быть связано со слабой склонностью к самоанализу и самооценке у молодых респондентов, обучающихся в медицинских университетах. Полученные данные, на взгляд авторов, также позволяют сделать предварительный вывод о том, что структурно-функциональный подход эффективен при изучении и интерпретации функциональных взаимосвязей между поведенческими установками студентов и средовыми институциональными факторами.

Ключевые слова: студенты медицинских специальностей, образовательное пространство, здоровьесберегающее поведение, структурно-функциональный подход, социальные процессы.

Екатерина Кирилловна Федорищева – ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России (690002, Россия, г. Владивосток, просп. Острякова, д. 2). *E-mail:* katrina.kosilova@yandex.ru

Ирина Анатольевна Гареева – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, улица Тихоокеанская, 136). *E-mail:* gar_ia@mail.ru

Кирилл Владимирович Косилов – д-р мед. наук, профессор кафедры социальных наук школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8). *E-mail:* oton2000@mail.ru

Введение. Проблемы инсоциализации студентов медицинских направлений в образовательном пространстве университета в настоящее время занимают значительное место в структуре исследовательского интереса социально-медицинского экспертного сообщества. Это обусловлено острой потребностью лечебно-профилактических учреждений Дальнего Востока России в пополнении молодыми по возрасту, но профессионально зрелыми, высококвалифицированными специалистами, а значит необходимостью повышения эффективности образовательного процесса в соответствующих высших учебных заведениях. Решение этих вопросов, очевидно, может быть связано не только с дальнейшим реформированием системы здравоохранения, устранением имеющихся диспропорций, но и повышением качества подготовки молодых специалистов, повышением уровня компетентности кадрового состава, что во многом связано с реализацией национального проекта «Здравоохранение» [Улумбекова, Калашникова, 2019. С. 17–20; Улумбекова, Прохоренко, Калашникова, Гинойн, 2019. С. 19–30; Улумбекова, 2017. С. 8–22].

Понятийный аппарат темы исследования включает ряд близких, смежных, но не идентичных конструкторов, значение которых следовало бы, на наш взгляд, оговорить заранее. Социальное поведение в профессиональной литературе последнего времени определяется, чаще всего, как совокупность общественных поведенческих процессов, взаимосвязанных с реализацией социальных и физиологических потребностей и формирующихся как ответная реакция на воздействие средовых факторов. Субъект социального поведения – это индивид или группа лиц, реагирующая на стимулы социальной или физической природы в зависимости от уровня социализации. Различия в поведении индивидов, объединенных в социальную группу, зависят как от врожденных биологических инстинктов каждого ее члена, так и приобретенных в процессе индивидуальной социализации качеств, а также определяется комплексом факторов социального взаимодействия внутри сообщества. В свою очередь, под

поведенческой стратегией принято подразумевать совокупность принятых индивидом или социальной группой норм, стереотипов и принципов, определяющих основные, базовые элементы поведения и деятельности в целом. Считается, что поведенческая стратегия включает в себя целеполагание, следование определенным принципам и стереотипам при принятии поведенческих решений и реализации определенных действий, коррекцию основных представлений о нормальном, социально-приемлемом поведенческом рисунке с учетом этических и социально-психологических особенностей определенного коммуникативного пространства. Поведенческая тактика, в отличие от стратегии, подразумевает конкретные способы поведения человека или социальной группы, реализуемые в определенных текущих условиях для достижения поставленной промежуточной цели. К поведенческим стереотипам (или шаблонам) в отношении здоровья принято относить устойчивые формы реализации поведенческих актов, «стандартные» действия, типичные формы реагирования на внешние или внутренние факторы, связанные с физическим или психологическим статусом индивида. Распространяясь в микро- или макросоциальной среде через копирование поведения, подражание значимым другим, такие формы становятся поведенческим «мейнстримом», базовым алгоритмом реагирования социальной группы на различные внешние стимулы. Наконец, под моделью поведения наиболее часто принято понимать более широкое, обобщающее понятие, теоретический конструкт, описывающий социальные взаимосвязи, закономерности их возникновения и реализации. Мотивационные модели в социологии и психологии здоровья (модели континуума) создавались, как правило, для определения предикторов асоциального поведения, связанного с негативным воздействием на коллективное или индивидуальное здоровье, однако в настоящее время активно используются при попытках теоретического обоснования инструментов влияния на формирование здоровьесберегающего поведения.

Образовательное пространство ме-

дицинского университета имеет существенные особенности, связанные с необходимостью серьезных материальных вложений, большой продолжительностью процесса обучения, высокой интенсивностью нагрузок на когнитивную сферу, необходимостью многочасового каждодневного пребывания в специализированных университетских аудиториях, оборудованных лабораторным, диагностическим, мультимедийным инвентарём, симуляторами физиологических процессов, патологоанатомическими макро- и микропрепаратами и т. д. [Алексеев, Дробот, 2014. С. 41–44; Трапезникова, Савкин, 2015. С. 104–107; Здоровье студентов..., 2012. С. 252–257]. Качество медицинского образования коррелирует с социально-бытовыми, материальными условиями, уровнем администрирования, технической оснащённостью образовательного пространства, психологическим комфортом в микро- и макросоциальной среде и множеством иных переменных [Донченко, 2015. С. 111–115]. Однако одним из наиболее значимых факторов, детерминирующих успешность образовательного процесса, по мнению экспертного сообщества, является уровень здоровья студентов, который, в свою очередь, во многом зависит от реализуемых поведенческих стереотипов. В имеющейся литературе преобладает мнение о том, что крайне высокий уровень заболеваемости в студенческой среде обусловлен не только неблагоприятными средовыми факторами, но во многом является следствием реализации негативных поведенческих моделей студента, скопированных и усвоенных уже в процессе обучения, при взаимодействии со значимыми другими в образовательном пространстве университета [Киенко, 2015; Бакаев, Болотин, 2013; Журавель, 2017. С. 241–244]. Между тем негативные поведенческие привычки имеют от 40 до 72% студентов, наиболее часто упоминаются курение, употребление напитков, содержащих кофеин в высоких дозах, алкоголя, прием психотропных препаратов, седативных средств, анксиолитиков и т.д. [Бруснева, Клименко, 2012. С. 82–86; Джураева, 2014. С. 155–160; Гареева, Соболевская, 2016. С. 127–130].

Однако достаточно часто в специальной литературе под негативными поведенческими стереотипами подразумеваются только перечисленные выше «вредные привычки», в то время как понятие здоровьесберегающего поведения и в целом поведения в отношении здоровья гораздо шире. Под здоровьесберегающим поведением (ЗСП) в социологии здоровья в настоящее время подразумеваются осознанные интеллектуальные действия, направленные на формирование поведенческих решений, а также реализация этих решений на практике [Аварханов, 2017. С. 258–264; Ивахненко, 2010. С. 30–33; Журавлева, Иванова, Ивахненко, 2012. С. 113–129]. Анализ текущей научной литературы по социологии здоровья и общественному здоровью позволяет констатировать отсутствие единого подхода как к нормативной базе, подбору инструментария, так и теоретическому осмыслению проблем поведенческих стереотипов в отношении здоровья, их влияния на уровень заболеваемости и эффективности образовательного пространства в целом. Оценка ЗСП часто ограничивается изолированным изучением физических качеств, формальных показателей физических нагрузок, наличия/отсутствия упомянутых выше негативных привычек, соблюдением рационального режима питания, сна и отдыха, и ряда других параметров. Некоторые исследователи включают в номенклатуру несколько переменных, однако не разграничивают собственно поведенческие стереотипы и факторы, с ними коррелирующие, но не тождественные [Алексеев, Дробот, 2014. С. 41–44; Бруснева, Клименко, 2012. С. 82–86; Джураева, 2014. С. 155–160]. К примеру, наличие в кампусе условий для полноценного рационального питания по умолчанию считается безусловно положительным средовым фактором, без учета особенностей организации учебного процесса (расписания) и реальных возможностей студентов воспользоваться этими условиями, реализовать на практике потенциальную возможность [Борисова, Белокурова, Лопатин, 2014. С. 21–26].

Таким образом, для исследований динамики социальных процессов, опре-

деляющих эффективность и рациональность поведенческих стратегий в отношении здоровья, в настоящее время характерны разноречивость теоретических подходов, достаточно низкий уровень унификации инструментария, весьма узкий спектр изучаемых параметров и достаточно часто характерно отсутствие интерпретации полученных результатов в контексте теоретических концептов и моделей поведения в отношении здоровья.

Выделяя определенный блок переменных, связанных, к примеру, с социально-бытовыми условиями, материальным статусом или физическим состоянием студентов, многие авторы сопоставляют их уровень с результатами обучения и на этом основании делают выводы о той или иной степени их прямого влияния на конечный результат. При этом не принимается в расчет взаимовлияние этих переменных, изменение их интенсивности в процессе обучения, снижение или повышение восприимчивости к ним студентов на разных этапах пребывания в университете. В большинстве доступных работ делается акцент на определении сравнительно легко измеряемых позиций, в то время как многие потенциально существенные, но нелинейно определяемые переменные, такие как поведенческие стереотипы в отношении здоровья, выпадают из поля зрения ряда экспертов. Между тем изучение типичных поведенческих шаблонов, их сопоставление с текущим состоянием здоровья и осмысление с позиций текущих представлений о моделях поведенческих стратегий, на наш взгляд, позволило бы во многом приблизиться к более четкому пониманию всего сложного комплекса социальных процессов, определяющих в конечном итоге успешность обучения в образовательном пространстве медицинского университета [Болотин, Миронова, Лукина, Ярчиковская, 2016. С. 18–20; Карпенко, 2012. С. 61–63].

В ранее проведенных исследованиях нами была предпринята попытка изучения значимости широкого спектра факторов, детерминирующих поведение в отношении здоровья, а также собственно поведенческих стереотипов, ассоции-

рованных с отношением к здоровью. Мы определили ряд поведенческих шаблонов, наиболее сильно коррелирующих с факторами риска для психоэмоционального состояния студентов, профессионального выгорания, успешности обучения в целом [Федорищева, 2019. С. 97–116; Кузнецов, Косилов, Байрамов, Косилова (Федорищева), Ющенко, Смирнов, 2019. С. 76–92]. Однако нерассмотренным остался вопрос о возможной корреляции наиболее сильных поведенческих стереотипов с объективным состоянием здоровья студентов медицинских специальностей, а также анализ социальных процессов, которые влияют на формирование тех или иных поведенческих шаблонов в отношении здоровья в рамках теоретических моделей здоровьесформирующего поведения. Между тем сама теоретическая база для понимания этих явлений, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем совершенствовании: данные теоретического анализа особенностей поведения студентов в отношении здоровья, его взаимосвязи с другими факторами, в том числе объективным состоянием здоровья, в контексте имеющихся моделей поведения в отношении здоровья довольно слабо представлены в текущей литературе [Билловус, Минасян, 2008. С. 68–79; Лепихина, Карпович, 2014. С. 400–403].

Методологические подходы. Одним из потенциально наиболее продуктивных и рациональных подходов к исследованию особенностей социально приемлемого, девиантного и пограничного поведения студентов вероятно является его оценка с точки зрения современных интерпретаций теории научения, восходящих к трудам Э. Торндайка, позже – Пинкера, А. Выготского, А. Бандуры, и их многочисленных последователей [Бандура, 2000; Мертон, 1992. С. 118–124; Пинкер, 2016]. В ряде работ научение новым поведенческим стереотипам при резком изменении условий жизнедеятельности, в частности, при поступлении в университет, рассматривается как естественная приспособительная реакция, адаптация к новым средовым факторам в широком смысле этого понятия [Ковалёв, 1997. С. 150–179; Хабермас, 2004. С. 303–312]. В

процессе такой адаптации происходит «соприкосновение» сформированных поведенческих установок, привычных способов реагирования на те или иные внешние раздражители с новыми средовыми факторами, включая вновь обретенных значимых других, возникновение новых социальных связей и коммуникативных возможностей. По какому пути пойдет это научение и какие формы примет адаптация – преимущественно конструктивные или негативные – зависит от множества обстоятельств.

Структурно-функциональный подход, обогащенный и дополненный современными концепциями, также является привлекательной основой изучения приспособительных поведенческих шаблонов студентов. Методология функционализма имеет глубоко проработанное и доказанное многоуровневое обоснование. Эмпирический, конкретно-научный и обобщающий, философский уровни функционализма дают возможность проследить важнейшие закономерности и ключевые взаимосвязи в социальных процессах, происходящих в микро- и макросообществах, определить значимость влияния конкретных социальных структур и институтов на динамику адаптации индивидов к средовым условиям.

Модели поведения в отношении здоровья. Наиболее проработанными в настоящее время теоретическими конструктами, описывающими поведение в отношении здоровья, являются модели «убеждений о здоровье» и «информации – мотивации – навыков», теории запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты, а также социально-когнитивная теория [Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130].

Первая из упомянутых моделей предполагает наличие шести факторов, непосредственно влияющих на здоровьесберегающее или здоровьеразрушительное поведение: воспринимаемые уязвимость, «тяжесть», выгода, препятствия, мотивация и стимулы к совершению определенных действий. Авторы модели предполагают, что комбинация различного по уровню воздействия этих переменных в конечном счете приводит к формированию той или иной поведенческой стратегии. Несмотря на ряд критических

замечаний, связанных, прежде всего, с некоторой критериальной неопределенностью факторов, модель достаточно эффективно описывает влияние потенциальных угроз и выгод на поведенческий рисунок конкретного индивида, однако вопросы, связанные с ранжированием факторов, их взаимным потенцированием или ослаблением, в настоящее время во многом остаются открытыми [Цветкова, 2011. С. 166–178].

Модель информации – мотивации – поведенческих навыков, изначально разработанная для прогноза поведенческого рисунка, связанного с ВИЧ-инфицированием, быстро приобрела популярность в связи с хорошим прогностическим потенциалом. Модель предполагает, что поведение, связанное с рисками для здоровья, формируется триадой: информация, мотивация, поведенческие стереотипы [Каплыгина, 2016. С. 143–150]. Согласно представлениям авторов, хорошо информированный (и способный осмыслить эту информацию) человек в процессе реализации имеющихся и вновь приобретаемых знаний приобретает мотивацию для изменений поведенческой модели в сторону снижения рисков для здоровья, стремится освоить более сложные, но эффективные навыки профилактики таких рисков. Кроме того, согласно этой концепции уже имеющаяся поведенческая модель предполагает существенное влияние сформированных умений и навыков, которые сами по себе имеют операционно-техническое значение, но значительно упрощают реализацию некоторых форм здоровьесберегающего поведения. Теоретическую новеллу этой модели представляют в основном две позиции. Первая допускает важное значение для принятия поведенческих решений неосведомленности о рисках для здоровья, вторая акцентирует внимание на отсутствии навыков и умений в реализации здоровьесберегающего поведения, которое может существенно исказить поведенческую стратегию индивида. В практическом плане модель относительно легко реализуема, так как активно использует доступные количественному измерению и объективизации понятия. Тем не менее, она достаточно активно критикуется в социологической литературе, прежде всего, за зна-

чительное упрощение рассматриваемых процессов и относительно узкий спектр изучаемых факторов, которые потенциально могут влиять на поведенческие решения в отношении здоровья.

Согласно теории запланированного поведения и модели убеждений о здоровье (пожалуй, наиболее подкрепленных эмпирически к настоящему времени в концепциях поведения в отношении здоровья) поведенческая стратегия индивида в отношении здоровья определяется мотивационными факторами: намерением реализовать на практике представления, убеждением о вреде и пользе определенных действий и способностью к достижению заявленных целей. Намерение осуществить то или иное действие определяется исходными или приобретенными внутренними установками, субъективными нормами и воспринимаемым поведенческим контролем, с помощью которого происходит своеобразная «калибровка» эффективности и достижимости предполагаемых действий [Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130]. С точки зрения обеих концепций, вероятность определенного поведения в отношении здоровья в значительной мере определяется оценкой возможности достижения результата: чем она выше, тем больше шансов, что индивид приступит к практическим действиям. Однако при всей востребованности и популярности этих представлений в литературе имеется большое число критических замечаний в их отношении. Многие авторы указывают на наличие своеобразного «разрыва» между намерениями и реальным поведением, который не вполне объясним только постулируемыми факторами, и говорят о вероятном наличии других переменных, требующих дальнейшего изучения.

Авторы теории субъективной ожидаемой полезности предполагают, что ожидаемый индивидом полезный эффект от сочетания всех действий, направленных на здоровьесбережение, определяет конфигурацию его поступков [Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130; Кирякова, 2015. С. 1–4]. Теория предполагает использование мультипликативного правила, подразумевающего примерное определение индивидом соотношения разных факторов по уровню их субъективной «полезности» или «вреда». Так,

осознавая, что инфаркт миокарда представляет очень серьезный риск для здоровья и жизни, индивид предполагает, что курение сравнительно редко приводит конкретно к этому результату, и может оценить суммарный риск как умеренный. Безусловно, к этой упрощенной схеме необходимо прибавить множество других важных компонентов влияния: примеры курящих всю жизнь пожилых значимых других, устойчивую привычку к курению, напротив, примеры курящих лиц, умерших от инфаркта в сравнительно молодом возрасте и т. д. Основная идея концепции и заключается в предположении о постоянном сознательном и подсознательном анализе индивидом соотношения чувственного, психоэмоционального, интеллектуального удовольствия, позитивных эмоций, получаемых от определенных действий, и возможных негативных последствиях. Некоторую неполноту концепции, связанную, как и в предыдущем случае, с относительно узким спектром и ограниченностью включаемых в анализ переменных, предлагалось дополнить понятием «уверенности» – субъективным представлением о вероятности достижения успеха и рядом других расширений. В связи с перечисленными и оставленными за рамками обсуждения недостатками в первоначальном виде теория используется редко, однако ее базовое понятие о взаимовлиянии разных факторов, коррелирующих с поведением индивида, используется многими экспертами в области социологии здоровья.

Еще одна интересная, с точки зрения понимания процессов здоровьесберегающего поведения, концепция представлена положениями теории мотивации защиты. Ее автор Р. Роджерс предложил оценивать поведение в отношении здоровья как в большей или меньшей степени адаптивную копинг-стратегию, связанную с мотивацией защиты, определяемой двумя разновекторными компонентами: оценками угроз и возможностями их преодоления [Роджерс, 2000. С. 407–429]. К первому относится определение серьезности рисков заболеваний и собственной к ним восприимчивости. Ко второму – оценка результативности адаптивного, здоровьесберегающего поведения и уверенности в своих возможностях. Если

материальный и нематериальный вклад в реализацию здоровьесберегающего поведения определяется как приемлемый, мотивация такого поведенческого рисунка усиливается, и оно полностью или частично реализуется на практике. Впрочем, проведенные метаанализы корреляции между мотивацией защиты и поведением в отношении здоровья позволили установить средний, в некоторых случаях слабый уровень детерминированности, что делает необходимым ее дальнейшее уточнение и дополнение.

Наконец, известная социально-когнитивная теория применительно к поведению в отношении здоровья предлагает считать ключевыми детерминантами такие понятия как самооффективность и ожидание результата [Мельник, 2004]. В понимании авторов и их последователей понятие самооффективности предполагает определенную убежденность, уверенность в своих силах и способности реализовать некоторые поведенческие акты. Под ожиданием результата в данном контексте исследователи подразумевают эспектацию эффекта под влиянием как средовых факторов, так и собственных поведенческих актов. Согласно теории здоровьесберегающие поведенческие стереотипы реализуются в том случае, когда индивид считает, что он в состоянии их осуществить и проконтролировать достижение конечного результата.

Анализ социологической литературы, посвященной изучению поведенческих особенностей в отношении здоровья и здоровьесбережения, позволяет предположить, что одним из наиболее валидных и «чувствительных» способов оценки этих процессов в среде студенческой молодежи может считаться структурно-функциональный подход, подразумевающий изучение функциональных зависимостей между поведенческими стандартами в отношении здоровья и структурой заболеваемости, поддержания физического и психического здоровья в рамках образовательного пространства медицинского университета. Введённый в теоретическое пространство социологических парадигм Т. Парсонсом и Р. Мертоном [Мертон, 1992, С. 118–124; Ковалёв, 1997. С. 150–179], существенно дополненный и усовершенствованный к настоящему времени отечественными

и зарубежными исследователями он позволил бы определить ключевые позиции социальных процессов, лежащих в основе формирования здоровьесберегающего поведения и подвергнуть теоретическому осмыслению взаимосвязь поведенческих стереотипов с объективным состоянием здоровья студентов. Сопоставление же полученных данных с теоретическими моделями «убеждений о здоровье», «информации – мотивации – навыков» и иными рассмотренными выше теоретическими конструктами позволило бы глубже осмыслить изучаемый процесс и, возможно, обогатить их новыми эмпирическими подкреплениями.

Проведенный краткий анализ позволил сформулировать цель данной работы: изучение взаимосвязи между поведенческими стереотипами и заболеваемостью у студентов медицинских специальностей в свете актуальных социологических представлений о моделях поведения в отношении здоровья

Материалы и методы эмпирического исследования. Прикладное исследование проведено с 01.10.2018 г. по 01.12.2019 г. в Тихоокеанском государственном медицинском университете (ТГМУ) и Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) с использованием стратифицированной по гендерному признаку рандомизации с целью обеспечения равного представительства мужчин и женщин в сравниваемых выборках. Расчет объема выборки осуществлялся с учетом дисперсии исследуемых переменных в ранее проведенных исследованиях подобного типа. Генеральная совокупность, представляющая собой студентов ДВФУ и ТГМУ, составила 29 637 человек, выборочная совокупность – 827 студентов медицинских специальностей: 407 студентов женского пола (50,1%; средний возраст 21,4 года) и 405 – мужского (49,9%; средний возраст 21,6 года). Число студентов, обучающихся на младших курсах, составило 397 (48,9%) человек, старшекурсников – 415 (51,1%), проживавших до поступления в городе 634 (78,1%), в сельской местности – 178 (21,9%). При проведении анкетирования проживали в университетских общежитиях 658 человек (81,0%), 109 (13,4%) – в семье, 45 (5,5%) – на съемных квартирах. Отклик составил 93,2%. Перед началом

исследования все респонденты получали полную информацию об анонимном характере анкетирования и письменно подтвердили свое информированное согласие на сбор данных.

Студентам, подтвердившим свое участие в исследовании, было предложено заполнить анкеты самооценки качества жизни студента вуза [Поздеева, 2008], с дополнениями авторов [Федорищева, 2019. С. 97–116; Кузнецов, Косилов, Байрамов, Косилова (Федорищева), Ющенко, Смирнов, 2019. С. 76–92]. Стандартная анкета содержит 56 вопросов, сгруппированных в блоки и связанных с социально-экономическими, демографическими, психологическими и другими факторами, влияющими на поведенческие стереотипы в отношении здоровья. Для получения данных о самих поведенческих стереотипах анкета была дополнена отдельным блоком вопросов, которые показали значимую взаимосвязь с успешностью обучения в прошлых исследованиях (режиме сна и бодрствования, труда и отдыха, наличии вредных привычек, выполнении основных гигиенических правил и требований, выполнении предписаний врача в случае заболевания, эпизодах самолечения, действиях при появлении симптомов заболеваний, самоанализа физического и психологического состояния, наличии промискуитета). Ответы ранжировались по шкале от 1 (минимальное значение) до 5 баллов. Внесение отдельным параграфом в анкету открытого вопроса о значимых других, чье поведение и поступки для респондентов являются образцовыми примерами для подражания, позволило получить данные об их влиянии на поведенческие стереотипы респондентов. При дополнении анкеты этим вопросом мы учитывали данные других исследовательских коллективов, занимавшихся близкими по тематике разработками [Бруснева, Клименко, 2012. С. 82–86; Журавлева, Иванова, Ивахненко, 2012. С. 113–129; Корниенко, Козлов, Отавина, 2016. С. 577–581; Здоровье и поведение..., 2004].

Объективное состояние здоровья студентов оценивалось по уровню заболеваемости, данные были получены из документов медицинской отчетности (Ф112у; Ф001-1/у) студенческих поликлиник после ознакомления респондентов с принципами обезличивания информации и

получения информированного согласия. Индекс коморбидности Чарлсона рассчитывался в соответствии с ранговой таблицей хронических заболеваний по листу уточненных диагнозов.

Значимость различий считалась достоверной при доверительной вероятности 95% и доверительном интервале $\pm 5\%$; значимость взаимосвязи между средними значениями переменных оценивалась при расчете коэффициента Спирмена. Уровень корреляции считался высоким в диапазоне значений $R = 0,8-1,0$, средним - $R = 0,5-0,7$. Статистическая значимость отсутствующих переменных вычислялась с использованием теста Вальда. Статистическая обработка проведена прикладной программой «Statistica 10.0».

Результаты. В 33 (4,1%) случаях при обработке анкет был выявлен дефект их заполнения, связанный преимущественно с ошибками или нечитаемыми обозначениями. Анализ полных и неполных данных по методу Вальда позволил отвергнуть гипотезу о статистической значимости различий для сравнения. В процессе исследования массива полученных данных мы не обнаружили различий между средними значениями переменных по признаку пола и возраста.

Согласно полученным данным, средняя оценка студентами обоих полов соблюдения режима сна и бодрствования оказалась равной $3,4 \pm 0,9$ баллов, наличия вредных, негативных привычек – $3,5 \pm 1,0$ балла (реверсивная оценка). Приверженность базовым гигиеническим правилам студенты оценили в $4,5 \pm 0,6$ балла, регулярность занятия физическими упражнениями – в $2,1 \pm 0,7$ балла, выполнение режима регулярного и рационального питания – в $3,2 \pm 1,0$ балла. При определении «медицинской активности» удалось выяснить, что респонденты оценивают собственные поведенческую активность при выполнении назначений врача в $2,2 \pm 0,9$ балла, деятельность по самолечению в случае заболевания в $2,9 \pm 1,2$ балла, по самоанализу физического и психологического статуса – $1,4 \pm 0,2$, по самооценке патологических симптомов при их возникновении – $3,9 \pm 0,9$. Профессиональное выгорание студенты оценили в среднем в $1,5 \pm 0,4$ балла («зеркальная» оценка), наличие промискуитета – в $0,8$

$\pm 0,4$ баллов. Средняя суммарная самооценка поведенческих стереотипов составила $2,7 \pm 0,5$ балла.

Результаты опроса, касающегося лиц, которых респонденты воспринимают как примеры для подражания, позволил установить следующее. Около 45,6% студентов стараются копировать или принимать за образец поступки и действия университетских друзей, 29,5% – лиц, с которыми они поддерживают дружеские отношения вне стен кампуса, 26,7% – преподавателей и представителей администрации университета, 15,7% – лидеров мнений, ньюсмейкеров студенческой и молодежной среды, 14,2% – родителей, другие ответы дали 10,3% респондентов. Вопрос был открытым и предполагал возможность дать более 1 ответа (сумма более 100%).

По данным анализа медицинской до-

кументации на момент исследования у 25,4% всех студентов отмечались хронические заболевания (в стадии ремиссии) желудочно-кишечного тракта, у 8,4% – респираторной, у 7,9% – нервной, у 6,9% – мочеполовой систем. Общий процент хронической соматической заболеваемости составил 59,2%, что в целом соответствует данным других авторов. Индекс коморбидности Чарлсона составил 1,4 балла, средняя частота обращаемости по заболеваниям (в год) – 1,3, число дней пропуска по болезни в год – 5,8, среднее число заболеваний – 0,6.

На рисунке 1 представлены результаты анализа корреляции между переменными, характеризующими самооценку поведенческих стереотипов в отношении здоровья, и наиболее значимыми маркерами объективного состояния здоровья: индексом коморбидности и уров-

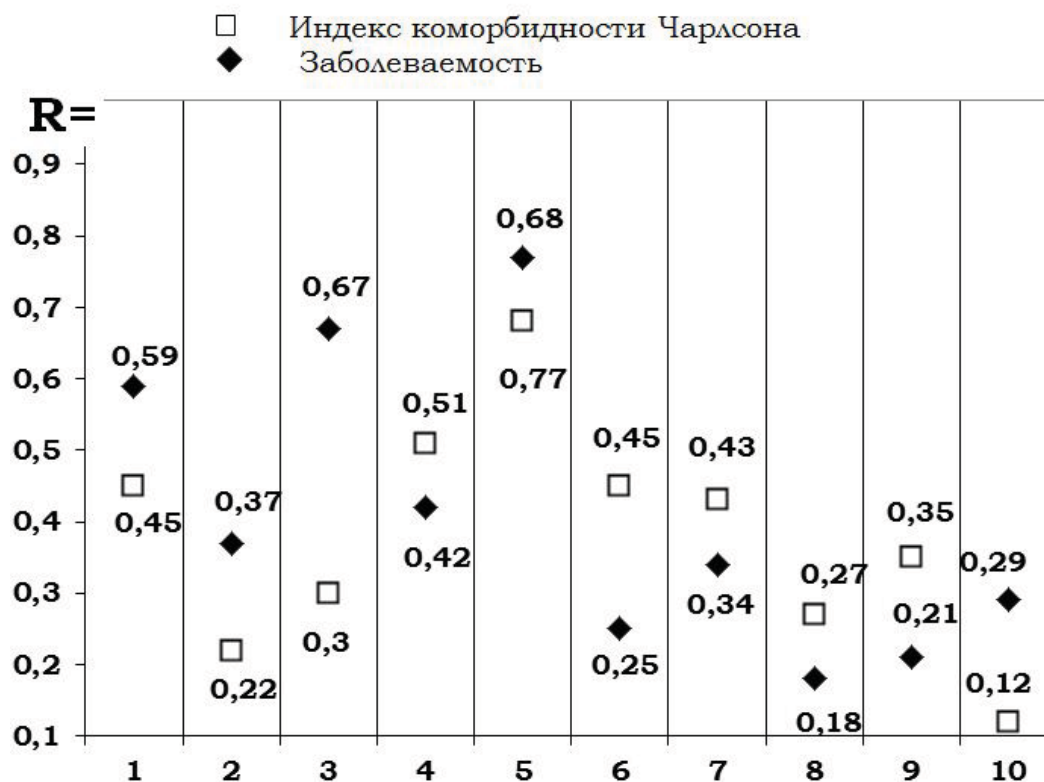

Рис. 1. Корреляция описательных переменных, характеризующих заболеваемость в студенческой среде с показателями самооценки поведенческих стереотипов ($n=827$).

Примечание. Поведенческие стереотипы:

1 соблюдение режима сна и бодрствования; 2 наличие вредных, негативных привычек; 3 приверженность базовым гигиеническим правилам; 4 регулярность занятия физическими упражнениями; 5 наличие рационального питания; 6 выполнение назначений врача; 7 самолечение; 8 самоанализ физического и психологического статуса; 9 самооценка патологических симптомов; 10 промискуитет.

нем заболеваемости.

Как видно из приведенных графических данных, ни одна из представленных переменных, количественно описывающих самооценку поведенческих стереотипов в отношении здоровья, не оказалась сильно взаимосвязана с объективными маркерами здоровья. В то же время взаимосвязь среднего уровня была отмечена у показателя заболеваемости с привычкой к рациональному полноценному питанию ($R = 0,68 \pm 0,09$; $p < 0,05$), приверженностью основным гигиеническим правилам ($R = 0,67 \pm 0,11$; $p < 0,05$), соблюдением режима сна и бодрствования ($R = 0,59 \pm 0,08$; $p < 0,05$). Корреляция среднего уровня была обнаружена между индексом коморбидности и рациональным отношением к питанию ($R = 0,77 \pm 0,13$; $p < 0,05$), наличием регулярных занятий физическими упражнениями ($R = 0,51 \pm 0,11$; $p < 0,05$).

Обсуждение результатов. Анализ массива данных, полученных в результате проведенного эмпирического исследования, позволил выяснить, что лишь немногие устойчивые поведенческие стереотипы относительно сильно коррелируют с заболеваемостью в студенческой среде. К ним можно отнести установку на полноценное рациональное питание, приверженность базовым гигиеническим правилам, соблюдение режима сна и бодрствования, регулярные занятия физическими упражнениями. Интересно, что полученные данные хорошо согласуются с результатами наших собственных исследований [Кузнецов, Байрамов, Смирнов, Косилова, Косилов, 2019. С. 10–15; Гареева, 2016. С. 275–278] и данными некоторых экспертов [Миннибаев, Мельниченко, Прохоров, Тимошенко, Архангельский, Гончарова, Мишина, Шашина 2015. С. 57–60; Новохатская, Яковлева, Калитина, 2017. С. 281–285] о взаимосвязи этих переменных с текущей и академической успеваемостью студентов медицинских университетов, а также с успешностью обучения в целом.

В то же время при ожидаемо высоких цифрах хронической заболеваемости студентов-медиков (59%) сами они достаточно высоко оценили реализацию

в повседневной жизни ряда поведенческих актов и стереотипов в отношении здоровьесбережения: судя по средним значениям оценок большинство студентов привержены базовым гигиеническим правилам, в целом придерживаются основных правил регулярного и рационального питания, сравнительно редко практикуют вредные привычки, мало подвержены профессиональному выгоранию, промискуитету. Одновременно большинство респондентов признали отсутствие склонности к рефлексии при отсутствии патологической симптоматики, точному выполнению назначений врача. В целом студенты оценили свое поведение в отношении здоровья по шкале «негативные, вредные для здоровья привычки - положительные поведенческие стереотипы» в 2,7 балла, подтвердив предположения о разнонаправленности алгоритмов поведения в отношении здоровья и наличии существенных поведенческих проблем, требующих вмешательства и коррекции со стороны педагогического и административного состава высшего учебного заведения.

Респонденты, принявшие участие в опросе, указали, что в общей сложности в 75% случаев при выстраивании собственного поведенческого рисунка ориентируются на лиц, с которыми поддерживают дружеские отношения в университете или вне его стен, еще в 16% в качестве образцов для подражания были названы лидеры мнений, ньюсмейкеры студенческой и молодежной среды, что в целом соответствует данным литературы. Достаточно неожиданным оказался результат, указывающий на то, что в 27% случаев студенты готовы принять в качестве образца для подражания преподавателей и представителей администрации университета. Объяснить эту особенность вероятно можно вспомнив специфику медицинского образования. Традиционно в процессе обучения студент-медик получает как подробную информацию о профессиональных компетенциях, так и значительный объем данных из номенклатуры общекультурных, общепрофессиональных компетенций, в том числе об авто-

ритетных ученых, исследователях, популяризаторах научного медицинского знания, врачах-подвижниках, приобщается к историческим аспектам развития медицинской науки [Алексеевко, Дробот, 2014. С. 41–44; Федорищева, 2019. С. 97–116; Кузнецов, Байрамов, Смирнов, Косилова, Косилов, 2019. С. 10–15; Гареева, 2016. С. 275–278]. Легко допустить, что научившись на первых курсах обучения с пиететом относиться к энтузиастам и первопроходцам научного подхода, лидерам научного мира, он экстраполирует их авторитет, своеобразную харизму на профессорско-преподавательский и административный состав собственного университета, принимает наиболее ярких и интересно мыслящих преподавателей в круг значимых других, начинает ориентироваться на их поведенческий стиль в качестве образца для подражания.

Впрочем, одним из наиболее существенных результатов, полученных в этой части эмпирического исследования, на наш взгляд, является не столько высокий удельный вес студентов, указавших на стремление копировать поведенческие стереотипы профессорско-преподавательского состава, сколько сам по себе факт подтверждения студентами в своих ответах высокого уровня подражательности при формировании поведенческих стратегий, ориентира на авторитетных значимых других, имитации их поведенческих стереотипов. Эти данные хорошо укладываются в представления Э. Торндайка и его последователей о социально адекватном поведении личности в новой среде как результате научения при продуктивном контакте со значимыми другими и выборе наиболее адаптивной модели поведения, позволяющей эффективно «встроиться» в новые социальные связи и взаимоотношения. В то же время они не противоречат идеям Ю. Хабермаса о коммуникативном воздействии на процесс научения (студенты подтвердили коммуникативную значимость множества социальных связей и, в первую очередь, с лицами, с которыми они поддерживают дружеские отношения), а также взглядам Г. Тарда и его современных

адептов о существенном значении подражания и копирования поведенческих установок в процессе адаптации индивида к новым условиям среды [Хабермас, 2004; Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130; Цветкова, 2011. С. 166–178].

Такая адаптация, впрочем, достигается через подражание не только безусловно позитивным образцам поведенческого опыта. Неслучайно сами респонденты оценивают свои поведенческие стереотипы весьма умеренно: примерно в половину от максимально возможных значений. Адаптируясь к новой, часто достаточно агрессивной по отношению к ним среде, они нередко перенимают асоциальные поведенческие стереотипы значимых других. Мы упоминали выше значительную притягательность для большей части респондентов поведенческих шаблонов представителей профессорско-преподавательского состава, но он может быть и деструктивным: интересный как личность, как специалист, профессионал преподаватель вполне может злоупотреблять курением, не обращать внимание на свою внешность, не следить за физическими параметрами и в таком качестве вполне может служить образцом для подражания части студенческого коллектива. Адаптация к образовательному пространству может содержать и негативные поведенческие компоненты (приобщение к вредным привычкам, нарушение режимов сна/бодрствования, труда/отдыха, питания и т. д.) в качестве своеобразной «компенсации» за избыточные интеллектуальные, психоэмоциональные, физические нагрузки. Возврат в зону психологического комфорта может обеспечиваться приобщением к деструктивной культуре разнообразных фанклубов и пабликов (оффлайн и онлайн), приемом седативных препаратов, анксиолитиков, обращением к экстремальным видам спорта и т. д. Причем в силу возраста, т. е. за счет значительных внутренних резервов, максимально эффективного за весь период жизни гомеостаза и быстрого восстановления, немедленных очевидных последствий для состояния здоровья эти поведенческие практики во многих случаях не имеют,

что позволяет негативным стереотипам закрепляться, принимать вид устойчивых поведенческих шаблонов.

Возможно также, если асоциальные, нерациональные варианты приспособления к образовательному пространству университета оказывают немедленный ощутимый эффект, то возвращающийся в зону физического и психологического комфорта индивид, хотя и отдаст себе отчет в его деструктивности или даже прямом вреде для здоровья, может подобрать в качестве оправдания своих действий, придания им видимости общепринятых практик, образец для подражания из числа значимых других, придерживающихся аналогичных поведенческих стереотипов. В этом случае взгляды на подражательность как основной и ведущий приспособительный механизм встраивания индивида в новую социальную среду университета могут быть подвергнуты некоторому сомнению. Трудно отрицать, что копирование поведенческих стереотипов играет важную роль для большинства респондентов, однако по крайней мере часть из них может использовать и обратный механизм: не прямое подражание поведенческому рисунку, а следование собственным желаниям и позывам, потакание собственным слабостям и влечениям с последующим «самооправданием» ссылками на негативные стереотипы, свойственные некоторым из значимых других [Мертон, 1992, С. 118–124; Бандура, 2000; Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130; Цветкова, 2011 С. 166–178].

В настоящем исследовании мы, подтверждая ранее артикулированные данные других авторов, выявили слабую склонность студентов к рефлексии, анализу осуществленных и планируемых действий и соотносению их с последующим среднесрочным и долгосрочным результатом. Это обстоятельство позволяет также предположить, что теории запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты, во многом точно и даже исчерпывающе описывающие и объясняющие поведенческие стереотипы зрелых людей с устоявшимися представлениями и ми-

ровоззренческими взглядами, возможно неполностью применимы к молодым людям, обучающимся в университете, с их психоэмоциональной лабильностью, неустойчивостью восприятия, поспешностью суждений, отсутствием привычки к системному анализу получаемой информации. «Включаясь» в образовательное пространство молодые люди попадают в массированный информационный поток, и приобрести навыки работы с ним, научиться сепарировать ценную информацию от мало значимой и ложной им еще только предстоит. Собственно весь процесс обучения в университете представляет собой не только накопление профессиональных компетенций и навыков, но и постепенное, с ошибками и просчетами, выстраивание собственной системы маркеров значимости получаемой информации, иерархии индикаторов достоверности данных. Осознание необходимости рефлексии, самоанализа, соотнесение собственных действий и их последствий – процесс постепенный, длительный, сопряженный с серьезной интеллектуальной работой и на первых этапах вторичной инсоциализации легко заменяемый копированием действий, поступков, решений значимых других [Рассказова, Иванова, 2015. С. 105–130; Кирякова, 2015. С. 1–4; Мельник, 2004. С. 65–66]. В этой связи предположение об анализе ожидаемой полезности того или иного поведенческого рисунка, мотивировании каких-либо действий результатами размышлений о соотношении пользы и рисков, среднесрочном и отдаленном планировании действий и поступков исходя из представлений об их «вреде» или «пользе» для здоровья именно для индивидов данного возрастного диапазона вряд ли выглядит убедительным и бесспорным. Отсутствие выраженной корреляции между большинством неосновных, «вторичных» индикаторов здоровьесберегающего поведения и объективным состоянием здоровья, которое мы выявили в процессе анализа результатов, представляется одним из подкрепляющих аргументов такого предположения. Одновременно тот факт, что такие базовые поведенческие стереотипы, как привычка к ра-

циональному питанию, основные гигиенические навыки и соблюдение режима сна-бодрствования взаимосвязаны с уровнем здоровья, на наш взгляд, могут служить дополнительным доводом в пользу модели «убеждений о здоровье», поскольку эти базовые представления несомненно формируются в семье, в школе задолго до поступления в университет и входят в своеобразную систему исходных, фундаментальных представлений о «вреде» и «пользе», относительно устойчивых к любым внешним влияниям, в том числе со стороны вновь обретенных значимых других. Безусловно, сказанное является лишь предположением, согласующимся, впрочем, с результатами корреляционного анализа между маркерами поведенческих шаблонов студентов и индикаторами объективного состояния их здоровья, и нуждается в дальнейшей проверке и уточнении, однако эта интерпретация позволила бы, при определенном развитии, лучше понять противоречия в поведенческих стратегиях студентов-медиков и, возможно, сформулировать предложения по их оптимизации.

Одновременно структурно-функциональный подход позволяет проследить очевидные функциональные взаимосвязи между «точками уязвимости» поведенческих стратегий и структурно-институциональными проблемами, свойственными образовательному пространству университета. Так, сопоставляя оценку приверженности режиму регулярного и рационального питания с материальными возможностями студентов, наличием доступных пунктов питания и обеденных перерывов в расписании занятий, мы можем предположить, что социально-экономические и административные факторы оказывают несомненное и часто негативное влияние на реальный поведенческий рисунок, искажают потенциально позитивные, «правильные» поведенческие решения [Федорищева, 2019. С. 97–116; Каплыгина, 2016. С. 143–150; Мельник, 2004. С. 65–66]. Низкая оценка регулярности занятий физическими упражнениями может быть сопряжена со слабой доступностью спортивных сооружений, клубов

и организаций, недостаточным информированием, отсутствием свободного времени из-за перегруженности учебного расписания и рядом других обстоятельств. Столь же низкая оценка поведенческой активности при выполнении назначений врача может коррелировать со слабой доступностью квалифицированной медицинской помощи, отсутствием материальных возможностей для покупки дорогостоящих лекарств, трудностью «отработки» пропущенных по болезни лекционных и семинарских занятий и т. д.

Заключение. В процессе данного исследования мы предприняли попытку определения соотношения поведенческих стратегий в отношении здоровья с его объективным состоянием у студентов медицинских университетов, а также попытались выяснить наиболее значимые для них поведенческие ориентиры в свете основных актуальных моделей здоровьесформирующего поведения. На основании полученного эмпирического материала предполагалось также оценить: какие из наиболее разработанных, актуальных в настоящее время моделей поведения в отношении здоровья могут оказаться оптимальными для понимания особенностей приспособительного поведения данной категории лиц.

Было установлено, что студенты в среднем оценивают соответствие своих повседневных поведенческих стереотипов здоровьесберегающей модели в 2,7 балла из пяти возможных. Наиболее близко к эталонному были оценены такие шаблоны поведения в отношении здоровья как приверженность базовым гигиеническим правилам, соблюдение режима сна и отдыха, самооценка патологических симптомов при возникновении заболевания, выполнение режима рационального питания; низкую оценку получили регулярные физические нагрузки, самоанализ физического и психологического статуса и ряд других элементов повседневного поведения. Согласно полученным данным студенты медицинских направлений при формировании «линии поведения» наиболее часто принимают за образец и копируют поведение друзей, преподавателей

университета, значительно реже – лидеров мнений и родителей. Исследование подтвердило высокий уровень хронической заболеваемости студентов. Мы выяснили также, что лишь немногие из «стандартных» поведенческих предпочтений взаимосвязаны с уровнем заболеваемости. Среди них привычка к рациональному питанию, приверженность основным гигиеническим правилам, соблюдение режима сна и бодрствования.

Анализ эмпирических данных, полученных в процессе работы, позволил сделать вывод, что процесс научения новым социальным практикам и формирование поведенческих стратегий в отношении здоровья, являющихся частью адаптационного механизма к новой социальной среде, сопровождается копированием поведенческих стереотипов значимых других и, прежде всего, лиц, с которыми студенты поддерживают дружеские отношения, а также преподавателей университета. Полученные данные о том, что подражательность, имитационные модели в отношении здоровья имеют важное адаптационное значение в студенческой среде, хорошо согласуются с представлениями последователей Г. Тарда о роли копирования индивидом поведенческих установок в процессе адаптации к новым средовым условиям. В то же время мы не нашли подтверждения тезисам, представленным в ряде теорий и моделей поведения в отношении здоровья, о приоритетности запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты, что, вероятно, связано со слабой рефлексией у молодых респондентов-обучающихся в медицинских университетах.

Одновременно полученные данные позволяют сделать предположение о том, что структурно-функциональный подход делает возможным выявление и интерпретацию ряда функциональных взаимосвязей между поведенческими установками студентов и средовыми институциональными факторами, что облегчает понимание процессов адаптации студентов к образовательному пространству медицинского вуза.

Авторы отдают себе отчет, что про-

веденное исследование несвободно от ограничений и упрощений. Номенклатура рассмотренных поведенческих стереотипов, безусловно, не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшем расширении. Регрессионный анализ позволил бы провести отбор наиболее значимых факторов вне зависимости от корреляции с объективным уровнем заболеваемости: эти данные явились бы самоценными и позволили бы приблизиться к более четкому пониманию закономерностей «встраивания» студентов в университетский микросоциум. В дизайн исследования не вошло и построение двух- или многокомпонентной модели, описывающей процессы адаптации студентов с позиций структурно-функционального подхода.

Тем не менее результаты этой работы, на наш взгляд, могут быть интересны социологам, занимающимся проблемами адаптации студентов к образовательному пространству университета; психологам, изучающим поведенческие стереотипы в студенческой среде; педагогам высшего образования; врачам-организаторам и иным специалистам, исследующим здоровьесберегающее и здоровьедеформирующее поведение в студенческой среде.

Основные векторы коррекции поведения в отношении здоровья:

- высокий уровень подражательности и незначительная рационализация поведения позволяют сделать предположение о высокой эффективности в формировании здоровьесберегающего поведения студентов через интерактивные коммуникативные площадки типа Твиттер, Инстаграм, Телеграм, Вконтакте, Фейсбук и другие средства донесения позитивного месседжа здорового образа жизни;

- акцентуация внимания студентов медицинских направлений на позитивных поведенческих примерах профессорско-преподавательского состава медицинского университета, продвижение в пабликах и коммуникативных платформах лидеров общественного мнения, реализующих здоровьесберегающее поведение и одновременно имеющих в молодёжной студенческой среде

притягательные для копирования черты, конфигурацию личностных качеств;

- формирование и активное использование технических средств для получения обратной связи, контроля и анализа преобладающих в студенческой среде поведенческих стереотипов и моделей поведения;

- позитивное и негативное административное реагирование на прецеденты здоровьесберегающего и деструктивного в отношении здоровья поведения в студенческой среде, использование принципа неотвратимости поощрения и взыскания за определенные поведенческие акты в образовательном пространстве медицинского университета;

- повышение эффективности «управления комфортом», в том числе бытовым, в образовательной среде вуза.

Список литературы:

1. Аварханов М. А. Технология формирования здоровьесберегающего поведения студентов в процессе физического воспитания в вузе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2017. № 2. С. 258–264.

2. Алексеенко С. Н., Дробот Е. В. Категории жизнестойкости и качества жизни у студентов медицинского вуза в сопряженности с самооценкой здоровья // Земской врач. 2014. № 2 (23). С. 41–44.

3. Бакаев В. В., Болотин А. Э. Показатели готовности студентов к здоровьесберегающему поведению // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 12 (106). С. 36–39.

4. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

5. Билоус В. К., Минасян А. А. Установки молодежи на здоровьесберегающее поведение // Создание условий в учебных заведениях высшего профессионального образования, обеспечивающих охрану и укрепление физического, психологического и социального здоровья обучающихся, формирование устойчивой мотивации на здоровье и здоровый образ жизни: мат. межвуз. Науч.-практ. конференции. Шахты, 2008. С. 68–79.

6. Болотин А. Э., Миронова О. В.,

Лукина С. М., Ярчиковская Л. В. Содержательные и организационные аспекты формирования навыков здорового образа жизни у студентов вузов // Теория и практика физической культуры. 2016. № 6. С. 18–20.

7. Борисова А. М., Белокурова Е. С., Лопатин С. А. Здоровьесберегающие технологии – как профилактические меры по сохранению и укреплению здоровья студентов вузов // Безопасность жизнедеятельности, 2014. № 8. С. 21–26.

8. Бруснева В. В., Клименко Т. В. Значимые факторы и условия жизни, влияющие и формирующие состояние здоровья студенческой молодежи города Ставрополя // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2012. № 3. С. 82–86.

9. Гареева И. А., Соболевская Т. В. Роль социальных барьеров в формировании стратегий поведения в отношении здоровья у студентов // Материалы секционных заседаний 56-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 127–130.

10. Гареева И. А. Социальные барьеры современной системы здравоохранения // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 25 апр. 2016 г.): в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 275–278.

11. Джураева Н. С. Здоровье, здоровьесберегающее поведение и качество жизни студентов. Модели, системы, сети в экон. техн. природе и о-ве. 2014. № 3. С. 155–160.

12. Донченко В. И. Структурная модель обучения студентов-медиков здоровьесберегающим технологиям // Концепт. 2015. № 10 (октябрь). С. 111–115.

13. Журавель В. В. Поведенческие факторы здоровья студенческой молодежи // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сб. докладов V Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных; в 3-х т. / отв. ред. С. Н. Борисов, И. Е. Белогорцева, В. С. Игнатова, Е. В. Бронникова. Белгород, 2017. С. 241–244.

14. Журавлева И.В., Иванова Л.Ю., Ивахненко Г.А. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья // Вестник института социологии. 2012. № 6. С. 113–129.

15. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И. В. Журавлева. Институт социологии РАН. М., 2012. С. 252–257.

16. Здоровье и поведение школьников: Социально-педагогический мониторинг здоровья, физической активности и образа жизни школьников: Уральский федеральный округ / Сост. А. И. Федоров, С. Б. Шарманова. – Челябинск: УралГАФК, ЧГНОЦ УрО РАО, 2004. – 88 с.

17. Ивахненко Г. А. Здоровьесберегающие технологии – как профилактические меры по сохранению и укреплению здоровья: социологический анализ // Социология медицины, 2010. № 1. С. 30–33.

18. Карпенко Ю. Д. Динамика функционального состояния и адаптационных процессов у студентов // Гигиена и санитария. 2012. № 4. С. 61–63.

19. Капылыгина И.И. Теоретические аспекты исследования воздействия информационно-образовательного пространства на здоровье и поведение человека // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2016. №14 (235). С. 143–150.

20. Кирякова Н.И. Теория ожидаемой полезности // Академия. 2015. № 3(3). С. 1–4.

21. Киенко Т. С. Институциональные и не-институциональные факторы формирования здоровьесберегающего поведения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1443.

22. Ковалёв А. Д. Формирование теории действия Тэлкотта Парсонса // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т. 3. М.: Канон, 1997. С. 150–179.

23. Корниенко Д. С., Козлов А. И., Отавина М. А. Взаимосвязь самооценок здоровья и психологического благополучия у практически здоровых и имеющих хронические заболевания молодых людей // Гигиена и санитария, 2016. № 6. С. 577–581.

24. Кузнецов В. В., Косилов К. В., Байрамов Р. А., Косилова (Федорищева) Е. К., Ющенко Н. И., Смирнов Е. А. Новый ин-

декс здоровьесберегающего поведения. Новый индекс здоровьесберегающего поведения студентов // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10 (4). С. 76–92.

25. Кузнецов В. В., Байрамов Р. А., Смирнов Е. А., Косилова Е. К., Косилов К. В. Взаимосвязь самооценки состояния здоровья и уровня заболеваемости с академической успеваемостью у студентов старших курсов медицинских специальностей с учетом влияния социально-экономических и демографических характеристик. Медицинский альманах. 2019. № 5–6. С. 10–15.

26. Лепихина Т. А., Карпович Ю. В. Анализ факторов, формирующих здоровьесберегающее поведение работников // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–2. С. 400–403.

27. Мельник С.Н. Психология личности. Владивосток: Дальневосточный государственный университет. 2004. С. 65–66.

28. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2–4. С. 118–124.

29. Миннибаев Т. Ш., Мельниченко П. И., Прохоров Н. И., Тимошенко К. Т., Архангельский В. И., Гончарова Г. А., Мишина С. А., Шашина Е. А. Изучение влияния условий и организации обучения на показатели успеваемости и здоровья студентов // Гигиена и санитария, 2015. № 4. С. 57–60.

30. Новохатская Э. А., Яковлева Т. П., Калитина М. А. Заболеваемость студентов, обусловленная характером питания в современных условиях обучения // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2017. № 5. С. 281–285.

31. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу. Пер. с англ. Изд. 2, испр. 2016. 560 с.

32. Поздеева Т. В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: дис. докт. мед. наук: 14.00.33: защищена 09.09.2008 / Поздеева Татьяна Васильевна. М., 2008. 340 с. – Библиогр: с. 57–58, Приложения 1, 2.

33. Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю.

Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.

34. Роджерс Р. В. Мета-анализ исследований по теории мотивации защиты. Журнал прикладной социальной психологии. 2000. № 30 (2). С. 407–429.

35. Трапезникова М. В., Савкин В. В. Мониторинг и прогнозирование психофизиологического статуса и успеваемости студенток I–II курса медицинского вуза // Гигиена и санитария. 2015. № 1. С. 104–107.

36. Улумбекова В. Г., Калашникова А. В. Факты о бюджете здравоохранения РФ на 2018–2020 года. ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. № 4. С. 17–20.

37. Улумбекова Г. Э., Прохоренко Н. Ф., Калашникова А. В., Гинойан А. Б. Системный подход к достижению общенациональной цели по увеличению ожидае-

мой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году. Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12(2). С. 19–30.

38. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России: итоги деятельности 2012–2016 гг. Неотложные меры в 2017–2018 гг. ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2017. № 1. С. 8–22.

39. Федорищева Е. К. Комплексная оценка здоровьесберегающего поведения студентов медицинских специальностей и направления его оптимизации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 97–116.

40. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (Фрагменты) — Пер. А. Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество: журнал. 2004. № 1 (21). С. 303–312.

41. Цветкова Л. А. Социально-психологические теории формирования аддикций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 166–178.

Библиографическое описание статьи

Федорищева Е. К., Гареева И. А., Косилов К. В. Поведенческие стратегии в отношении здоровья у студентов медицинских направлений (социологический анализ) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 118–137. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-118-137

Ekaterina K. Fedorishcheva – assistant, the chair of public health and Health, FGBOU VO «The Pacific state medical university of the Ministry of Health of Russia» (2, Ostryakov Avenue, Vladivostok, 690002, Russia). E-mail: katrina.kosilova@yandex.ru

Irina A. Gareeva – Doctor of Sociology, Associate Professor, the chair of social work and psychology, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). E-mail: gar_ia@mail.ru

Kirill V. Kosilov – Doctor of Medicine, Professor, the chair of social sciences, the School of arts and humanities, the Far-Eastern Federal University (8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690091, Russia). E-mail: oton2000@mail.ru

Behavioral health strategies by the students of medical directions (sociological analysis)

This work studies the relationship between behavioral strategies in relation to health and its objective state among the students of medical specialties in the light of current sociological ideas about the models of health-saving behavior. The empirical part of the study was conducted on the basis of the Far-Eastern Federal and Pacific State Medical University using questionnaires and analysis of medical documentation. There were 827 medical students of both sexes. It was found that students generally assess the compliance of their behavioral stereotypes of the health-saving model with 2.7 points, while determining behavioral strategies as a role model they take the behavior of friends and the university professors. In the process of work, a high level of students' chronic morbidity was confirmed however, according to the data obtained, only a few behavioral stereotypes correlate with the average

morbidity level: a habit of good nutrition, commitment to the basic hygiene rules, adherence to sleep and wakefulness. The analysis made it possible to suggest that the process of learning new social practices and the formation of behavioral strategies in relation to health and health protection among the students of medical directions is accompanied by a high level of imitation by significant others, which confirms the important role of copying behavioral by an individual installations in the process of adaptation to the new environmental conditions. At the same time, the authors do not find convincing evidence of the priority of planned behavior, the subjective expected utility, the motivation for protection, which may be due to the weak propensity for introspection and self-esteem among the young respondents studying at the medical universities. According to the authors, the obtained data also allow us draw a preliminary conclusion that the structural-functional approach is effective in studying and interpreting the functional relationships between the students' behavioral relations and environmental institutional factors.

Keywords: students of medical specialties, educational space, health-saving behavior, health-related behaviors, structural and functional approach, social processes.

References:

1. Avarkhanov M. A. Technology of formation of health-saving behavior of students in the process of physical education at a university *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy], 2017, no. 2, pp. 258–264. (In Russian).
2. Alekseenko S. N., Drobot E. V. Categories of vitality and quality of life in students of a medical university in conjunction with a self-esteem of health *Zemskoy vrach* [Zemsky doctor], 2014, no. 2 (23), pp. 41–44. (In Russian).
3. Bakaev V. V., Bolotin A. E. Indicators of students' readiness for health-saving behavior *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Uchenye Zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft], 2013, no. 12 (106), pp. 36–39. (In Russian).
4. Bandura A. Theory of social learning. SPb.: Eurasia, 2000. 320 p. (In Russian).
5. Bilovus V.K., Minasyan L.A. Attitudes of youth towards health-preserving behavior. Creation of conditions in educational institutions of higher professional education, ensuring the protection and strengthening of the physical, psychological and social health of students, the formation of sustainable motivation for health and a healthy lifestyle: mat. inter-university. Scientific Pract. conferences. Shakhty, 2008, pp. 68–79. (In Russian).
6. Bolotin A. E., Mironova O. V., Lukina S. M., Yarchikovskaya L. V. Content and organizational aspects of the formation of healthy lifestyle skills in university students *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2016, no. 6, pp. 18–20. (In Russian).
7. Borisova L. M., Belokurova E. S., Lopatin S. A. Health-saving technologies - as preventive measures to preserve and strengthen the health of university students *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti* [Life safety], 2014, no. 8, pp. 21–26. (In Russian).
8. Brusneva V.V., Klimenko T.V. Significant factors and living conditions that influence and shape the state of health of students of the city of Stavropol *Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza* [Medical Bulletin of the North Caucasus], 2012, no. 3, pp. 82–86. (In Russian).
9. Gareeva I. A., Sobolevskaya T. V. The role of social barriers in the formation of strategies of behavior in relation to health among students // Materials of sectional sessions of the 56th student scientific-practical conference PNU: in 2 volumes. V. 2. Khabarovsk: PNU Publishing House, 2016, pp. 127–130. (In Russian).
10. Gareeva IA Social barriers of the modern health care system // Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: materials of the international. scientific and practical conf. (Khabarovsk, April 25, 2016): in 2 volumes T. 2. Khabarovsk: Publishing house of Pacific national university, 2016, pp. 275–278. (In Russian).

11. Dzhuraeva NS Health, health-preserving behavior and quality of life of students. Models, systems, networks in the economy. tech. nature and island. 2014, no. 3, pp. 155–160. (In Russian).

12. Donchenko VI Structural model of teaching health-saving technologies to medical students *Kontsept* [Concept], 2015, no. 10 (October), pp. 111–115. (In Russian).

13. Zhuravel VV Behavioral health factors of student youth // Cultural trends of modern Russia: from national sources to cultural innovations: collection of books. reports of the V All-Russia. (with international participation) scientific-practical. conf. students, undergraduates, graduate students and young scientists; in 3 tons / hole ed. S. N. Borisov, I. E. Belogortseva, V. S. Ignatova, E. V. Bronnikova. Belgorod, 2017, pp. 241–244. (In Russian).

14. Zhuravleva I.V., Ivanova L.Yu., Ivakhnenko G.A. Students: behavioral risks and value orientations in relation to health *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2012, no. 6, pp. 113–129. (In Russian).

15. Health of students: sociological analysis / Otv. ed. I. V. Zhuravleva. Institute of Sociology RAS. M., 2012, pp. 252–257. (In Russian).

16. Health and behavior of schoolchildren: Socio-pedagogical monitoring of health, physical activity and lifestyle of schoolchildren: Ural Federal District / Comp. A.I. Fedorov, S. B. Sharmanova. Chelyabinsk: UralGAFK, ChGNOTS URO RAO, 2004.– 88 p. (In Russian).

17. Ivakhnenko G. A. Health-saving technologies – as preventive measures to maintain and promote health: a sociological analysis *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2010, no. 1, pp. 30–33. (In Russian).

18. Karpenko Yu. D. Dynamics of functional state and adaptation processes in students *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2012, no. 4, pp. 61–63. (In Russian).

19. Kaplygina I.I. Theoretical aspects of the study of the impact of information and educational space on human health and behavior *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Scientific statements. Series Humanities], 2016, no. 14 (235), pp. 143–150. (In Russian).

20. Kiryakova N.I. expected utility theory. Academy. 2015: 3 (3), pp. 1–4. (In Russian).

21. Kienko TS Institutional and non-institutional factors in the formation of health-preserving behavior *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1–1, pp. 14–43. (In Russian).

22. Kovalev AD Formation of the theory of action by Talcott Parsons *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii* [History of theoretical sociology], vol. 3. M.: Canon, 1997, pp. 150–179. (In Russian).

23. Kornienko D. S., Kozlov A. I., Otavina M. L. The relationship between self-assessments of health and psychological well-being in practically healthy and chronically ill young people *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2016, no. 6, pp. 577–581. (In Russian).

24. Kuznetsov V. V., Kosilov K. V., Bayramov R. A., Kosilova (Fedorishcheva) E. K., Yushchenko N. I., Smirnov E. A. New index of health-preserving behavior. New index of students' health-preserving behavior *Meditinskoye obrazovaniye i professional'noye razvitiye* [Medical education and professional development], 2019, vol. 10 (4), pp. 76–92. (In Russian).

25. Kuznetsov V. V., Bayramov R. A., Smirnov E. A., Kosilova E. K., Kosilov K. V. The relationship of self-assessment of health status and the level of morbidity with academic performance in senior students of medical specialties, taking into account the influence socio-economic and demographic characteristics *Meditsinskiy al'manakh* [Medical almanac], 2019, no. 5–6, pp. 10–15. (In Russian).

26. Lepikhina TL, Karpovich Yu. V. Analysis of factors that form the health-preserving behavior of workers *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 8–2, pp. 400–403. (In Russian).

27. Miller S.N. Psychology of Personality. Vladivostok: Far Eastern State University. 2004, pp. 65–66. (In Russian).

28. Merton RK Social theory and so-

cial structure *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 1992, no. 2-4, pp. 118–124. (In Russian).

29. Minnibaev T. Sh., Melnichenko P. I., Prokhorov N. I., Timoshenko K. T., Arkhangelsky V. I., Goncharova G. A., Mishina S. A., Shashina E. A. the influence of the conditions and organization of training on the indicators of progress and health of students *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2015. no. 4, pp. 57–60. (In Russian).

30. Novokhatskaya E. A., Yakovleva T. P., Kalitina M. A. Morbidity of students due to the nature of nutrition in modern learning conditions *Problemy sotsial'noy gigiyeny i istoriya meditsiny* [Problems of social hygiene and history of medicine], 2017, no. 5, pp. 281–285. (In Russian).

31. Pinker S. Substance of thinking: language as a window into human nature. Per. from English Ed. 2, rev. 2016. 560 p.

32. Pozdeeva T. V. Scientific substantiation of the concept and organizational model of the formation of health-preserving behavior of student youth: dis. Doct. honey. Sciences: 14.00.33: 09.09.2008 / Pozdeeva Tatyana Vasilievna is protected. M., 2008. 340 p. Bibliography: pp. 57–58, Appendices 1, 2. (In Russian).

33. Rasskazova E. I., Ivanova T. Yu. Motivational health behaviors: the problem of the “gap” between intention and action *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2015, vol. 12, no. 1, pp. 105–130. (In Russian).

34. Rogers R.V. Meta-analysis of research on defense motivation theory *Zhurnal prikladnoy sotsial'noy psikhologii* [Journal of Applied Social Psychology], 2000, no. 30 (2), pp. 407–429. (In Russian).

35. Trapeznikova MV, Savkin VV Mon-

itoring and predicting the psychophysiological status and academic performance of I – II year medical students *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and sanitation], 2015, no. 1, pp. 104–107. (In Russian).

36. Ulumbekova V. G., Kalashnikova A. V. Facts about the RF healthcare budget for 2018–2020 *RGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniye. Vestnik VSHOUZ*. [ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of VSHOUZ], 2019, no. 4, pp. 17–20. (In Russian).

37. Ulumbekova G. E., Prokhorenko N. F., Kalashnikova A. V., Ginoyan A. B. Systematic approach to achieving the national goal of increasing life expectancy to 78 years by 2024 *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right], 2019, no. 12 (2), pp. 19–30. (In Russian).

38. Ulumbekova G.E. Healthcare of Russia: the results of 2012–2016. Urgent actions in 2017–2018 *RGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniye. Vestnik VSHOUZ*. [ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of VSHOUZ], 2017, no. 1, pp. 8–22. (In Russian).

39. Fedorishcheva EK Comprehensive assessment of health-preserving behavior of students of medical specialties and the direction of its optimization *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2019, no. 3 (88), pp. 97–116. (In Russian).

40. Habermas J. Theory of communicative action (Fragments). Per. A.B. Rakhmanova *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo: zhurnal* [Personality. The culture. Society: magazine], 2004, no. 1 (21), pp. 303–312. (In Russian).

41. Tsvetkova L. A. Socio-psychological theories of the formation of addictions *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2011, no. 2, pp. 166–178. (In Russian).

Reference to the article

Fedorishcheva E. K., Gareeva I. A., Kosilov K. V. Behavioral health strategies by the students of medical directions (sociological analysis) // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 118–137. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2- 118-137

В. В. Зубков

Сегментированный рынок труда в контексте демографической ситуации и социологическом измерении

***В** статье представлен социологический взгляд на теорию сегментированного рынка труда Майкла Пиоре на основе анализа сложившейся демографической ситуации в дальневосточных регионах страны, в частности, в Хабаровском крае, свидетельствующей об увеличении темпа сокращения населения и увеличении объемов использования иностранной рабочей силы в регионе. На основе анализа результатов социологических исследований, а также личных наблюдений охарактеризован сегмент рынка труда, в котором активно используется иностранная рабочая сила, определена мотивация иностранных граждан на труд. Социологический анализ настроений местного населения в отношении к трудовым мигрантам свидетельствует о готовности местного населения к интеграции мигрантов в региональное сообщество.*

Ключевые слова: миграция, мигранты, международная миграция, иностранная рабочая сила, рынок труда, Хабаровский край, региональное сообщество, теория сегментированного рынка труда М. Пиоре.

Демографическая ситуация в дальневосточных регионах страны как фактор «выталкивания» местного населения и «притяжения» иностранных граждан. Современная демографическая ситуация на Дальнем Востоке России продолжает развиваться по негативному сценарию, обусловленному сложной социально-экономической и демографической обстановкой в большинстве субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Хотя, благодаря мерам, реализуемым на федеральном и региональном уровнях, естественный прирост имеет место, но из-за миграционного оттока численность населения округа продолжает сокращаться. [Трудовые мигранты..., 2015. С. 90]. В ближайшие годы также не стоит надеяться на улучшение демографической ситуации в округе, учитывая увеличение темпов демографического старения населения макрорегиона и сокращения численности женщин активного репродуктивного возраста. Это приведет к снижению темпов естественного воспроизводства населения, что уже от-

мечается в настоящее время (табл. 1).

Особенностью демографических процессов, происходящих в Хабаровском крае, является не только сокращение численности постоянного населения, молодежи и трудоспособного населения, но также изменения в этническом и национальном составе за счет активного использования иностранной рабочей силы, что оказывает значительное влияние на социальную структуру регионального общества. Так, на протяжении последних пяти лет миграционное сальдо международной миграции Хабаровского края с другими странами – положительное, что свидетельствует о превышении доли иммигрантов над эмигрантами (табл. 2).

Таким образом, в настоящее время международная миграция частично компенсирует потери населения края в обмене с регионами России. В свою очередь, снижение миграционной убыли населения и формирование «нулевого сальдо» миграции должны стать важнейшими индикаторами эффективности демографической и социально-экономической политики в крае.

Владимир Владимирович Зубков – канд. социол. наук, старший преподаватель кафедры публичного и частного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: zubkovvv89@mail.ru

Таблица 1

**Динамика численности населения
Дальневосточного федерального округа в 2000–2019 гг.***

Структура населения	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.
Численность населения, чел.**	<u>6 913 279</u> (100,0%)	<u>6 537 601</u> (94,6%)	<u>6 319 776</u> (91,4%)	<u>6 251 496</u> (90,4%)	<u>6 194 969</u> (89,6%)	<u>6 139 565</u> (88,8%)
Численность населения трудоспособного возраста, чел.***	<u>4 504 545</u> (65,2%)	<u>4 321 924</u> (66,1%)	<u>4 222 184</u> (66,8%)	<u>4 135 247</u> (66,1%)	<u>3 990 938</u> (64,4%)	<u>3 915 362</u> (63,7%)

Источник: Общая численность населения субъектов Дальневосточного федерального округа: [Электронный ресурс]. URL: <https://численность-населения.рф/дальневосточный-федеральный-округ>.

* данные о численности населения Дальневосточного федерального округа представлены без учета населения Республики Бурятия и Забайкальского края;

** в числителе – численность населения, чел., в знаменателе – % рассчитан от численности населения по сравнению с 2000 г.;

*** в числителе – численность населения, чел., в знаменателе – %, доля от общей численности населения соответствующего года.

Таблица 2

Итоги миграции населения Хабаровского края (2015 – 2019 гг.), чел.

Структура миграции	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Миграционный прирост (убыль) населения, т.ч.:	–4 927	–1 586	–3 690	–4 931	–2 711
Миграционное сальдо международной миграции	1 914	2 867	463	–761	554

Источник: «Общие итоги миграции населения Хабаровского края»: [Электронный ресурс]. URL: http://habstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat/population/; «Общие итоги миграции населения Хабаровского края за 2019 г.»: [Электронный ресурс]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25028>.

Вместе с тем основной мотив для территориального обмена населением обусловлен столкновением структурных потребностей современных индустриальных экономик. Качественный анализ миграционного обмена позволяет сделать вывод о том, что положительное миграционное сальдо взаимодействия Хабаровского края со странами СНГ и другими зарубежными странами свидетельствует о наличии возможностей у мигрантов для трудоустройства в «принимающем» регионе. Однако, в большинстве своем, востребованность данной категории лиц на рынке труда имеется лишь на работы низкой квалификации, без предоставления социальных гарантий и оформления должным образом трудовых отношений.

Данная ситуация находит свое объ-

яснение в теории сегментированного рынка труда Майкла Пиора [Piore, 1979], согласно которой местное население не готово работать в различных сферах экономики, труда и занятости, для которых характерны низкая оплата труда, отсутствие социальных гарантий, а также значительных возможностей карьерного роста. Данный сегмент рынка замещается приезжими, имеющими низкую квалификацию и меньшую притязательность при выборе места работы, чем местное население. Они могут быть трудоустроены без разрешения на работы, востребованы для малоквалифицированного труда и имеют низкие зарплатные запросы.

Таким образом, на первый план выходят проблемы, обусловленные качественными изменениями в демографической

ситуации за счет увеличения международного миграционного обмена, что актуализирует вопросы социокультурной адаптации прибывающих иностранных граждан к социально-экономическим условиям Хабаровского края и Дальнего Востока России в целом для органов власти, гражданского общества и бизнеса [Зубков, 2020. С. 81].

Сущность миграции и мотивация иностранных граждан в контексте теории сегментированного рынка труда. В большинстве зарубежных и отечественных теорий миграции заметно стремление к пониманию и объяснению мотивов миграционного перемещения, которые при более детальном рассмотрении, имеют экономическую подоплеку без чета социокультурных аспектов. Вместе с тем их анализ показывает, что теории являются не альтернативными, а комплементарными, т. е. взаимодополняющими друг друга в понимании процессов миграции. Среди экономических теорий миграции, предметом изучения которых выступают именно территориальные перемещения иностранной рабочей силы, стоит отметить следующие:

- теория факторов миграции Э. Ли, в рамках которой миграция принимается как перемещение людей под воздействием факторов выталкивания/притяжения;

- неоклассическая теория миграции М. Фридмана, П. Самуэльсона, которая определяет миграцию как результат разницы в спросе и предложении на рынке труда за счет различий в уровне дохода между территориями въезда и выезда;

- теория сегментированного рынка труда М. Пиора, в соответствии с которой в развитых странах сегмент низкоквалифицированной рабочей силы замещается в основном мигрантами из бедных стран.

Учитывая географическое и геополитическое положение Хабаровского края, а также результаты социологических исследований в регионе об использовании иностранной рабочей силы, стоит отметить особую актуальность представленных теорий для объяснения происходящих в нем миграционных процессов.

Как было ранее отмечено, жители ре-

гиона встречаются с иностранной рабочей силой в общественном транспорте, в магазинах и на рынках, при проведении работ по уборке и благоустройству территории, при ремонте жилья или автотранспорта, в сфере общепита и т. д. [Зубков, 2020. С. 81]. Пространство трудового взаимодействия активно дополняется различными практиками повседневных взаимоотношений трудовых мигрантов и местных жителей в сфере торговли продуктами питания и предметами быта. Местные жители покупают у мигрантов как выращиваемые ими в сельской местности края, так и привозные продукты питания.

Таким образом, результаты социологических исследований, а также личных наблюдений позволяют с уверенностью охарактеризовать сегмент рынка труда, в котором активно используется иностранная рабочая сила, что подтверждается теоретическими воззрениями Майкла Пиора об особенностях территориальных перемещений мигрантов, обусловленных потребностью принимающих стран в иностранной рабочей силе. В рамках теории международная миграция рассматривается как результат постоянного спроса на иностранную рабочую силу, характерного для экономически развитых стран [Алиев, 2013, С. 148].

Следовательно, иммиграция обусловлена не выталкивающими факторами (низкая заработная плата и высокая безработица) в странах проживания, а притягивающими факторами (потребность в иностранной рабочей силе) в принимающих странах [Мелконян, 2015. С. 148]. По мнению Майкла Пиоре [Piore, 1979], распределение мигрантов в каждой стране осуществляется неравномерно, однако сосредоточены они в определенных отраслях и сферах деятельности, для которых характерно:

- рабочие места низкой квалификации и низкого уровня оплаты труда, что отражает социальный статус и престиж занимаемой должности или профессии;

- отсутствие социальных гарантий, экономическая незащищенность, а также менее комфортные условия труда в сравнении с условиями труда местного населения;

– отсутствие возможностей для карьерного роста и профессионального продвижения, более привлекательных возможностей трудоустройства;

– вовлечение в неформальную, иногда даже персонифицированную, среду общения между руководителем и подчиненным.

Стоит также отметить, что, по М. Пиоре, заработная плата – это не строго экономическая категория, которая детерминирована спросом и предложением на рынке труда, его сложностью или затратностью. В случае с мигрантами она отражает социальный статус и престиж профессии, ее социальные качества. Привлечение неквалифицированной рабочей силы не может осуществляться за счет повышения заработной платы, так как это нарушит определенные связи между социальным статусом и его вознаграждением. Увеличение заработной платы на должностях нижней иерархии обязательно приведет к давлению и необходимости повышения вознаграждения на всех уровнях должностной иерархии, что соответствует социальным ожиданиям мигрантов.

«Привлечение местных работников во время нехватки рабочей силы путем повышения заработной платы является дорогостоящей и невыгодной операцией для работодателя, что вынуждает его прибегать к поиску выгодных решений, такому как ввоз мигрантов, которые готовы работать за более низкую заработную плату...» [Абылкаликов, Винник, 2012].

Другой причиной популярности привлечения иностранной рабочей силы в развитых экономических системах, по мнению М. Пиоре [Piore, 1979], является отсутствие притязаний на определенный социальный статус и положение в обществе, так как они не рассматривают себя как часть принимающего их сообщества. Для работодателя крайне выгодны такие работники, которые относятся к рабочему месту лишь как средству заработка денег, без особых притязаний на статус и престиж выполняемой работы. Из-за разных условий жизни в стране пребывания и на родине заработная плата мигранта по местным меркам является достаточной.

Развивающаяся экономика создает постоянный спрос на работников, кото-

рые готовы трудиться в ненадлежащих условиях труда и за низкое материальное вознаграждение. Однако фактором, стимулирующим наличие спроса на труд иммигрантов, согласно М. Пиоре, является не только диспропорция на рынке труда, но и негативное отношение людей к низкооплачиваемым рабочим местам и неготовность трудиться на данных позициях. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в Хабаровском крае. Половина опрошенных жителей края утверждает, что сами не хотят занимать некоторые позиции на рынке труда из-за условий труда или уровня его оплаты (табл. 3).

Таким образом, последствия миграционных процессов, протекающих в Хабаровском крае, оказывают противоречивое воздействие на экономику и социальную структуру населения региона, способствуя, с одной стороны, решению проблем субъектов экономической деятельности в обеспечении дешевыми трудовыми ресурсами, с другой – росту миграционной убыли местного населения, а также увеличению доли иностранных граждан. Стоит отметить, что данная категория лиц менее ориентирована на интеграцию в принимающем сообществе.

Социологическая диагностика отношений местного населения к трудовым мигрантам. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает проблема уважения и соблюдения мигрантами местных традиций и законов. Многие люди, опасаящиеся за самобытность культуры своей страны, считают миграцию одним из основных факторов, угрожающих этой культуре. Данной проблематике посвящено большое количество публикаций, что отражает высокий научный интерес специалистов, занимающихся вопросами социальной и культурной адаптации мигрантов.

Вместе с тем, по мнению большинства опрошенного местного населения, необходимо стремиться к интегрированию мигрантов в региональное сообщество (табл. 4).

При этом половина опрошенных (48,5%) считает, что приезжие мало уважают местные традиции, что свидетельствует о низком уровне восприятия норм и правил поведения той социальной

группы, в которой мигрант оказался. Не согласилась с данными оценками только пятая часть респондентов (20%), по мнению которой поведение мигрантов не

свидетельствует об уважении к культуре нашей страны (табл. 5).

Изучение местных традиций и культуры приезжими для их дальнейшей

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Согласны ли Вы с утверждением о том, что приезжие отбирают работу у местных жителей в Вашем регионе?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2019 г.
1. Местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места	46,0
2. Приезжие отнимают работу у местных жителей	15,5
3. И то, и другое	25,0
4. Другой ответ	0,5
5. Затрудняюсь ответить	13,0

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 г.»¹

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Нужно ли стремиться интегрировать мигрантов в региональное сообщество?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2019 г.
1. Да	62,6
2. Нет	23,0
3. Затрудняюсь ответить	14,4

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 г.»¹

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Согласны ли Вы с утверждением о том, что приезжие мало уважают местные традиции?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2019 г.
1. Согласен	48,5
2. Не согласен	20,0
3. Другой ответ	4,0
4. Затрудняюсь ответить	27,5

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 г.»¹

¹ Социологический опрос по теме «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 году», проведенный в июне и октябре 2019 г. (два этапа, исследование проведено методом анкетирования, квотная выборка (по полу и территории проживания), случайная на этапе отбора респондентов, опрос проведен в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также в 17 муниципальных районах Хабаровского края, а также с применением фокус-группового исследования и экспертного опроса). Опрошено 3950 респондентов. Организация полевых исследований и подготовка аналитического отчета осуществлена под научным руководством канд. техн. наук, Жебо А. В., д-ра социол. наук Завалишина А. Ю. (Хабаровский государственный университет экономики и права).

успешной ассимиляции и адаптации в регионе пребывания необходимым считают две трети участвующих в опросе (63%). Только незначительная часть (16%) респондентов не рассматривает знание местных традиций как обязательную социальную практику для лиц, приезжающих на заработки.

По мнению опрошенных, данную информационно-пропагандистскую работу должны осуществлять общественные организации и органы исполнительной власти и местного самоуправления в принимающем регионе (табл. 6)

Большинство опрошенных (61%) считают, что наиболее эффективным способом такого информирования будет привлечение мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках и спортивных мероприятиях (табл. 7).

Одной из мер по созданию условий для успешной первичной адаптации и даль-

нейшей социализации иностранцев в России стало учреждение миграционных центров и центров временного размещения, где могут проживать иностранные работники и участники программы по переселению соотечественников. По мнению большинства опрошенных (73,5%), данные центры должны также выступать акторами процесса информирования иностранцев о культуре и традициях страны проживания.

Результаты опроса также свидетельствуют об отсутствии у местного населения латентных агрессивных настроений и конкретных действий в отношении мигрантов. Так, пикеты и акции против мигрантов готовы поддержать немногим более десятой части опрошенных (12%), большая часть респондентов (54,5%) не готова принимать участие в подобных акциях и публичных мероприятиях, что свидетельствует об

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Кто должен информировать иностранных мигрантов о традициях и культуре России?» (в % от числа опрошенных, сумма ответов больше 100% согласно методике исследования)

Варианты ответа	2019 г.*
1. Органы власти и местного самоуправления	45,5
2. Общественные и некоммерческие организации	59,0
3. Ничего не нужно делать	7,0
4. Другой ответ	6,0
5. Затрудняюсь ответить	11,5

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 г.»¹

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Как информировать иностранных граждан о традициях и культуре России?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2019 г.*
1. Достаточно раздавать мигрантам информационные листовки	17,0
2. Привлекать мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях	61,0
3. Ничего не нужно делать	5,5
4. Другой ответ	2,5
5. Затрудняюсь ответить	14,0

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Мониторинг этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае в 2019 г.»¹

определенном уровне толерантности и доверия к мигрантам. Можно сделать вывод о том, что конфликты на межнациональной и межрелигиозной почве, а также местного населения с мигрантами в муниципальных образованиях Хабаровского края маловероятны либо вообще невозможны.

Заключение. Таким образом, с позиций экономической теории (М. Пиоре) и результатов социологических исследований во многом успешный процесс социокультурной адаптации наблюдается в тех регионах, где созданы условия для представителей различных этнических групп в усвоении культурно-образовательной среды. В этой связи актуализируется потребность создания региональных межкультурных центров, чья деятельность должна быть направлена не только на мигрантов, но и на граждан страны в целях гармонизации межнациональных отношений в регионе и выстраивания межкультурной коммуникации. Управленческим структурам, отвечающим за адаптацию мигрантов в регионе, необходимо выстроить эффективную модель, в которой были бы задействованы не только органы власти и местного самоуправления, но и общественные организации и некоммерческий сектор, ориентированные на

данную работу на условиях поддержки государством и бизнесом.

Список литературы:

1. Абылкаликов С. И., Винник М. В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19.
2. Алиев М. Д. Теория множественности рынков труда // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 1. С. 148–149.
3. Зубков В. В. Миграционная компонента демографического процесса в регионе: статистическое и социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 1 (90). С. 74–82.
4. Мелконян В. А. Главные теоретические обоснования и подходы к международной миграции рабочей силы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 3. С. 143–154.
5. Трудовые мигранты в российском селе [монография] / под ред. проф. П.П. Великого. Саратов, издательство «Саратовский источник», 2015. 293 с.
6. Piore, Michael J. Birds of passage : Migrant labor in industrial societies / Michael J. Piore. London etc. : Cambridge univ. press, 1979. 229 с.

Библиографическое описание статьи

Зубков В. В. Сегментированный рынок труда в контексте демографической ситуации и социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 138–145. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145

Vladimir V. Zubkov – Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the public and private law chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: zubkovvv89@mail.ru

Segmented labor market in the context of demographic situation and sociological dimension

The article presents a sociological view of the theory of segmented labor market by Michael Piore based on the analysis of current demographic situation in the Far-Eastern regions of the country, in particular in the Khabarovsk territory, which indicates an increase in the rate of population decline and an increase in the use of foreign labor in the region. Based on the analysis of results of sociological research, as well as personal observations, the segment of labor market in which foreign labor is actively used is characterized, and the motivation of foreign citizens to work is determined. Sociological analysis

of the attitudes of local population to labor migrants indicates the readiness of the local population to integrate migrants into the regional community.

Keywords: migration, migrants, international migration, foreign labor force, labor market, the Khabarovsk territory, regional community, theory of segmented labor market by M. Piore.

References:

1. Abylkalikov C. I., Vinnik M. V. Economic theories of migration: labor force and the labor market *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power], 2012, no. 12, pp. 1–19. (In Russian)
2. Aliev M. D. The theory of plurality of labor markets *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of legal and economic research], 2013, no. 1, pp. 148–149. (In Russian)
3. Zubkov V. V. The migration component of the demographic process in the region: statistical and sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 1 (90), pp. 74–82. (In Russian)
4. Melkonyan V. A. The main theoretical justifications and approaches to international labor migration *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: economic theory, analysis, practice], 2015, no. 3, pp. 143–154.
5. Labor migrants in the Russian village [monograph] / ed. prof. P.P. Great. Saratov, publishing house “Saratov source”, 2015. 293 p. (In Russian)
6. Piore, Michael J. Birds of passage: Migrant labor in industrial societies / Michael J. Piore. London etc. : Cambridge univ. press, 1979. 229 p.

Reference to the article

Zubkov V. V. Segmented labor market in the context of demographic situation and sociological dimension // *Power and Administration in the East of Russia*. 2020. No. 2 (91). Pp. 138–145. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145

DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-146-157

УДК 316

Е. А. Клейменов**Е. В. Чепиков**

Состояние антикоррупционного просвещения граждан на Дальнем Востоке: социологическое измерение

В статье на основании количественных и качественных экспертных социологических опросов проанализировано состояние антикоррупционного просвещения, реализуемого в последние годы в России. На основании результатов указанных опросов авторы приходят к выводу, что в социологическом измерении антикоррупционное просвещение в России в целом и в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО), в частности, реализуется на недостаточно высоком уровне. Ключевые причины, в силу которых такое просвещение требует своего дальнейшего совершенствования, связаны как непосредственно с деятельностью по его реализации, так и с социальными условиями, предпосылками, в рамках которых проводятся мероприятия по антикоррупционному просвещению. Среди основных причин опрошенные эксперты отмечают фиксируемую по многим показателям усеченность, фрагментарность антикоррупционного просвещения, проводимого как через СМИ, так и другими способами, а также некорректность критериев оценки результативности такого просвещения. Вторая группа причин представлена пятью смысловыми блоками: уголовно-криминологическим, организационно-распорядительным, социально-экономическим, информационно-просветительским и психологическим. Наряду с этим социологические опросы позволили авторам отразить и положительные сдвиги в антикоррупционном просвещении – увеличение числа информационных материалов по антикоррупционному просвещению; мероприятия, реализуемые в его рамках, расширение правовой базы по противодействию коррупции, а также качественно-количественные перемены осуществления соответствующего просвещения государственных служащих и в образовательных организациях.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, Дальний Восток, эксперты-практики, эксперты-ученые, социологические опросы.

Актуальность изучения состояния антикоррупционного просвещения граждан¹ на Дальнем Востоке². Значимость настоящего исследования вызвана обстоятельствами, которые можно разде-

лить на четыре группы. К первой группе относится, прежде всего, распространение коррупционных практик в России.

Об этом свидетельствуют, во-первых, многочисленные сообщения в СМИ по-

¹ Здесь и далее по тексту обзора категории «население» и «граждане» употребляются как тождественные. При этом под гражданами авторы понимают представителей широкого круга социальных групп (профессиональных (в том числе и чиновников, и учителей и врачей), возрастных и т.д.). Использование термина «граждане» обосновано преимущественным его употреблением в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Категория «население» включает в себя и иностранных граждан и лиц без гражданства, однако в указанном законе она не встречается, а об иностранных гражданах и лицах без гражданства законодатель упоминает в тексте названного нормативного правового акта лишь один раз.

² Здесь и далее по тексту обзора категории «Дальний Восток» и «Дальневосточный федеральный округ» употребляются в качестве синонимичных.

Евгений Алексеевич Клеймёнов – канд. социол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России (680000, Россия, Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15). E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru

Евгений Валерьевич Чепиков – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России (680000, Россия, Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15). E-mail: chepikov_ev@mail.ru

следних лет о задержаниях чиновников различного уровня по обвинениям в совершении коррупционных преступлений. В последние годы перечень таких лиц пополнился не только губернаторами, но и федеральными министрами [Шкуренко, Козичев, Малаев, 2017].

Во-вторых, о достаточно значительных масштабах борьбы с коррупцией в нашей стране говорят статистические данные. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в целом по стране возросло на 14% (с 3,5 тыс. в 2018 г. до 3,9 тыс. в 2019 г.) число деяний, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации («Получение взятки»). При этом среди лидеров такого роста в 2019 г. выделяются два субъекта Российской Федерации, входящие в состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО): Приморский (с 30 до 77) и Хабаровский (с 12 до 40) края³.

О значительном числе коррупционных преступлений сообщает и статистика Следственного комитета Российской Федерации, согласно которой в 2019 г. направлено в суд для рассмотрения 6468 уголовных дел об 11 664 преступлениях.

Результаты социологических опросов во многом подтверждают представленные статистические данные [Латов, 2019. С. 40–60]⁴.

Обозначившееся в последние годы системное противодействие коррупции обуславливает необходимость изучения мер, направленных на антикоррупционное просвещение (далее – АКП) как одно из приоритетных направлений такого противодействия.

По мнению представителей научного сообщества, ученых-специалистов в области социально-гуманитарного знания, отдельные составляющие такого просве-

щения требуют своего совершенствования. Ученые, в частности, отмечают, что такое улучшение должно касаться следующих элементов АКП:

- разработки и закрепления показателей эффективности АКП [Кабанов, 2018. С. 48–52];
- обеспечения научно-методической основы для осуществления АКП [Щедрин, Дамм, Акунченко, 2017. С. 147–160];
- деятельности некоммерческих организаций в сфере АКП [Мамитова, Назаров, Дворецкий, 2018. С. 730–744].

Наличие данных обстоятельств образует третью группу причин, актуализирующих исследование состояние АКП на Дальнем Востоке.

О недостаточной эффективности отдельных направлений АКП мы также можем судить по результатам социологических опросов⁶, заявлениям высшего политического руководства страны⁷.

Третья категория факторов, обуславливающих важность изучения состояния антикоррупционного просвещения, представлена необходимостью научно обоснованной оценки итогов АКП, реализация которого на программно-нормативном уровне осуществляется в России с 2014 г.

Четвертый блок причин, требующих проведения исследования по измерению АКП, связан с его географическими рамками. Акцент на изучении антикоррупционного просвещения в ДФО задан особым вниманием руководства страны к комплексному социально-экономическому развитию данной территории в последние годы (создание территорий опережающего развития, условий для закрепления населения (дальневосточные гектар и ипотека), масштабные идущие (космодром в Амурской области, мост через бухту Золотой Рог в г. Владивосток) и планируемые стройки (мост на остров

³ Число выявленных взяток в России в 2019 году выросло на 10 % // сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/7622875>

⁴ В СК России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений // сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1417917/>

⁵ «Ромир»: основные проблемы России – взгляд общества 2020 // сайт исследовательского холдинга Romir. URL: <https://romir.ru/studies/romir-osnovnye-problemy-rossii-vzglyad-obshchestva-2020>

⁶ Аналитический обзор «Коррупция в России: мониторинг» // сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> ; Источники информации о коррупции // сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14187>

⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Сахалин). Мировая практика убедительно свидетельствует, что такое развитие может быть успешным только в случае работы надежного антикоррупционного кордона. Одним из элементов этого оборонительного институционального сооружения выступает механизм антикоррупционного просвещения. Анализ его прочности и отлаженности позволит

спрогнозировать результативность мер, предпринимаемых на государственном уровне в отношении Дальнего Востока России.

Эмпирическая база исследования. В целях социологического измерения АКП нами были проведены качественные и количественные экспертные социологические опросы⁸.

⁸ Первая экспертная категория – эксперты-практики (сотрудники органов внутренних дел). Первая группа экспертов-практиков – сотрудники органов внутренних дел, в чьи должностные обязанности входит противодействие преступлениям коррупционной направленности (оперативные уполномоченные подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – «эксперты ЭБиПК», «сотрудники ЭБиПК»), оперативные уполномоченные подразделений уголовного розыска (далее – «эксперты ОУР») территориальных органов МВД России дислоцированных в Дальневосточном федеральном округе).

Вторая экспертная группа экспертов-практиков – проходящие службу в регионах Дальневосточного федерального округа сотрудники Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – «эксперты ГИБДД», $n = 29$), деятельность которой в России на уровне обыденного коллективного сознания на протяжении многих лет рассматривается как одна из самых коррупциогенных. Эксперты-практики были опрошены при помощи фокус-групповых интервью. В фокус-группе экспертов ЭБиПК приняли участие 6 сотрудников, в фокус-группе экспертов ОУР – 8, в фокус-группе экспертов ГИБДД – 9. Кроме того, оценки экспертов-практиков были зафиксированы при помощи анкетного опроса. Опрос проводился среди экспертов ОУР ($n = 13$), экспертов ГИБДД ($n = 29$), экспертов ЭБиПК ($n = 81$).

Эксперты второй категории (далее – «эксперты-ученые»), также были разделены на две группы. Критерием для указанного деления стала степень погруженности в проблему антикоррупционного просвещения в сочетании с масштабностью её осмысления. Формальным выражением такого дуалистичного критерия выступило либо наличие ученой степени доктора наук в области юридических, исторических, социально-гуманитарных наук, либо участие в обучении государственных и муниципальных служащих по программам антикоррупционной направленности (в том числе по программам дополнительного образования). Те эксперты-ученые, кто удовлетворяли авторский коллектив по данному критерию, образовали первую группу экспертов (далее – «эксперты-ученые первой группы»), те, кто не удовлетворяли – соответственно во вторую («эксперты-ученые второй группы»).

Поскольку эксперты-ученые первой группы малочисленны и соответственно менее доступны для изучения, то их опрос проводился в форме глубинного интервью. Таких интервью проведено 12. В них приняли участие преимущественно специалисты в области социально-гуманитарного знания: 4 доктора исторических наук, 2 доктора юридических наук, 1 доктор политических наук, 2 доктора социологических наук, 1 кандидат социологических наук и 2 кандидата исторических наук, принимающих непосредственное участие в повышении квалификации государственных и муниципальных служащих по программам противодействия коррупции.

Эксперты-ученые второй группы, напротив, представлены преимущественно специалистами в сфере юриспруденции. Часть из них была опрошена при помощи фокус-групповых интервью по заранее определенному перечню вопросов. В таких интервью приняли участие научно-педагогические работники из следующих образовательных организаций высшего образования: Дальневосточного юридического института МВД России (далее – «ДВЮИ МВД России»), Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия (далее также – «ДВФ ФГБОУВО «РГУП»»), Дальневосточного университета путей сообщения (далее – «ДВГУПС»). Всего было проведено 3 фокус-группы в период с января по март 2020 г., в которых приняли участие 28 человек. Ведущие фокус-групп – доценты кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД России Е.А. Клеймёнов, Е.В. Чепиков. Все участники фокус-групп были также опрошены при помощи анкет: ДВЮИ МВД России (г. Хабаровск, $n=8$), Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск, $n=6$), Хабаровского государственного университета экономики и права ($n=7$), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск, $n=8$). Кроме того, в качестве экспертов-ученых второй группы выступили научно-педагогические работники Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, $n=10$), Северо-Восточного федерального университета (г. Якутск, $n=9$), Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, $n=10$). Все они были опрошены при помощи анкет. Всего в анкетном опросе приняли участие 58 научно-педагогических работников из 7 образовательных организаций, расположенных в 3 регионах Дальневосточного федерального округа. Всего в экспертных опросах приняли участие 205 респондентов.

Состояние антикоррупционного просвещения в фокусе социологического анализа: экспертные оценки.

Перед тем как перейти к описанию состояния антикоррупционного просвещения граждан в ДФО по результатам таких опросов отметим, что большинство экспертов не видят существенной разницы между реализацией АКП на Дальнем Востоке и в других регионах России в силу того, что российское общество развивается в рамках единого информационного и правового поля, что предполагает универсальность как требований к реализации АКП по ведомственным вертикалям, так и тождественность в разных регионах сведений, передаваемых через каналы информирования населения. Об этом сообщают многие и эксперты-практики и эксперты-ученые: «Региональной специфики нет, потому что инициатива по антикоррупционному просвещению все-таки идет сверху, а система органов государственной власти у нас единая»; «... мы живем в одном информационном поле».

В связи с этим все ниженазванные характеристики АКП в России в целом в полной мере относятся и к АКП, реализуемому в ДФО.

Результаты качественных и количественных опросов показали, что несмотря на то, что в России с 2014 г. принимаются программные документы по антикоррупционному просвещению, большинство экспертов оценивают состояние такого просвещения недостаточно высоко.

Докажем данный тезис и подробно обобщим его вначале при помощи результатов качественных исследований, фокус-групповых и глубинных интервью.

Эксперты-практики, признавая недостаточность эффективности работы по АКП, отмечают: «антикоррупционное просвещение в России и Дальнем Востоке ... находится на недостаточно высоком уровне».

В этом же признались и эксперты-ученые первой группы: «Есть определенные действия... Но, если говорить о результатах этой деятельности, то мы находимся ещё в самом начале».

Вместе с тем среди экспертов-ученых второй группы неудовлетворительно оце-

нивающих АКП меньшинство: «Если говорить о молодежи, о студентах, с которыми мы работаем, то просвещение на низком уровне».

Причины, по которым АКП признается экспертами не вполне эффективным, можно разделить на две группы. Первую такую группу представляют обстоятельства, которые прямо относятся к АКП, характеризуют данный вид деятельности, являются его составными компонентами.

В данной группе, прежде всего, выделяется принцип формальности при реализации АКП, проведение мероприятий по АКП «для галочки», соблюдения требований отчетности. Особенно ярко об этом свидетельствуют мнения экспертов-практиков: «... система не отработана, очень много бюрократизма. ... Меры формальны...».

Встречаются аналогичные единичные мнения и в среде экспертов-ученых: «С одной стороны, процессы есть, а с другой – процессы слабо отлажены и превращаются в некий формализм».

Другим серьезным препятствием для надлежащей реализации АКП эксперты считают его избирательность, которая проявляется в том, что оно сегодня выражается преимущественно в просвещении чиновников различных уровней, не затрагивающем широких слоев населения: «Антикоррупционное просвещение направлено в основном на государственных служащих, но также есть масса служб и должностей, которые связаны с проявлениями коррупции ... учителя, врачи...».

Единичные экспертные мнения показывают, что указанная избирательность проявляется и в содержании АКП, в котором акцент делается преимущественно на правовой стороне проблемы: «... просвещение носит юридический аспект, а именно это ответственность, какие-либо юридические законы и т. д., без влияния на ментальность».

Также мнения некоторых экспертов-ученых первой группы позволили зарегистрировать некорректные критерии результативности АКП. Такие индикаторы, по мнению экспертов, влияют не только на правильность оценки эффективности АКП, но и неизбежно влекут применение неадекватных средств его реализации: «Например, может ли быть критерием

эффективности количество проведенных бесед? Мы понимаем, что нет. Это чисто формальный показатель, который не работает на результат...»; «я всегда ставил под сомнение критерии оценки коррупции, которые использует известная нам организация Transparency International. Какой критерий? Уровень восприятия коррупции населением. А что под этим понимается?...».

Действительно, если обратиться к базовым документам по АКП, то мы увидим достаточное количество широко толкуемых, количественно не выраженных, прямо не отражающих уменьшение уровня коррупции, результаты реализации соответствующих программ. К ним относятся, например, «видеоролик и буклеты», «опубликование просветительских материалов антикоррупционной направленности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», «информация о проведении мероприятий»⁹ или «поддержание интереса молодежи к антикоррупционным мероприятиям», «привлечение внимания к вопросам противодействия коррупции, формирование устойчивого нетерпимого отношения к ее проявлениям»¹⁰.

Усеченность АКП проявляется не только в перечне объектов, на которые оно распространяется, и в его содержании, но и в способах его реализации в отношении широких слоев населения. Последние, по мнению большинства экспертов, доминантно представлены деятельностью СМИ по новостному освещению выявленных коррупционных правонарушений. При этом многие эксперты полагают, что такое ситуативно-событийное информирование сопряжено с крайне недостаточной трансляцией антикоррупционных социальной рекламы, просветительских передач, бесед.

Об этом свидетельствуют эксперты-практики: «... информирование носит новостной характер».

Об этом же говорят и эксперты-ученые: «... передачи есть ... Но ... они фрагмен-

тарны, транслируются от случая к случаю ...».

Вместе с тем фрагментарность реализации АКП заключается не только в преимущественной реализации через СМИ посредством подготовки новостных выпусков, но и в характере, содержании самих новостных сообщений. Говоря о таком содержании, эксперты выделяют целый блок проблем.

Во-первых, некоторые эксперты-практики отмечают, что природа такого преимущественно новостного, ситуативного освещения уже свершившихся коррупционных фактов предопределила отсутствие профилактической, предупредительно-разъяснительной компоненты в соответствующих информационных материалах: «Больше освещают уже совершенные преступления».

Во-вторых, респонденты отмечают излишнюю скандальность, негативную эмоциональную перегруженность сообщений о выявленных или потенциальных коррупционных правонарушениях, призванную повысить рейтинги соответствующих СМИ: «СМИ можно разделить на 2 категории: первая – те, которые все факты, связанные с проявлением коррупции на ... высоком уровне, используют для того, чтобы поднять рейтинги. Здесь ни о каком просвещении речи быть не может»;

– «Просвещение у нас идет избирательно – информируют только о скандальных делах».

Такая качественная направленность материалов, транслируемых СМИ, в сочетании с их значительной количественной насыщенностью не способствует формированию у населения антикоррупционного стандарта поведения: «... каждый ребенок старше 4 лет знает, что такое взятка, потому что информации об этом очень много...».

В-третьих, опрошенные указывают на неполноту освещения хода уголовного дела по коррупционному преступлению в СМИ, выражающуюся, прежде всего,

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 января 2019 г. № 98-р «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2018 г. № 2884-р «Об утверждении комплексного плана просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019–2020 годы» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

в отсутствии информации о результатах уголовного преследования коррупционера. Об этом говорят эксперты-практики: «Нужно показывать не факт задержания, а результат преследования».

Ко второй группе причин, препятствующих эффективному АКП, относятся те социальные явления и процессы, которые не являются элементами АКП, но создают неблагоприятную социальную почву для распространения коррупционных практик и решающим образом снижают эффективность АКП.

Их можно разделить на пять блоков: уголовно-криминологический, организационно-распорядительный, социально-экономический, информационно-просветительский и психологический.

К первому блоку отнесем те обстоятельства, которые характеризуют назначение и исполнение уголовных наказаний за коррупционные преступления, качество нормативных правовых актов, принимаемых в сфере противодействия коррупции, механизмы реализации последних, а также специфику правосознания дальневосточников.

Отражая состояние первой части данного блока, многие опрошенные, большинство из которых эксперты-практики, указали на недостаточность наказания за коррупционные преступления и строгости контроля за коррупционерами: «... людей не пугает ответственность и наказания за коррупционные преступления».

Говоря о качестве нормативных правовых актов в области противодействия коррупции, некоторые эксперты обратили внимание на ряд проблем в правовом регулировании противодействия коррупции. К таким опрошенные отнесли множественность и разнородность правовых актов, регламентирующих противодействие коррупции, в том числе по линии антикоррупционного просвещения, пробелы и нечеткость положений, содержащихся в них: «... одна из проблем антикоррупционного просвещения – нечеткость терминов».

Организационно-распорядительная компонента во второй группе причин, препятствующих надлежащей реализации АКП, представляет собой условия и порядок организации оказания публичных услуг.

К таким порядкам и условиям некоторые эксперты относят отсутствие надлежащего механизма воздействия на лицо, оказывающее публичные услуги в экстремальной для заявителя ситуации – ситуации, когда в крайне сжатые сроки последнему требуется решить крайне значимую, судьбоносную для него проблему: «... если мы возьмем самые элементарные вещи, те же ритуальные услуги, здравоохранение – все те проблемы, с которыми приходится внезапно столкнуться – человек перепуган, он не знает куда пойти, и для того, чтобы эту проблему быстрее решить – лучше дать».

Еще в разрезе организационно-распорядительных условий, порождающих коррупционные отношения, эксперты сообщили о дефиците, недоступности или значительной ограниченности ряда услуг для граждан и организаций, порождающие коррупционные, неформальные практики по их реализации или получению результата их оказания: «... если ... имеется дефицит предоставления услуг, всегда найдется тот, кто захочет эти услуги предоставить на не совсем законной основе...».

Другим важным препятствием при оказании государственных услуг является сохраняющаяся, по мнению некоторых экспертов, система «административных» барьеров: «... проблема в том, что законным путем сложнее и дольше, чем незаконным».

Блок преград социально-экономической природы на пути эффективного АКП представлен, с точки зрения экспертов, прежде всего, недостаточно высоким уровнем доходов граждан нашей страны: «В СССР была не столь значительная разница в доходах.... Если все живут средне, то не возникает зависти, не возникает вопроса о справедливости».

Кроме того, эксперты-практики, выделили недостаточный уровень социальных гарантий государственных служащих среднего и нижнего звеньев.

Отдельные эксперты выделяют в социально-экономических основаниях неэффективного АКП более глубокие и одновременно масштабные основания (рыночную экономику, наличие частной собственности, широкое распространение ценностей потребительского общества, продуцирующих массовый запрос

на «красивую» жизнь): «Рыночная система создаёт предпосылки коррупционных проявлений»; «Проблема заключается еще в том, что развиваются ценности потребительского общества, и существует некий стандарт успешного человека, который всегда является богатым, но при этом уровень возможности достижения этого образца низок, и это в последующем приводит к коррупции».

К рассматриваемому пласту барьеров для эффективного АКП некоторые эксперты-ученые первой группы относят также специфику дальневосточной экономики, основанной на добыче природных ресурсов, мощных бюджетных потоках, направленных на развитие региона. Такая особенность, по мнению опрошенных, создает дополнительные основания для возникновения коррупционных отношений: «... здесь жизнь зависит от связи с окружающей средой (природой, биоресурсами, тем, что связано с лесом ...) ... существует своя специфика, хозяйственная...».

Информационно-просветительская плоскость, блокирующая эффективное АКП, обусловлена, по мнению многих экспертов, прежде всего, тем, что органы государственной власти, система образования недостаточно ориентированы на гражданско-правовое воспитание населения, на формирование духовно-нравственных ценностей, что не способствует росту общих уровней правосознания и нравственности и в конечном итоге приводит к правонарушениям, в том числе коррупционным: «...первопричиной является образование (общее, высшее), из которого убрали систему воспитания, и все образование переложили в русло образовательных услуг».

Критично некоторые эксперты оценивают и работу СМИ, сети Интернет в данном направлении, как правило, не создающих должных примеров достойного поведения, но напротив, изобилующих антипримерами: «СМИ не работают на то, чтобы сформировать антикоррупционные модели. Напротив, сподвигают на то, чтобы совершать это. Сериал «Полицейский с Рублевки», к примеру».

Психологический аспект преград АКП выражается, прежде всего, в наличии в

массовом сознании граждан архетипических ментальных установок на допустимость коррупционных практик. Об этом свидетельствуют единичные мнения экспертов: «Любое сложное явление в обществе, в том числе коррупция очень многоплановое, многосоставное. Основано и на психике, и на инстинктах человека».

Коррупционно отягощенная ментальность российских чиновников, представленная в том числе в форме воспроизводства института кормления, также вызывает обеспокоенность у отдельных экспертов первой группы: «...некоторые рассматривают госслужбу как кормление – это ментальная проблема».

Наряду с тем, что большинство экспертов невысоко оценивает состояние АКП, многие опрошенные отмечают позитивные сдвиги в области АКП, произошедшие за последние годы. Такие изменения связываются респондентами, прежде всего, с увеличением количества материалов в СМИ, посвященных коррупционным правонарушениям: «В целом тема коррупции сегодня очень популярна ... об этом очень часто говорят СМИ».

Другим позитивным моментом в сфере АКП является появление множества правовых актов достаточно высокого качества по противодействию АКП: «... насчет нашего законодательства... за последние полтора десятка лет, оно подготовило почву для эффективной борьбы с коррупцией».

Многие эксперты солидарны и в том, что произошло улучшение АКП государственных служащих, прежде всего, в части увеличения числа антикоррупционных занятий, встреч с ними: «У нас постоянно проводятся занятия, как с общим личным составом, так и в отделе... если сказать в целом, то просвещение идет»; «Работа носит более целенаправленный и комплексный характер. И методическое обеспечение, и в плане проводимых мероприятий все достаточно хорошо».

Также эксперты отмечают позитивную динамику в плане осуществления АКП в образовательных организациях: «... на сегодняшний день определенная просветительская деятельность ведётся в учебных заведениях»; «... у нас в школу ходят сотрудники, рассказывают об этом,

приводят примеры».

Совокупный эффект от указанных положительных последствий АКП, в том числе в виде изменения коллективного сознания отдельных социальных групп, по мнению некоторых экспертов, также имеет место быть: «В сознании сотрудников происходят изменения. Все чаще сотрудники говорят: «Это незаконно! Я на это не пойду!».

Вышеперечисленные результаты качественных опросов во многом коррелируют с итогами опросов количественных.

Так, как и было показано выше, большинство экспертов-практиков и экспертов-ученых второй группы полагают, что АКП в настоящее время реализуется в ДФО недостаточно эффективно (табл. 1).

Как видим, таких экспертов в каждой группе более половины при том, что противоположной позиции в каждой категории придерживается около трети респондентов.

Количественное измерение причин, по которым эксперты находят АКП недостаточно эффективным, во многом отражает вышеизложенные результаты, полученные в ходе применения качественных социологических методов. Представим 8 наиболее значимых в долевом выражении причин (табл. 2).

Представленные данные показывают, что в перечне причин, которые не-

посредственно не влияют на АКП, но создают соответствующий неблагоприятный коррупционный фон, блокирующий мероприятия по АКП, прежде всего, выделяются недостаточно суровые наказания за коррупционные правонарушения. Однако единства мнений среди экспертов в отношении данного обстоятельства, как следует из таблицы, нет: если среди экспертов-практиков в этом уверен каждый третий, то среди экспертов-ученых второй группы о недостаточности наказаний сообщает только каждый пятый из числа, полагающих АКП неэффективным.

Более монолитным в плане солидарности мнений различных групп экспертов, а, значит, и более репрезентативным, выглядит ответ об общем падении уровня нравственности за последние 20–30 лет. Об этом обстоятельстве, препятствующем продуктивному АКП, сообщил каждый четвертый респондент.

Косвенно о недостаточно совершенном АКП мы можем также судить по результатам ответов экспертов на вопрос об управленческих действиях, необходимых для совершенствования мероприятий по противодействию коррупции. Среди них приоритетно положительно оцениваются не мероприятия по АКП, а деятельность, направленная на обеспечение социально-экономических и правовых условий, препятствующих корруп-

Таблица 1

Распределение ответов по группам экспертов на вопрос: «Как Вы полагаете, в целом те меры, которые предпринимаются сегодня в ДФО по антикоррупционному просвещению, могут существенно повлиять на формирование нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям в обществе?» (в % от числа опрошенных соответствующей категории респондентов)

Вариант ответа	Эксперты-практики	Эксперты-ученые второй группы	Всего
1. Однозначно, да	6,6	0,0	5,2
2. Скорее да, чем нет	22,1	35,1	31,1
3. Скорее нет, чем да	47,8	38,6	45,1
4. Однозначно нет	7,4	12,3	8,8
5. Затрудняюсь ответить	14,7	14,0	14,5

Источник: составлено авторами на основе качественных и количественных экспертных социологических опросов⁸.

Таблица 2

Распределение по категориям экспертов результатов ответов на вопрос: «Если Вы считаете, что меры, предпринимаемые в ДФО по антикоррупционному просвещению, не могут существенно повлиять на формирование нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям в обществе, то укажите, пожалуйста, наиболее важные причины этого?» (в % от числа опрошенных в соответствующей категории, полагающих, что в целом те меры, которые предпринимаются сегодня в ДФО по антикоррупционному просвещению, не могут существенно повлиять на формирование нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям. На вопрос отвечали 54% опрошенных).

Вариант ответа	Эксперты-практики	Эксперты-ученые второй группы	Всего
1) недостаточно строгие наказания за правонарушения (в том числе преступления) коррупционной направленности	39,0	19,3	33,2
2) некорректное освещение в СМИ фактов коррупции – подача информации эмоционально окрашена, носит скандальный характер, направлена не на гражданское и правовое воспитание граждан, а на повышение рейтингов соответствующих СМИ	29,4	29,8	29,5
3) формальное, «для галочки» и отчетности, проведение мероприятий по антикоррупционному просвещению	27,2	35,1	29,5
4) общее падение уровня нравственности за последние 20–30 лет	25,7	24,6	25,4
5) недостаточное освещение в СМИ фактов коррупции и последствий за совершение коррупционных правонарушений, в том числе и преступлений	27,2	14,0	23,3
6) антикоррупционное просвещение на фоне трансляции громких дел о коррупции вызывает иронию, раздражение и неприятие	21,3	26,3	22,8

Источник: составлено авторами на основе качественных и количественных экспертных социологических опросов⁸.

ции (табл. 3).

Вместе с недостаточно эффективными сторонами АКП итоги количественных опросов также показывают положительные изменения, произошедшие с АКП в последние годы. Так, несмотря на то, что большинство опрошенных (55,4%) признают, что эффективность антикоррупционного просвещения в регионах Дальнего Востока за последние 2 года не изменилась, все же каждый четвертый (26,4%) респондент полагает, что АКП стало более эффективным. Столько же экспертов считают, что АКП в ДФО реализуется более эффективно, чем в других федеральных округах (при 16%, полагающих обратное, и более половины

экспертов (56,5%), затруднившихся с ответом).

Закключение. Сочетание количественных и качественных методов исследования, разнообразный состав опрошенных экспертов как с точки зрения профессионально-служебной принадлежности в случае с экспертами-практиками, так и с позиций вовлеченности в различные области социально-гуманитарного знания в случае с экспертами-учеными, достаточная географическая представленность опрошенных обеспечили высокую степень надежности полученных результатов проведенных социологических опросов.

К таким ключевым итогам можем от-

Таблица 3

Распределение по категориям респондентов результатов ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие меры приоритетно необходимо предпринимать, чтобы эффективно противодействовать коррупции в регионах ДФО?» (в % от числа опрошенных соответствующей категории)

Вариант ответа	эксперты-практики	эксперты-ученые второй группы	Всего
1) совершенствовать механизмы общественного контроля за деятельностью органов власти и управления, их должностных лиц	21,7	38,5	26,2
2) усилить государственный контроль за соблюдением должностными лицами запретов и ограничений, установленных законодательством	23,6	34,6	26,4
3) повысить уровень жизни населения	50,7	55,8	51,8
4) совершенствовать просвещение населения, должностных лиц, направленное на формирование негативного отношения к коррупционному поведению – повысить уровень сознательности людей	15,7	25,0	18,7
5) повысить уровень оплаты труда и социальной защищенности государственных и муниципальных служащих	41,4	28,8	38,3
6) ужесточить наказания за совершение правонарушений и преступлений коррупционной направленности	44,3	26,9	39,9
7) отменить мораторий на смертную казнь	19,3	15,4	18,7
8) расширить полномочия сотрудникам правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности	29,3	19,2	26,4
9) шире освещать антикоррупционную деятельность в средствах массовой информации	11,4	7,7	10,4
10) снизить «административные барьеры» для населения и бизнеса	15,0	32,7	19,7
11) обеспечить равенство всех перед законом, не взирая на должностные статусы	30,7	42,3	34,2

Источник: составлено авторами на основе качественных и количественных экспертных социологических опросов⁸.

нести следующие тезисы, емко отражающие мнения респондентов:

1. АКП в России в целом и в ДФО в частности реализуется на недостаточно высоком уровне;

2. Ключевые причины, в силу которых АКП требует своего дальнейшего совершенствования, связаны как непосредственно с деятельностью по реализации АКП, так и с социальными условиями, предпосылками, в рамках которых проводятся мероприятия по АКП. Среди первых эксперты, прежде всего, отмеча-

ют фиксируемую по многим показателям усеченность, фрагментарность АКП, проводимого как через СМИ, так и другими способами, а также формальность мер по АКП и некорректность критериев оценки результативности АКП.

Вторая группа причин представлена пятью смысловыми блоками: уголовно-криминологическим, организационно-распорядительным, социально-экономическим, информационно-просветительским и психологическим;

3. Положительные сдвиги в АКП, экс-

перты видят преимущественно в увеличении числа информационных материалов по АКП, мероприятий, реализуемых в его рамках, расширении правовой базы по противодействию коррупции, а также в качественно-количественных переменных осуществления АКП государственных служащих и в образовательных организациях.

Список литературы:

1. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение в субъектах Российской Федерации: опыт организации и перспективы развития // Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования. Сборник научных статей по материалам II Сибирского антикоррупционного форума. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. С. 48–52.

2. Латов Ю. В. Коррупция в зерка-

ле общественного мнения россиян: проблемы, противоречия, парадоксы // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (4). С. 40–60.

3. Мамитова Н. В., Назаров И. И., Дворецкий А. А. Роль некоммерческих организаций в формировании и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации: аналитическое исследование // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 4. С. 730–744.

4. Щедрин Н. В., Дамм И. А., Акунченко Е. А. Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3. С. 147–160.

5. Шкуренок О., Козичев Е., Малаев М. Коррупция в графическом измерении [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3255830>

Библиографическое описание статьи

Клеймёнов Е. А., Чепиков Е. В. Состояние антикоррупционного просвещения граждан на Дальнем Востоке: социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 146–157. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-146-157

Yevgeniy A. Kleymenov – Candidate of Sociology, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (15, Kazarmenny Per., Khabarovsk, 680020, Russia). E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru

Yevgeniy V. Chepikov – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (15, Kazarmenny Per., Khabarovsk, 680020, Russia). E-mail: chepikov_ev@mail.ru

The state of anti-corruption education of citizens on the Far East: sociological dimension

Based on the quantitative and qualitative expert sociological polls, the article analyzes the state of anti-corruption education implemented in recent years in Russia. Based on the results of these surveys, the authors conclude that in the sociological dimension, anti-corruption education in Russia as a whole and in the Far-Eastern federal district in particular is implemented at an insufficiently high level. The key reasons for which such education requires further improvement are related both directly to the activities for its implementation, and to the social conditions, prerequisites, within the framework of which anti-corruption education activities are carried out. Among the first, the experts interviewed, first of all, note the truncation, fragmentation of anti-corruption education, carried out both through the media and in the other ways, as recorded by many indicators, as well as the incorrectness of the criteria for evaluating the effectiveness of such education. The second group of reasons is represented by five semantic blocks: criminal criminological, organizational and administrative, socio-economic, informational and educational and psychological. Along with

this, sociological polls allowed the authors reflect the positive developments in anti-corruption education. Recent experts see mainly an increase in the number of informational materials on anti-corruption education, measures implemented within its framework, an expansion of the legal framework for combating corruption, as well as the qualitative and quantitative changes in the implementation of relevant education of public servants and educational organizations.

Keywords: *anti-corruption education, the Far East, expert practitioners, expert scientists, opinion polls.*

References:

1. Kabanov P. A. Anti-corruption education in the constituent entities of the Russian Federation: organization experience and development prospects // Actual problems of anti-corruption education and anti-corruption education. Collection of scientific articles based on the materials of the II Siberian Anti-Corruption Forum. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2018, pp. 48–52. (In Russian).
2. Latov, Yu. V. Corruption in the mirror of public opinion of Russians: problems, contradictions, paradoxes // Journal of Institutional Studies. 2019, no. 11 (4), pp. 40–60. (In Russian).
3. Mamitova N. V., Nazarov I. I., Dvoretzky A. A. The role of non-profit organizations in the formation and implementation of anti-corruption policies of the Russian Federation: an analytical study // Actual problems of economics and law. 2018, vol. 12, no. 4, pp. 730–744. (In Russian).
4. Shchedrin N. V., Damm I. A., Akunchenko E. A. Actual problems of anti-corruption education and anti-corruption education // Actual problems of economics and law. 2017, vol. 11, no. 3, pp. 147–160. (In Russian).
5. Shkurenko O., Kozichev E., Malaev M. Corruption in the graphic dimension [Electronic resource] // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3255830> (In Russian).

Reference to the article

Kleymenov Ye. A., Chepikov Ye. V. The state of anti-corruption education of citizens on the Far East: sociological dimension // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 2 (91). Pp. 146–157. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-146-157

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2020 г. № 2 (91)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 30.06.2020 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 10,6

Учетн.-изд. л. – 12,8

Тираж – 500 экз.

Заказ № 7

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio@dviu.ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
